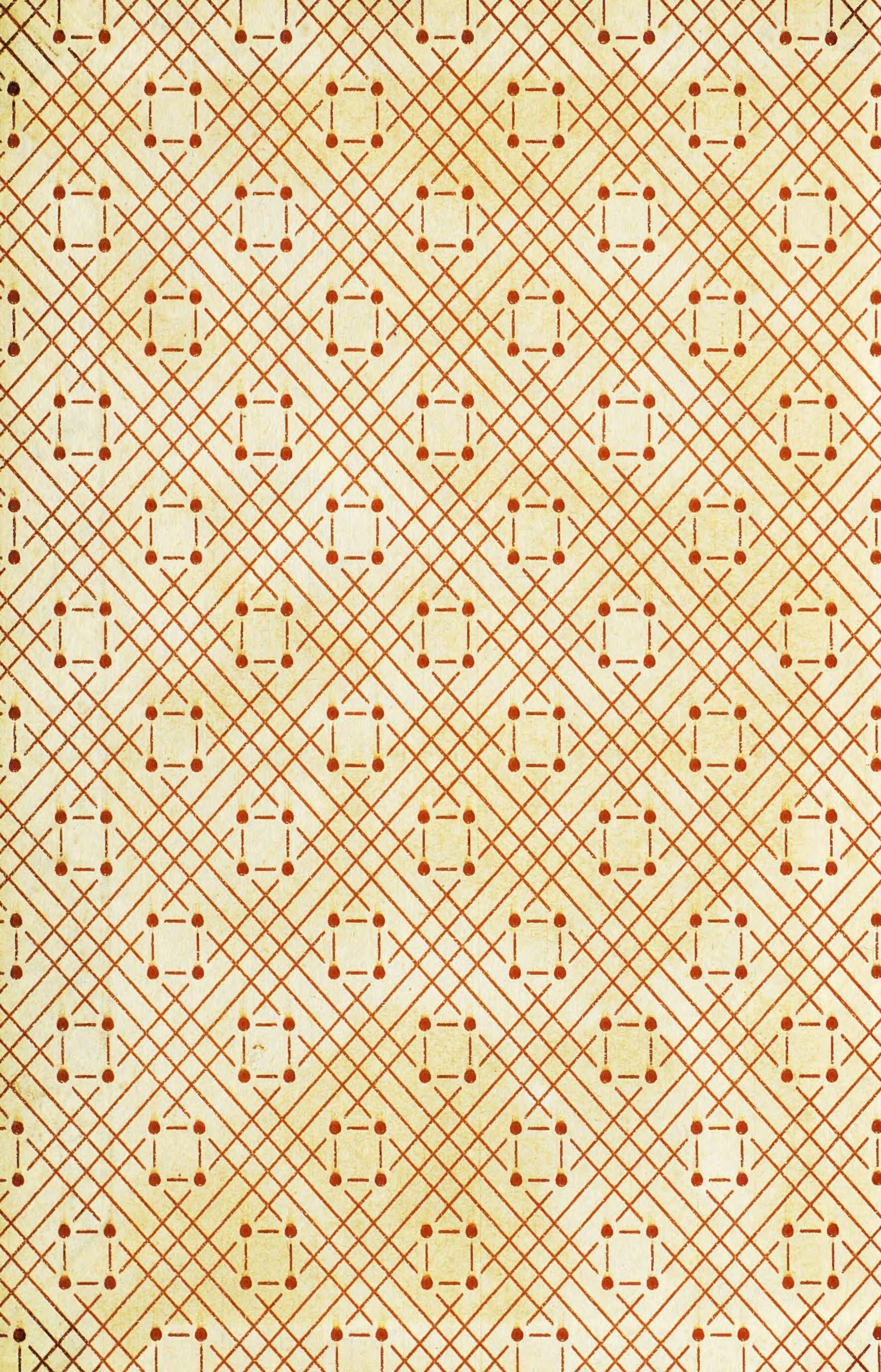
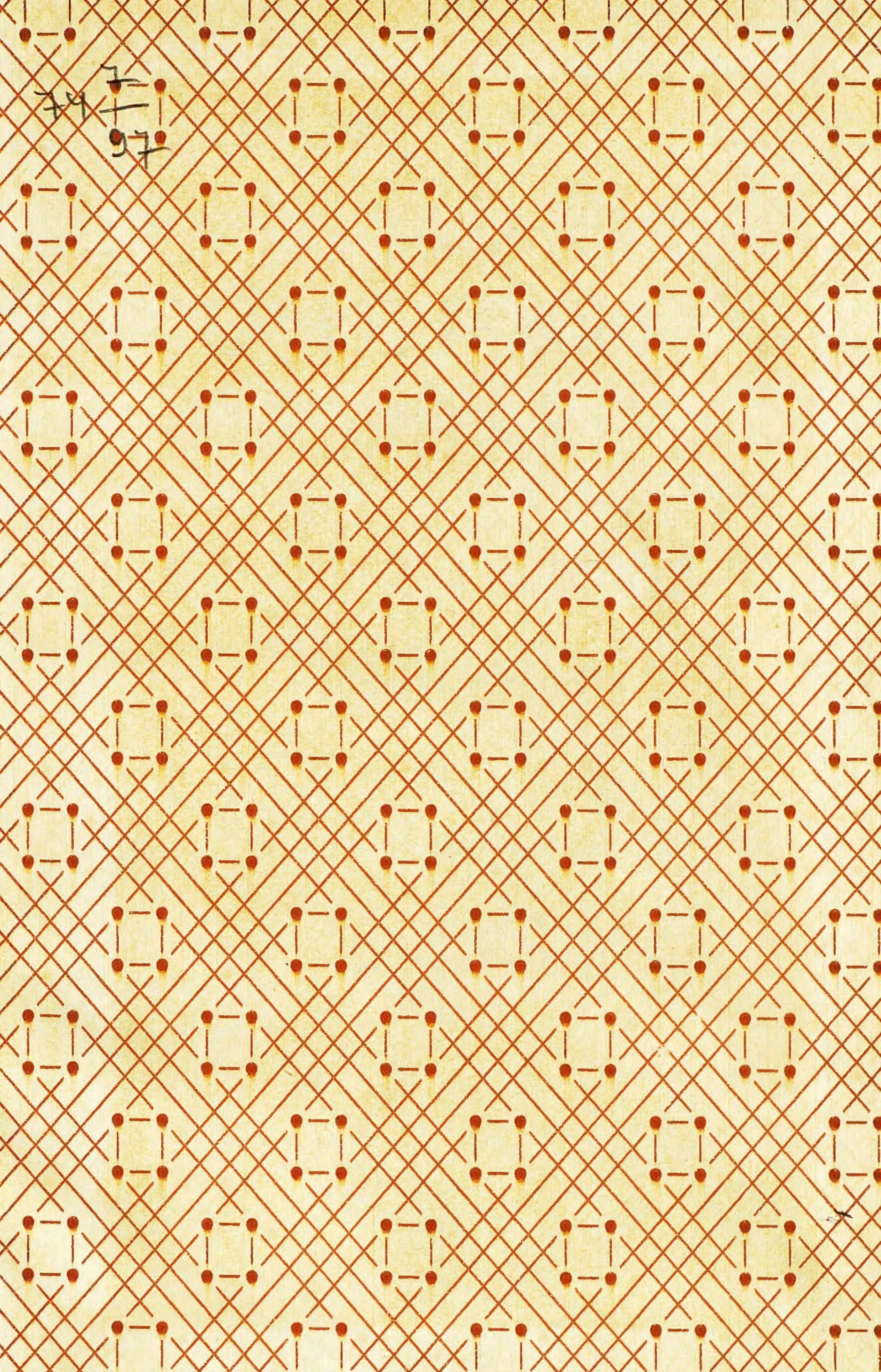

М. Ф. Владимірскій-Будановъ.

ОЧЕРКИ
ИЗЪ ИСТОРІИ
Литовско-Русскаго права.

VI.

Церковныя имущества въ Юго-Западной Руси XVI в.

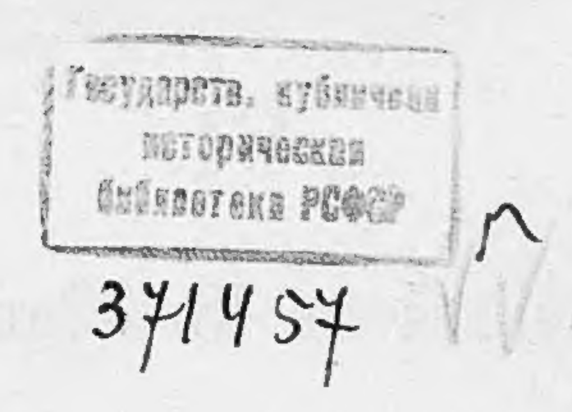

КІЕВЪ.
Тип С. В. Кульженко, Пушкинская ул., соб. д. № 4.
1907.

Оттискъ изъ Архива Юго-Западной Россіи,
ч. VIII.

ЦЕРКОВНЫЯ
ИМУЩЕСТВА
въ Юго-Западной Россіи
XVI в.

Исторія землевладѣнія въ Литовскомъ государствѣ (точно такъ же, какъ въ Московскомъ и средневѣковомъ европейскомъ) есть центральный пунктъ среди нормъ государственнаго и частнаго права. Помимо своей крупной значительности, какъ важнѣйшаго предмета правъ частнаго лица, она служитъ вѣрнымъ показателемъ характера государства: человѣкъ, который бы совсѣмъ не былъ знакомъ съ особенностями Московскаго самодержавія, но ознакомился бы съ условными и зависимыми формами землевладѣнія Московскихъ служилыхъ и другихъ классовъ, могъ бы нарисовать для себя вѣрную картину неограниченной власти царей не только надъ имуществомъ, но и надъ личностью подданныхъ. Такимъ же вѣрнымъ путемъ получается познаніе о Литовской государственной власти въ противоположномъ смыслѣ изъ знакомства съ характеромъ землевладѣнія здѣсь. Такъ основной вопросъ государственнаго права, именно объ особенностяхъ государственнаго устройства, уясняется основнымъ вопросомъ частнаго права—о полнотѣ или, наоборотъ, зависимости права землевладѣнія.

Другая часть этого послѣдняго права, т. е. вопросъ о распредѣленіи права землевладѣнія между классами общества (составляетъ ли оно исключительную принадлежность одного класса, или доступно всѣмъ) служитъ ключемъ для разъясненія соціальнаго (сословнаго) строя общества.

Кіевская Археографическая коммиссія, призванная разъяснять особенности Литовско-Русскаго государства въ частномъ примѣненіи ихъ къ Юго-Западному краю, не исполнила бы своего призванія, еслибы обошла мимо поставленныхъ сейчасъ вопросовъ о правѣ землевладѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ тѣмъ, которые уже издавна интересуютъ коммиссію; таковъ въ частности вопросъ *о церковномъ землевладѣніи* и т. н. *правѣ подаванія*, на которомъ останавливаемся нынѣ исключительно, оставляя прочіе (не менѣе важные) для будущихъ изданій коммиссіи[1]).

---

[1]) О двухъ существенныхъ предметахъ исторіи землевладѣнія (полярно противоположныхъ), т. е. шляхетскомъ и крестьянскомъ, намъ приходилось уже говорить въ другомъ изданіи,—именно въ „Чтеніяхъ въ Историч. обществѣ Нестора Лѣтописца:“ „Помѣстное право въ древнюю эпоху Литовско-Русскаго государства“ (III-я кн. Чтеній. Кіевъ 1889 г.) и „Крестьянское землевладѣніе въ западной Россіи до половины XVI в.“ (VII-я кн. Чтеній. Кіевъ 1893 г.). Къ послѣднему сюжету относятся также наши замѣтки „О формахъ крестьянскаго землевладѣнія въ Литовскомъ государствѣ“ (помѣщенныя въ „Кіевскомъ сборникѣ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая“. (Кіевъ. 1892 г.). Однако въ изданіяхъ Кіевской Археографической коммиссіи придется возвратиться къ тѣмъ же вопросамъ, когда ею будутъ опубликованы новые документы относящіеся къ нимъ.

Церковныя имущества въ юго-западной Россіи XVI вѣка.

ГЛАВА I.

Историческое значеніе имуществъ западно-русской церкви.

Фактическій объемъ церковныхъ имуществъ въ юго-западной Россіи былъ весьма значителенъ; вспомнимъ, что здѣсь въ до-татарское время была главная кафедра всей русской церкви—митрополія Кіевская, что древнѣйшіе и важнѣйшіе монастыри: Печерскій, Михайловскій и др. были сосредоточены въ Кіевѣ, а имущества ихъ главнымъ образомъ въ окрестной странѣ, что такія же древнѣйшія церковныя учрежденія были и на Волыни (въ Луцкѣ и Владимірѣ), что благочестивые князья древней Руси щедро одаряли церковь, начиная со временъ Владиміра св. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что несмотря на переворотъ, произведенный татарщиною, многія имущества, пріобрѣтенныя церковію отъ князей до-татарской эпохи, сохранялись за нею и въ XVI в. и въ актахъ на нихъ вспоминаются имена князей Рюриковичей того древняго времени. Въ этомъ уцѣлѣла единственная живая связь древняго землевладѣнія съ Литовскою эпохою, такъ какъ для свѣтскаго землевладѣнія нельзя уже установить ни въ чемъ подобной связи; исчезли всѣ роды бояръ-дружинниковъ и земцевъ; самое населеніе значительно измѣнило свой составъ; уцѣлѣли только церковныя учрежденія и ихъ имущества. Правда, что въ бурныя времена

татарскаго лихолѣтья, когда цѣлыя области, и именно южной Руси, превратились въ пустыни, и владѣнія церкви въ тѣхъ степныхъ-украинныхъ мѣстахъ должны были сократиться, но память о нихъ не исчезала еще въ концѣ XVI в. и иногда самыя владѣнія возстановлялись по этой памяти. Не забудемъ, что и многіе князья Литовской династіи (Гедиминовичи и Ольгердовичи), исповѣдуя православную вѣру, были такъ же щедры къ учрежденіямъ православной церкви (какъ о томъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ), и что частныя лица всякаго званія несли свои обильные дары въ теченіи многихъ вѣковъ. Такимъ образомъ насъ не должно удивлять громадное богатство земельныхъ имуществъ юго-западныхъ церковныхъ учрежденій.

Представимъ краткій перечень главныхъ церковныхъ владѣній, преимущественно на основаніи описей (инвентарей) XVI в.[1])

Въ Кіевѣ важнѣйшими владѣльцами были: митрополичья кафедра и Печерскій монастырь, имущества которыхъ разграничить довольно трудно. Митрополіи принадлежали волости: на Тетеревѣ—Зоринская, Унинская, Мироцкая—на Здвижѣ; около Кіева—Богриновъ и Янковичи; на Ирпенѣ Долгоселье; на Деснѣ Погребы, Зазимье и Свиноѣды.

Печерскій монастырь, по описи 1593 г., составленной при передачѣ его новому архимандриту Никифору Туру[2]), заключалъ въ своихъ владѣніяхъ слѣдующія недвижимыя имущества: 1, замокъ и городъ Василевъ (Васильковъ) на р. Стугнѣ; 2, на Поднѣпровьѣ: с. Вишенки, с. Хмедыны (Гнѣдынь), надъ Днѣпромъ селище Линевъ, Бѣлоозеро, рыбный уходъ въ Черкассахъ съ приселками, рыбный уходъ у Raczyew (Ирклѣевъ? Арагѣевъ?) съ грунтами и пасѣками; 3, с. Безрадичи

---

[1]) Въ подробномъ новомъ изслѣдованіи этой части вопроса не настоитъ надобности, такъ какъ хорошій подсчетъ имуществъ церкви сдѣланъ въ книгѣ г. Яблоновскаго: „Zródła Dziejowe“, Т. XXII. Нагляднымъ пособіемъ можетъ служить также атласъ землевладѣнія южной Россіи, составленный тѣмъ же ученымъ.

[2]) Актъ написанъ по польски со многими погрѣшностями.

на р. Стугнѣ, дворецъ Теремцы, селище Спраковъ, селище Хотовъ, селище Тыклинъ; 4, на Деснѣ: с. Новоселки, с. Слободка, с. Дубечня, другое село Дубечня, селище Петрово надъ Трубежомъ (Trubeszczą); тамъ же неподалеку селище Куиловцы; 5, волость поднѣпровская: с. Сваремль, с. Тарасовичи, с. Новоселки, с. Ошитковичи, с. Глубовъ, с. Ракошичи, с. Навозъ, другое село Навозъ на другомъ берегу Днѣпра, с. Мекво (Мнево?), селище Игдинъ; на р. Припети с. Оревичи; на р. Словешни с. Демидово; 6, по Тетереву: замокъ и мѣстечко Радомысль, недалеко отъ мѣстечка с. Церковище съ млиномъ и руднею Мыкомъ, с. Чеповичи, с. Вышевичи, с. Забилочье, с. Чудинъ (Рудинъ?), с. Имѣніе, с. Шибеное, с. Ораное, дворецъ Заринскій (za Rynska) съ млиномъ; 7, подъ Овручемъ с. Росохи; 8, на Ирпени: с. Долчикъ, прозываемое Дѣдовомъ по обоимъ берегамъ рѣки Ирпени; 9, на Волыни подъ Ровномъ въ пов. Луцкомъ с. Городокъ, с. Обаровъ, селище Лобковщина [1]).

Однимъ изъ значительныхъ владѣльцевъ былъ затѣмъ *Михайловскій Златоверхій монастырь*. Въ 1526 году, игуменъ Кіевскаго Златоверхаго монастыря вписалъ въ евангеліе „приданіе" (памятную записку) на память будущимъ игуменамъ и братіи, о томъ, чѣмъ владѣлъ въ то время монастырь по пожалованіямъ великаго князя Сигизмунда и по другимъ правамъ; а именно великій князь, кромѣ пожалованія самаго храма св. Михаила на общину, на вѣчныя времена, далъ пашню за Пробитымъ валомъ, озеро съ сѣножатью въ Черторыи, селище Селивановское въ Толстомъ лѣсѣ съ землею бортною и пахотною; затѣмъ монастырю принадлежатъ на Припети люди Карповичи, Антоновичи и Масановичи; въ

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. 1, т. 1, № 91. Далѣе въ актѣ перечисляются владѣнія Печерскаго монастыря: въ пов. Пинскомъ (4 села), воевод. Новгородскомъ (2 села), на Полѣсьѣ подъ Слуцкомъ (11 селъ), подъ Бобруйскомъ (1 село), въ пов. Мозырскомъ (5 селъ), подъ Могилевомъ въ пов. Оршанскомъ (дворъ и 4 села); на Друѣ (1 село). Не думаемъ, чтобы въ этомъ инвентарѣ были пропущены какія-либо владѣнія монастыря, принадлежавшія ему въ концѣ XVI в. (1594 г.). Другія печерскія владѣнія, вѣроятно, составляютъ позднѣйшія пріобрѣтенія.

Голубѣевичѣ озеро церковное и человѣкъ церковный извѣчный; возлѣ Борщовки поле Михайловское извѣчное; на Лыбеди, повыше Звѣринецкаго млина, млинъ Михайловскій извѣчный; на Днѣпрѣ, противъ Роздоровъ на правой сторонѣ островъ Михайловскій извѣчный съ озерами. Сверхъ того игуменъ Макарій купилъ у Кіевскаго армянина, двѣ службы въ Оревицкой волости Лысковщину и Погоны за 5 копъ и 45 грош.[1]). Въ 1572 году воевода Кіевскій князь Константинъ Острожскій возстановилъ права Михайловскаго монастыря на земли Орининскую и Дѣвичь-Гору, которыми завладѣлъ было земянинъ Кіевскій Максимъ Панковичъ; между тѣмъ монастырь доказалъ, что эти земли принадлежатъ ему „издавна, отъ ста лѣтъ и больше"[2]) Въ 1576 г. тотъ же князь Острожскій возобновилъ сгорѣвшую грамоту, прежде данную имъ монастырю Златоверхому на землю Юрьевскую (отъ рѣки Шварновки и Юрьевки до рѣки Веты[3]).

Въ разныхъ прежнихъ изданіяхъ Кіевской коммисіи упоминаются слѣдующія названія недвижимыхъ имуществъ Михайловскаго монастыря: Антоновичи, Борщовка, Гатное, Глеваха, Голубѣевичи, Заборье, Золонтовская земля, Ибаролевскій подклѣтъ, Кораблища, Карповичи, Ленковскій хуторъ, Месковщина, Масиновичи, Михайловщина, Немкоза, Оревичи, Петрикова, Плоское, Погоны, Ржавецъ, Селивановщина, Скорчичевъ, Тысяцкое Жерело, Юрьевцы[4]).

М. Николо-Пустынскій владѣлъ въ самомъ Кіевѣ слободою при монастырѣ, остр. Кучуковымъ и Трухановымъ, пашнею на р. Борщовкѣ, на Ветѣ Гатнымъ и Ветою, близь Стугны Гвоздовомъ, Тростянкою; на лѣвой сторонѣ Днѣпра—Дарницею, Княжичами, Бортниками, Кавалиномъ и Дѣвичъ-Лѣскомъ; въ степной полосѣ Кіевщины ему принадлежали: въ Каневскомъ пов. селище Ярилово и Колтягаево недалеко отъ

---

[1]) А. З. Р. II, № 140.

[2]) А. З. Р. III, № 57.

[3]) А. З. Р. III, № 70.

[4]) См. Геогр. Указатель И. П. Новицкаго къ изд. ком. подъ словомъ „Кіевъ".

замка Каневскаго, Конончө, село Совинъ и Сорклановo (все это б. ч. пожертвовано Евстафіемъ Дашкевичемъ); въ пов. Черкасскомъ: Климятинъ на Днѣпрѣ, уходы по правой сторонѣ Днѣпра на Бѣлобережьѣ, а по лѣвой на устьѣ Сулы до Переволочны и въ Пивахъ (близь Кременчуга)[1]); въ сѣверной Кіевщинѣ тому же монастырю принадлежали: въ Овруцкомъ пов., въ Олевской вол. с. Зубковичи, около Овруча Павловичи и Черноховцы на Норыни и обширное владѣніе около Уши (Литки, Радогощъ, Исайки[2]) и пр.); въ пов. Чернобыльскомъ: Мухоѣдовичи и въ Бѣлосорокской вол., за Припетью, Дроны, Шепеличи и Ворохобовичи.

М. Выдубицкому принадлежали: Звѣринецъ, Игнатковцы на Стугнѣ (отъ Евст. Дашкевича) и Игнатово тамъ же (отъ Елцевичевой); въ Остерскомъ пов. Свиноѣды, о-въ Котовли (или Котешни); въ Мозырской волости Волосовицкая земля, Выдобичи, Глушецъ, Гнилецъ, Затонъ, Калиновщина, Куликово, Нестановичская земля, Осокорки[3]).

Кириловскій м. владѣлъ подъ Кіевомъ землею въ окружностяхъ монастыря начиная отъ Болони и отъ озера Іорданскаго по Юрковицу и Щекавицу; а по другую сторону до р. Сырца[4]).

М. Межигорскому принадлежала его окрестность отъ р. Водицы и Котыря до Вышгородской границы, а въ Чернобыльскомъ пов. Чернинъ.

Прочіе монастыри разсѣянные по разнымъ мѣстамъ Кіевщины, владѣли каждый однимъ, или двумя селами, а именно: м. Зарубскій-Терехтемировскій—Каменкой, Чекмасовомъ и Мокариномъ въ Черкасскомъ пов. (Прочіе монастыри, основанные уже въ XVII в. были также снабжены имѣніями отъ своихъ фундаторовъ, а именно отъ кн. Анны

---

[1]) См. К. Ц. Арх. кн. 14, л. 835 на об.; сл. Арх. ю.-з. Р. ч. I, т. VI, № IV и этого тома № XXVI.

[2]) Въ Арх. ю.-з. Р. (I, VI, V) упоминается еще с. Гридково.

[3]) Арх. юго.-зап. Рос. ч. I, т. VI, № 14—15 и т. III, № 165. См. Указат. И. П. Новицкаго l. c.

[4]) См. этого тома стр. 322. Сл. Żr. Dz. XXII, 555, 557 и XX, 172. Архивъ юго-зап. Р. ч. I, т. VI, № 14.

Корецкой, Воронъ, кн. Раины Вишневецкой и др.; но мы не переходимъ за черту XVII в.) Изъ приходскихъ церквей значительныя владѣнія были у 8 Овруцкихъ, у Каневской церкви св. Василія и св. Спаса и у нѣкоторыхъ Житомирскихъ [1]).

На Волыни важнѣйшими владѣльцами церковныхъ имуществъ были епископіи Луцкая и Владимірская.

Центральнымъ пунктомъ владѣній *Луцкаго владычества* было м. Рожище (Луцкаго пов.), пожалованное кн. Любартомъ-Гедиминовичемъ въ 1322 г.; въ 1583 г. въ Рожищской волости было 6 селъ (въ томъ числѣ Теремное, Буща, Мезочъ) [2]). Затѣмъ важнѣйшими владѣніями этой епископіи были: замокъ и мѣстечко Харлупъ, промѣнное въ 1574 г. на имѣніе Радивиловъ-Фалимичи во Владимірскомъ пов. [3]), дворъ и село Полона съ приселками: Островкомъ и Голешовомъ [4]); села: Пѣвче [5]) и Водирады [6]). Въ актѣ ввода во владѣніе Луцкою епископіею новаго владыки Кирилла Терлецкаго, составленномъ королевскимъ коморникомъ въ 1585 г., имущества Луцкой епископіи перечислены такъ: дворъ, или замочекъ Фалимичи въ пов. Владимірскомъ, с.с. Фалимичи, Седмерки, Воля и бояре (въ этихъ селахъ); — дворъ Теремная (съ людьми, боярами и грунтами), с. Липляны; м. Рожища и дворъ Рожищскій, села, принадлежащія къ этому двору: Жолобово, Подтопольное, Кобче, Воля, прозываемая Пожарище, с. Дубища (съ боярами, грунтами и уходами); с. Хрилево, фольварокъ и село Водирады, с. Подберезье, с. Першки, с. Седмерты (съ людьми, грунтами, млинами и ставами); фольварокъ, названный Клюки; с. Медково съ дворцомъ; — с. Ставокъ (совершенно опустошенное, люди согнаны, но клѣти, стайни и проч. всѣ цѣлы, только избъ нѣтъ, людей и

---

[1]) См. Źr. Dz. XXII, 558.

[2]) См. Арх. юго-зап. Р. I, VI, № 2. Сл. Źr. Dz. XIX, str. 103.

[3]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 2048, л. 311 на об.

[4]) Кіевск. Центр. Арх. 963, л. 102.

[5]) Кіевск. Центр. Арх. 2045, л. 80.

[6]) Ibid кн. 2048, л. 130.

ихъ избы забралъ въ свое сосѣднее имѣніе Александръ Семашко, каштелянъ Браславскій).—Все это собственно въ Луцкой епархіи. Затѣмъ въ Острожской ея половинѣ коморникъ, производившій вводъ „съ позволенія“ кн. Константина Острожскаго“, подалъ церковь соборную каменную св. Богоявленія, площадь (плацъ) въ замкѣ Окольномъ; затѣмъ дворы и имѣнія: дворъ Будорожъ и с. Будорожъ, с. Бушче, с. Пѣвче, с. Мезочъ Старый, с. Боярское, Точивѣки, дворъ и село Мезочъ Новый; дворъ Жабче, гдѣ прежде бывалъ замочекъ, м. Жабче и принадлежащія къ нему села: Колодези, Губинъ и дворище Усовщина (съ боярами и со всѣми подданными). Церковь каменная св. Василія въ гор. Владимірѣ на предмѣстьѣ съ людьми, живущими при той церкви на церковныхъ грунтахъ[1]). Сверхъ упомянутыхъ здѣсь имѣній Луцкой епископіи принадлежали: Полоная—дворъ и село, село Голешовъ, Островокъ, полъ-села Колчина. Но кн. Пронскій—староста Луцкій не допустилъ коморника передать эти имѣнія новому епископу, заявляя, что эти имѣнія взяты имъ за невзносъ поборовъ и теперь онъ держитъ ихъ на короля. Потомъ владыка жаловался королю, который выдалъ въ 1586 г. свою грамоту и староста уступилъ ихъ владыкѣ[2]).

Владимірскому владычеству принадлежали Микуличи на берегахъ р. Луга[3]),—центръ цѣлой волости, состоявшей въ XVI в. изъ 7 селъ; затѣмъ волость Купечовская, состоявшая изъ 9 селъ, въ томъ числѣ село Озеряны и 8 другихъ, Бискупичи съ приселкомъ Петикоровъ.

При вводѣ во владѣніе Владимірскою епископіею Ипатія Потѣя, въ 1593 г. составлена такая опись имущества этой епископіи: во первыхъ церковь великая каменная Пречистой Богородицы съ ризницею, привилегіями, фундушами на пергаменѣ и въ евангеліи пергаменномъ написанными, съ книгами и проч. Къ этой церкви замочекъ, издавна принадлежащій епископству. Затѣмъ дворы, фольварки, села и при-

---

1) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 45.

2) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 47.

3) Кіевск. Центр. Арх. к. 941, л. 453, 483, 327, 328,

селки, а именно: подданые церковные, живущіе во Владимірѣ на Залужьѣ, Бѣлоберезскіе млины подъ городомъ; селище Федоровецъ надъ р. Лугомъ, селище Ольшаница съ ставкомъ, сельцо Хрипаличи съ млиномъ, с. Микуличи, с. Петидны съ млиномъ, с. Божанка, с. Дорогиничи, которыми владѣетъ п. Романовскій по арендному праву, с. Бискупичи, которымъ владѣетъ по арендѣ п. Крушинскій, полъ-сельца въ Росовичахъ, которое держалъ п. Пропопъ Тишковскій, с. Тишковичи, сельцо Полупанчина въ арендѣ у Ивана Бобриковича; пять человѣкъ въ дворищахъ въ Тишковичахъ; дворъ и имѣніе Яневичи съ млиномъ (Петръ Чериковскій призналъ, что это село церковное, но не уступилъ лицамъ, производившимъ вводъ); къ тому-же двору приселокъ Щенютинъ— имѣніе боярское; дворецъ и фольварокъ Шистовъ съ крестьянами; монастырь св. Онуфрія въ лѣсу на островѣ р. Луга; къ этому монастырю принадлежитъ островъ Волославъ; дворъ и с. Бискупичи (? см. выше), Стодская Вода съ млинами; сельце Грушевичи, которое держалъ Мартынъ Приборскій; с. Петпкоровы; дворъ и село Городокъ съ млиномъ въ пов. Луцкомъ, которое держитъ въ заставѣ п. Кандыба и не допустилъ ввода; полъ-сельца Десятины въ пов. Луцкомъ, мѣстечко Квасовъ въ пов. Луцкомъ (урядникъ пана Львовскаго заявилъ, что село церковное, но состоитъ во владѣніи его пана); дворъ Купечовъ съ волостью, принадлежащею къ нему, а именно: с. Купечовъ, дворище Поддажевъ, гдѣ живетъ бояринъ Романъ, сельце Сушибаба, м. Озеряны, с. Солотвинъ; с. Ворона съ млиномъ, с. Шахово, с. Ракитница, с. Билашовъ съ млиномъ, с. Грушовая Воля съ озеромъ, с. Сушинно, населенное данниками (оттуда только дань медовая идетъ). Въ Купечовской волости озеръ рыбныхъ 11.

Въ Берестейской части епископіи: во первыхъ церковь великая каменная св. Николы съ сосудами церковными и проч. При той церкви дворъ надъ р. Мухавцемъ; въ городѣ мѣщане, подданные Берестейской епископіи, на предмѣстьѣ с. Тришинъ съ млиномъ и съ корчмою; село Шкановъ. [1])

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 90.

Изъ *монастырей Волыни* наиболѣе богатыми земельными владѣльцами были въ Луцкомъ пов., 1, *Жидичкискій*, владѣвшій большою волостью, состоящею изъ 9 селъ, въ которыхъ было 108 службъ, селомъ Рублевымъ въ Торговицкой волости [1]), имѣніемъ Пальче (промѣненнымъ въ 1574 на село Красное (подъ Луцкомъ) и с. Омельникъ съ дворомъ Боголюбовскимъ [2]), 2, *Дерманскій*, владѣвшій 5 селами въ Острожской волости; 3, *м. Дорогобужскій*, владѣвшій, с. Дроздовомъ; 4, *м. Пересопницкій.*—Во Владимірскомъ пов. 1, *м. Св. Спаса*, владѣвшій с. Яновцами съ 6 дворищами и с. Подгайцами; 3, *м. Михайловскій-Турійскій;* 4, *м. Земенскій*, получившій с. Марковъ Ставъ въ XV в. отъ Войны Немирича [3]); 5, *м. Мелецкій*, или Мельцы, основанный княземъ Ф. А. Сангушко; по инвентарю 1593 г. (составленному кн. Александромъ Пронскимъ, Федорою Романовною Пронскою, урожд. Сангушко, Янушемъ Жаславскимъ, воеводою Подляскимъ, и Александрою Романовною Жаславской, ур. Сангушко, съ цѣлью утвердить общеродовое право поданья надъ этимъ монастыремъ безъ дѣлежа), онъ построенъ былъ надъ рѣк. Турьею съ каменною церковью св. Николая, съ хозяйственными постройками (броваромъ), двумя млинами; ему принадлежала „волость“, а именно: с. Нецы съ фольваркомъ съ 6 дымами и 2 огородами; с. Соловьевъ съ 12 дымами и 6 огородниками; с. Комарово съ 17 дымами, 2 огородами; с. Подсыновка съ 9 дымами, с. Соколища съ 10 дымами, с. Сыновъ Скробъ съ 12 дымами, дворъ и село Песочное съ фольваркомъ, съ 52 дымами и 5 огородами [4]).

Владѣнія нѣкоторыхъ *приходскихъ церквей* на Волыни были также немаловажны: извѣстны владѣнія Луцкой Дмитріевской церкви (с. Коршовецъ); изъ острожскихъ церквей замковая Богоявленская владѣла 4 селами (съ 50 дымами),

---

[1]) Żr. Dz. XIX, 105.

[2]) К. Цен. Арх. Кн. 2048, л. 315, 130; кн. 2044, л. 407.

[3]) Сл. Żr. Dz. XIX, 105.

[4]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 89.

Пречистенская—обширнымъ селомъ Поповцами, Дубенская Воскресенская—с. Иванчицами и др. [1])

Нужно замѣтить, что кафедральныя церкви епископскихъ городовъ—Луцка и Владиміра считались совладѣльцами епископовъ относительно всѣхъ имѣній владычества. Имѣнія жертвовались не на имя владыкъ, а на имя главныхъ епископскихъ церквей, такъ волость Купечовъ записана кн. Романомъ Мстиславичемъ на имя церкви Успенія Богородицы во Владимірѣ, село Сушично кн. Любартомъ [2]) также.

Владѣнія приходскихъ церквей, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, не могутъ быть подвергнуты никакому исчисленію, такъ какъ едвали какая нибудь церковь могла обойтись безъ надѣла землею, б. или м. обширною, но зато такія владѣнія и не подходятъ подъ понятіе „земскихъ" имуществъ, особенно въ частно-владѣльныхъ селахъ, какъ увидимъ ниже.

Имущества католической церкви въ юго-западной Россіи XV и первой пол. XVI в. не были очень обширны, такъ какъ и католическое населеніе этой страны было ничтожно по числености. Всѣ эти имущества сосредоточивались въ рукахъ двухъ епископій Луцкой и Кіевской, которыя по справедливости могутъ быть признаны in partibus. Сверхъ того въ южной Руси были и владѣнія Виленской кафедры.

Однако *Луцкая католическая кафедра* обладала уже къ концу XVI в. значительными имуществами; именно ей принадлежала волость Торчинская съ 8 селами и Садовъ съ 6, а также волость Хотечевская во Владимирскомъ пов. (на границѣ земли Холмской) съ 5 селами. Изъ упомянутыхъ волостей въ частности каноникамъ Луцкимъ принадлежали села Боковъ и Викторинъ, кустошу—Лыще и Нѣмецкое, декану—Тополе и Лучицы. Пріоръ Луцкаго монастыря владѣлъ

---

[1]) См. Żr. Dz. l. c.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. I, VI, № 3.

селами Новый Ставъ и Городницы. Въ самомъ Луцкѣ на земляхъ бискупства сидѣло нѣсколько мѣщанъ, зависимыхъ отъ кафедры. [1])

Въ Кіевѣ кафедра католическаго епископа дѣлается виднымъ и важнымъ землевладѣльцемъ лишь со времени бискупства извѣстнаго Іосифа Верещинскаго въ самомъ концѣ XVI в. (1589—1599 г.). До того времени номинальные кіевскіе бискупы большею частію не жили никогда въ Кіевѣ, самая кафедра была въ полномъ пренебреженіи до того, что передъ Верещинскимъ долго считался бискупомъ Николай Пацъ— открытый еретикъ, сбросившій наконецъ санъ духовный и сдѣлавшійся потомъ каштеляномъ Смоленскимъ. Никакой паствы эта кафедра не имѣла; былъ только одинъ Доминиканскій монастырь на Подолѣ (иногда съ однимъ монахомъ) и убогая церковь въ замкѣ. Хотя тѣмъ не менѣе за этой кафедрой уже давно числились обширныя пространства земель, неизвѣстно кѣмъ пожалованныя, но все это были или пустыни, или владѣнія попавшія въ руки стороннихъ лицъ и даже чужихъ государствъ. Такъ за нею считалась такъ называемая Бискупщина, большой участокъ земли на верхней Роси (Погребище); но она въ концѣ концовъ осталась въ рукахъ кн. Збаражскихъ. Другой большой участокъ земли на Деснѣ-Моравійскъ (Моровскъ), большей частью вошелъ въ предѣлы Московскаго государства; точно такая же судьба постигла другое значительное владѣніе на Сеймѣ около Путивля. Подъ конецъ XVI в. (до Верещинскаго) Кіевской кафедрѣ принадлежали: въ самомъ Кіевѣ 11 домовъ крестьянъ (зависимыхъ мѣщанъ); на р. Ирпени-Черногородчина съ 6 крестьянскими дымами и 5 огородниками; на Припети Кожушковичи съ 26 крест. и 4 огородниками и на устьѣ Десны—Вечище. [2]) Большой переворотъ произвелъ въ судьбѣ имуществъ Кіевской кафедры упомянутый Верещинскій. По тарифѣ 1628 г. [3]) центральнымъ и важнѣйшимъ пунктомъ

[1]) Źr. Dz. XIX, 105.

[2]) См. поборовый реестръ 1581. (Źr. Dz. XX).

[3]) Ibid.

владѣній каѳедры была обширная земля на Унавѣ (впослѣдствіи Фастовская волость) отъ границы Бѣлоцерковскаго староства до устья этой рѣки и до верховья Стугны. Здѣсь лежали: городъ Фастовъ, сдѣлавшійся резиденціею бискуповъ, два мѣстечка: Снятынка и Черногородка и 5 селъ. Затѣмъ оставались за тою-же каѳедрою Кожушковичи на Припети и Коропъ на Острѣ. Весьма разрослись владѣнія бискупства и въ самомъ городѣ Кіевѣ и его окрестностяхъ, бискупу принадлежали: островъ на Днѣпрѣ, озера надъ Десною. Прочія владѣнія каѳедры принадлежали не бискупу, а спеціально—капитулу, именно Витичевъ надъ Днѣпромъ подъ Трипольемъ и с. Плесецкое на Унавѣ.

Исходнымъ пунктомъ владѣній Доминиканскаго монастыря было село на заднемъ Сырцу, пожалованное Владиміромъ Олдгердовичемъ; отсюда монастырь округлилъ свои владѣнія отъ Подола и Кириловскаго монастыря до Котыря и устья Ирпени и р. Водицы; здѣсь въ XVII в. были: фольварки на Сырцѣ, Клепачи, села Яцковка, Пріорка, Мостище, Берковецъ, и др.; на Лыбеди-Совка, пожертвованная кн. Збаражскими, а подъ Бѣлогородкой лѣсъ въ урочищѣ Бисова-Баба. Въ Указателѣ Новицкаго[1]) сверхъ того именуются: Берковецъ, Котырь, Луциковка, Миколаевка, Некрасовскій островъ, Поповцы, Поповка, Рокошанка, Уваровъ Великій, Уваровъ Малый. Другой Доминиканскій монастырь (въ Чернобылѣ), іезуитскіе монастыри въ Кіевѣ, Фастовѣ, Винницѣ и Переяславѣ, и Бернардинскіе въ Кіевѣ и Лубнахъ возникли уже въ XVII в. и были снабжены значительными владѣніями со стороны частныхъ лицъ. Точно тоже слѣдуетъ сказать о приходскихъ церквахъ: нѣкоторыя изъ нихъ, возникшія въ болѣе давнее время (въ Житомирѣ), были уничтожены татарами и земли ихъ взяты государствомъ; вновь возникшія уже въ XVII в. (въ Коростышовѣ, Бышевѣ, Бѣлиловкѣ, Погребищахъ, Кальникѣ) получили имѣнія отъ частныхъ лицъ (окатоличившихся русскихъ князей и вельможъ)[2]) уже въ XVII в.

[1]) Стр. 319.
[2]) Źr. Dz. XXII 567—571.

На территоріи Кіевской земли были (какъ сказано) владѣнія и другихъ (не мѣстныхъ) церковныхъ католическихъ учрежденій. А именно: кафедрѣ Виленской принадлежала волость Уборская (на Уборти, прит. Припети), гдѣ лежали поселенія: Лельчицы, Липляны, Стодоличи, Буйновичи и др. Виленской капитулѣ принадлежали Каменщизна въ сосѣдствѣ съ Уборскою волостью съ 12 селами, по тарифѣ 1581 г. [1])

Изъ представленыхъ краткихъ и примѣрныхъ фактовъ отнюдь нельзя составить себѣ полное представленіе о значительности и важности церковныхъ имуществъ юго-западной Россіи. Для ясности дѣла надо принять во вниманіе географическое положеніе ихъ. На картѣ г. Яблоновскаго (очень полной и цѣнной) въ распредѣленіи разныхъ родовъ земельныхъ владѣній поражаетъ слѣдующая особенность: всѣ окрестности г. Кіева на далекое пространство во всѣ стороны заняты церковными владѣніями (православной и католической церкви), по обѣ стороны Днѣпра. Тоже отчасти можно замѣтить и относительно прочихъ важнѣйшихъ пунктовъ населенія западной Россіи. Само собою понятно, что такое географическое положеніе этихъ имуществъ даетъ имъ чрезвычайную важность и значительность: съ одной стороны самыя эти имущества состояли подъ сильною защитою центральныхъ и укрѣпленныхъ мѣстъ; съ другой стороны близость къ большимъ населеннымъ центрамъ сообщаетъ имъ болѣе высокую экономическую цѣнность и доходность. Возьмемъ въ примѣръ городъ Кіевъ: въ немъ около Печерскаго монастыря лежитъ „Печерскій городъ", большое поселеніе, занимавшее почти всю нынѣшнюю Печерскую часть города; состоя въ исключительномъ распоряженіи монастыря, этотъ городъ былъ внѣ вѣдѣнія государственныхъ и городскихъ властей. Остальная часть Печерска занята владѣніями Никольскаго монастыря, простиравшимися и на другую часть нынѣшняго города-Липки. На такъ называемомъ Старомъ городѣ были владѣнія (кромѣ полуразрушенной Софіи) Ми-

---

[1]) Ibid 566—567.

хайловскаго монастыря и многихъ приходскихъ церквей. Долина Лыбеди была подѣлена между названными учрежденіями. Звѣринецъ принадлежалъ Выдубицкому монастырю. Государству принадлежала только замковая гора между Старымъ городомъ и Подоломъ, а городской общинѣ—Подолъ гдѣ однако утвердилось много владѣній монастырей и приходскихъ церквей. Смѣжно съ Подоломъ, начиная отъ горы Щекавицы на все огромное пространство до конца городской черты къ сѣверу составляло владѣнія Кириловскаго монастыря, Іорданской церкви и Межигорскаго монастыря. Здѣсь же утвердились „юрисдикціи" католическихъ церковныхъ учрежденій (Кіевскаго бискупства и Доминиканскаго монастыря). Все Заднѣпровье и низменность Днѣпра принадлежало Николо-Пустынскому, Печерскому и Доминиканскому монастырямъ, переходя на далекое пространство Правобережья въ бассейны Десны и Трубежа. Такимъ образомъ едвали 10-я часть территоріи Кіева составляла такъ называемый „городъ" („мѣсто"); всѣмъ остальнымъ владѣла церковь.

Представленный очеркъ церковныхъ владѣній юго-западной Россіи отнюдь не имѣетъ цѣли исчислить *всѣ* имущества всѣхъ этихъ учрежденій; мы имѣемъ ввиду лишь показать огромную внѣшнюю важность этой части землевладѣнія для общей исторической судьбы края.

Великое историческое значеніе его можетъ быть выражено въ двухъ словахъ: православная церковь, главная обладательница имуществъ, изъ нихъ извлекала силы въ своей борьбѣ за существованіе (въ XVI и XVII вв.); а на церкви созидалась тогда вся крѣпость національнаго сознанія южнорусскаго народа. Однако съ XVII в. такая высокая миссія церкви и ея имуществъ становится сомнительною: въ уніатской церкви (которой досталась большая половина имуществъ) она переходитъ къ достиженію обратной (антинаціональной) цѣли и въ самой православной церкви, религіозныя и просвѣтительныя задачи смѣняются стремленіями корысти и обогащенія.

Не меньшую значительность имѣютъ внутреннія оригинальныя черты права церковнаго землевладѣнія, какъ тѣ, которыя присущи ему, во всѣхъ христіанскихъ странахъ, такъ и тѣ, которыя составляютъ особенность западно-русской церкви; первыя заключаются въ способахъ пріобрѣтенія церковныхъ имуществъ и ихъ неотчуждаемости; вторыя въ такъ называемомъ правѣ подаванія.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы сосредоточимъ свое вниманіе только на имуществахъ православной церкви, такъ какъ оригинальныя особенности этой части права землевладѣнія относятся къ учрежденіямъ православнымъ и имъ только принадлежитъ то историческое значеніе, о которомъ упомянуто сейчасъ. Лишь по мѣстамъ мы указываемъ на тѣ общія черты, которыя присущи имущественному праву обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Способы пріобрѣтенія церковныхъ имуществъ и предметы владѣнія ихъ. Исчисленныя выше большія имущества учрежденій православной церкви пріобрѣтались издавна, съ самого начала утвержденія христіанства на Руси, способами, которые допущены законами Византійской имперіи и канонами восточной церкви; а именно церковь располагала возмездными способами, однако съ ограниченіями: имущества могли быть пріобрѣтаемы куплею и мѣною, но залоговыя сдѣлки были ограничены тѣмъ, что церковныя учрежденія не могли отдавать деньги въ ростъ. Однако весьма не рѣдко залоговое право переходило отъ частныхъ лицъ къ церкви по безмездной уступкѣ. Но главными способами для церкви были безмездные: пожалованіе, дареніе, завѣщаніе и наслѣдство по закону.

Для западно-русской церкви эти послѣдніе источники были особенно обильными. Мы уже упоминали, что юго-западная Россія въ до-монгольское время, въ теченіи трехъ вѣковъ была центромъ политической и церковной жизни всей Руси, что Кіевская кафедра была кафедрою всероссійскихъ митрополитовъ; могущественная Волынь, соперничавшая съ Кіевомъ передъ монгольскимъ нашествіемъ, въ эпоху татарщины стала центромъ всей южной Россіи въ политическихъ

и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Такіе монастыри, какъ Кіево-Печерскій и навсегда остались обще русскою святынею. Понятно, какія земельныя богатства могли скопиться въ рукахъ мѣстной южно-русской церкви и должны были остаться при ней и послѣ раздѣленія митрополій. Пожертвованія и вклады стекались со всѣхъ сторонъ, но главными жертвователями были *князья;* они жертвовали имущества не только какъ благочестивые люди, но считали это своею обязанностью, какъ правители государства; церковь была однимъ изъ важнѣйшихъ органовъ государственнаго управленія,— эту роль она наслѣдовала отъ Византіи. Ей не только были поручены всѣ вѣтви умственнаго и нравственнаго образованія народа и всѣ функціи призрѣнія бѣдныхъ, прокормленіе голодающихъ, но и дѣйствія финансоваго надзора надъ экономическою дѣятельностью населенія: вѣсы, мѣры на торгу, а также и многія вѣтви уголовной полиціи и суда, не говоря уже о томъ, что большія массы населенія, подъ именемъ людей церковныхъ, всецѣло принадлежали вѣдомству церкви.

Понятно, почему русскіе князья, съ самыхъ первыхъ временъ христіанства на Руси, начали щедро обезпечивать церковь земельными имуществами.

Отсюда основнымъ и главнѣйшимъ способомъ пріобрѣтенія церковныхъ имуществъ было у насъ *пожалованіе*.

Главная масса имуществъ, числившаяся за церковью въ XVI и послѣдующихъ вѣкахъ, образовалась еще въ древнее до-татарское время путемъ пожалованія.

Въ актахъ XVI в. находимъ имена такихъ древнихъ князей, какъ великій князь Мстиславъ (вѣроятно Мстиславъ Владиміровичъ, а можетъ быть Мстиславъ Изяславичъ): около 1523 г. кн. Ф. М. Чарторыйскій, заключая мѣновую запись съ епископомъ Кирилломъ, пишетъ: „которое дворище церковное св. Дмитрия, придане великаго кн. Мстислава, на имя Демяново, ино тое дворище споруч мне къ двору моему Мстишину“ [1]). Затѣмъ являются болѣе позднія имена, какъ

[1]) См. этого тома № XLVII.

имя Романа Мстиславича[1]). Память о древнихъ правахъ церкви и даже грамоты на нѣкоторыя имущества уцѣлѣли и въ послѣдствіи, иногда весьма поздно (въ XVII в.), церковь взстановляла по нимъ свои владѣнія, хотя и не вполнѣ. Въ 1568 г. воевода Кіевскій кн. К. К. Острожскій опредѣлилъ границы Звѣринца (предм. Кіевскаго), принадлежавшаго Выдубицкому монастырю, такъ, какъ „великіе князья русскіе къ тому монастырю зъ вѣковъ придали землю, прозываемую Звѣринецъ, надъ р. Днѣпромъ лежачую“. Границы опредѣлены точно и подробно и въ такомъ видѣ утверждены королемъ Сигизмундомъ-Августомъ[2]). Несомнѣнно что всѣ древніе монастыри въ Кіевѣ и Луцкѣ получили многія имущества отъ князей до-татарской эпохи, главнымъ образомъ Мономаховичей. Такъ монастыри въ Луцкѣ, Пречистенскій и Васильевскій получили „наданье“ отъ Мстислава Владиміровича Мономаховича и Василька Романовича, какъ о томъ свидѣтельствуетъ грамота Свидригайла отъ 1459 года. Монастыри эти во время татарскихъ нашествій утратили грамоты первыхъ князей, но имуществами продолжали владѣть, какъ освѣдомился о томъ кн. Свидригайло отъ Луцкихъ мѣщанъ (старожильцевъ). Въ XV в. упомянутые монастыри пришли въ крайній упадокъ и просили Свидригайла возобновить ихъ права на имущества; по грамотамъ Свидригайла монастырю Пречистенскому принадлежали: предмѣстье Сапалоевское съ пахотной землей при курганѣ Яровой и курганѣ надъ Олыцкой дорогой и городской стѣнѣ, съ сельцомъ Роварица за р. Стыремъ, съ грунтами на Гнидавѣ и на Палорицѣ, съ людьми, лѣсомъ, сѣнокосомъ и рыбною ловлею. Монастырю Васильевскому на предмѣстьѣ, называемомъ Хмельникъ или Помостичи, принадлежали грунты съ селами Ставокъ, Пьяны и Клюки, съ лѣсомъ на городской горѣ, съ ставами, млинами, сѣнокосами. Всѣ эти имущества пожалованы упомянутыми двумя древними князьями, а въ

---

[1]) См. запись на с. Купечовъ церкви Усп. Богор. въ г. Владимірѣ: Арх. ю. Р. ч. I, т. VI, XIII.

[2]) Ак. зап. Р. III, № 44.

XV в. утверждены за монастырями по старымъ границамъ владѣнія. (Въ 1583 г. монастырь Пречистенскій, по распоряженію старосты Луцкаго, переданъ во владѣніе—„въ моцъ в державне и вживане“—Загоровской, урожденной Боговитиновнѣ) [1]).

Князья Литовской династіи были непосредственными продолжателями Рюриковичей, какъ въ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніи къ церкви. Правда, Виленскіе великіе князья рано обратились въ католичество, но и они, какъ напр. Витовтъ, не были гонителями православной церкви. Мѣстные же Кіевскіе и Волынскіе князья поступали въ интересахъ церкви почти такъ же, какъ и древніе Рюриковичи. Таковы были: Гедиминовичъ Любартъ [2]), Ольгердовичи (Свидригайло) [3]) и Олельковичи: Владиміръ, Александръ и Семенъ. Но для насъ важнѣе, что тому же примѣру слѣдовали и позднѣйшіе короли-ревностные католики [4]).

Затѣмъ по уничтоженіи удѣловъ, отъ имени великаго князя въ Кіевѣ и на Волыни были по общему порядку служилые князья православнаго вѣроисповѣданія; они жаловали именемъ вел. князя имущества монастырямъ и церквамъ [5]), каковыя пожалованія были потомъ подтверждаемы и великими князьями Казимиромъ, Александромъ и Сигизмундомъ. Слѣдующими примѣрами доказывается, что пожалованіе церкви изъ государственныхъ имуществъ могло исходить и

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, стр. 181.

[2]) См. Арх. ю. Рос. ч. I, т. I, стр. 206 и т. VI, № 1: запись Любарта соборной церкви Іоанна Богослова въ Луцкѣ на села Рожище, Теремное, Бущу, Мезочъ и др. Ibid № III: запись на с. Сушично церкви Успенія Пресвятой Богородицы во Владимірѣ.

[3]) Прив. на Харлупъ соб. церкви Луцкой. (Арх. ю. Рос. ч. I, т. I, № 46.

[4]) Вотъ нѣсколько примѣровъ: въ 1489 г. кор. Казимиръ жалуетъ Кіево-Никольскому монастырю селище Княжичи (Акты з. Рос. I, № 93), а короли Александръ и Сигизмундъ подтвердили это (Ак. з. Рос. II, № 90); тому же монастырю король Александръ пожаловалъ пашню пустую Жидовскую на р. Борщовкѣ, „што держалъ жидъ Огроновичъ“ (Ак. з. Рос. I, № 151) и пр.

[5]) Иванъ Ольгимунтовичъ, правившій въ Кіевѣ до 1401 г., записалъ Печерскому монастырю земли и людей въ Глушской и Порѣчской волости (Ак. з. Рос. 1, № 72).

отъ обыкновенныхъ *провинціальныхъ правителей (намѣстниковъ и воеводъ)*, съ послѣдующимъ утвержденіемъ отъ вел. князя. Въ 1508 г. воевода Кіевскій Юрій Михайловичъ Монтовтовичъ далъ монастырю Николо-Пустынскому озеро Долобескъ съ устьемъ въ островѣ Трухановѣ (очевидно изъ государственныхъ владѣній); король Сигизмундъ подтвердилъ это [1]). Въ 1514 г. Кіевскій воевода Андрей Немировичъ далъ, а король Сигизмундъ подтвердилъ тому же монастырю грамоты на 4 нивы около Кіева [2]). Въ 1581 г. Кіевскій воевода кн. К. К. Острожскій предписалъ своему намѣстнику кн. Евстафію Ружинскому отвести Ивану протопопу Матеребожскому (церкви Богородицы) „до воли и ласки нашое“ (т. е. кн. Острожскаго) пахотныя и сѣнокосныя земли на Щекавицѣ, которыя Мотырь держалъ; земли эти принадлежали „замку его королевской милости“. Впослѣдствіи оказалось, что изъ числа пожалованныхъ земель сѣнокосы составляли частную собственность Кіевскихъ портныхъ, кожевниковъ и кузнецовъ, а потому въ 1585 г. кн. воевода возвратилъ ихъ собственникамъ, оставивъ за Пречистенскимъ священникомъ пахотное поле [3]). Здѣсь нѣтъ слѣдовъ послѣдующаго утвержденія королемъ; кажется при пожалованіи „до воли и ласки“ вообще обходились безъ него. А между тѣмъ извѣстно, что владѣніе прекарное („до воли и ласки“) часто переходило въ право собственности.

Хотя главныя имущества церкви возникли изъ государственнаго фонда, но было бы ошибочно думать, что этою чертою опредѣляется весь характеръ и судьба церковныхъ имуществъ и отъ этого (якобы) исходило *право государства* на послѣдующую секуляризацію ихъ. Наряду съ государствомъ щедрыя пожертвованія на церковь шли и отъ *частныхъ лицъ*: князей, пановъ, земянъ, бояръ и мѣщанъ; каждый разъ государство утверждало такіе акты и тѣмъ сообщало имъ незыблемую юридическую твердость. Но опять и этотъ источ-

---

[1]) Ак. ю. Рос. II, № 38.

[2]) Ibid № 95.

[3]) Ак. з. Рос. III, № 130.

никъ церковныхъ владѣній отнюдь не опредѣлялъ характера церковныхъ имуществъ, именно не былъ непремѣннымъ условіемъ зависимости ихъ отъ частныхъ жертвователей, какъ патроновъ, не создавалъ для жертвователей роли ктиторовъ въ византійскомъ смыслѣ, о чемъ намъ придется пространно говорить ниже. Для поясненія этихъ соображеній приводимъ слѣдующіе примѣры: княгиня Настасья Гольшанская завѣщала Кіево-Печерскому монастырю дворецъ Городокъ и с. Волницу въ Глушской волости [1]), но чрезъ то не сдѣлалась патронессою этого монастыря, который и прежде былъ и потомъ оставался въ „подаваньѣ вел. князя". Въ 1486 г. Юрій Зиновьевичъ записываетъ Кіево-Печерскому монастырю сельцо Кисилевичи въ Бобруйской волости [2]), кн. Андрей Владиміровичъ Кобринскій даетъ тому же монастырю с. Осово, и внукъ его кн. Иванъ Семеновичъ подтверждаетъ это [3]); въ 1506 г. душеприказчикъ кн. Дм. Путятича—кн. Михаилъ Глинскій записалъ изъ имѣній перваго Печерскому монастырю половину данниковъ Заремцевъ за р. Березиною [4]).—Въ 1500 г. кн. Богданъ Глинскій далъ Кіево-Пустынскому монастырю с. Гатное съ угодьями [5]); въ 1514 г. староста Черкасскій Евстафій Дашкевичъ записалъ тому же монастырю селище Гвоздово [6]). Въ 1522 г. король Сигизмундъ сразу подтвердилъ записи тому же монастырю слѣдующихъ лицъ: Льва Тышковича на 4 человѣка въ с. Скородномъ, Юхна Обернѣевича на Городище въ Олевской волости, Семена Ромиковича на Шепеличи, Ивана Полозовича на Кучуковъ и брата его Щаснаго Полозовича на 1 челов. съ землею его пашною и бортною, Ерша—на землю Обернѣевскую, Яцка Лозы—на землю Ромейковкую на Трубежѣ [7]). Въ 1570 г. король Сигизмундъ-Августъ подтвердилъ тому же монастырю шесть гра-

---

[1]) Ак. з. Рос. II, № 96.
[2]) Ак. з. Рос. I, № 86.
[3]) Ак. з. Рос. I, № 111.
[4]) Ак. з. Рос. I, № 224.
[5]) Ак. з. Рос. I, № 178.
[6]) Ак. з. Рос. II, № 89.
[7]) Ак. з. Рос. II, № 110.

мотъ на земли, пріобрѣтенныя отъ частныхъ лицъ, а именно (кромѣ обозначенныхъ въ грамотѣ Сигизмунда) слѣд.: отъ Булгака Лисичина и Михаила Волчковича (1499 г.)—на селище Иваницы на р. Красной, отъ Солтана Альбѣевича (1508 г.) на землю Полукнязевскую за Днѣпромъ [1]). Такія пожертвованія не создали для жертвователей особыхъ правъ ни на самые монастыри, ни отдѣльно на жертвуемыя имущества. Въ 1493 и 1496 г.г. фамилія Олизаровъ записала свое отчизное владѣніе—с. Дорошинъ и Кижъ (на Волыни) св. Спасу—на мон. Красносельскій [2]). Въ 1508 г. староста Владимірскій Фед. Янушевичъ и жена его Фенна записали соборной церкви св. Іоанна Богослова въ Луцкѣ имѣнія свои Колодези и Жабче; вел. кн. Сигизмундъ утвердилъ этотъ актъ [3]). Въ 1512 г. имѣніе Бѣлашевъ, принадлежавшее кн. Юр. Вас. Жеславскому, но перешедшее въ заставное владѣніе Олизара Шиловича, по духовному завѣщанію этого послѣдняго, передано Дерманскому монастырю на тѣхъ же заставныхъ условіяхъ [4]).

Въ половинѣ XVI в. записи въ пользу церквей со стороны частныхъ лицъ, преимущественно женщинъ (вдовъ), до того усилились, что на сеймѣ 1554 г. депутаты внесли особую (7-ю) просьбу великому князю такого рода: „докладаете въ просьбахъ своихъ отъ всее шляхты и рыцарства, ижъ есте убачили и въ томъ нѣкоторый упадъ, штожъ многіе пани вдовы, розными обычайми, отъ дѣтей, братьи, близкихъ кровныхъ своихъ, духовнымъ имѣнья записують, зачимъ близкихъ ихъ домы пустѣють, таковыя имѣнья окупуючи, а тымъ ся неможность дѣеть къ службамъ его корол. милости; для того просите, абы таковые листы хотя бы и вышли, никоторой моци у права не мѣли“. Король весьма резонно отвѣтилъ, что онъ не считаетъ себя въ правѣ нарушать свободу гражданъ, данную его предшественниками

[1]) Ак. з. Рос. III, № 49.
[2]) Ак. з. Рос. I, № 84.
[3]) Ак зап. Рос. II, № 32.
[4]) Ак. з. Рос. II, № 82.

и имъ самимъ подтвержденную; каждый можетъ распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ хочетъ; на то есть статутъ[1]).

Безвозмездные способы пріобрѣтенья церковью имуществъ создавали для нея такое же независимое право, какъ и для всѣхъ другихъ физическихъ и юридическихъ лицъ. Основанія для дѣйствительной зависимости церковныхъ имуществъ, истекающія изъ права патрональнаго (права подаванья, съ которымъ будемъ имѣть дѣло ниже) не имѣютъ связи со способами пріобрѣтенія (за нѣкоторыми исключеніями въ пользу ктиторскаго права).

Церковь могла пріобрѣтать и пріобрѣтала имущества и по *возмезднымъ сдѣлкамъ* (куплѣ-продажѣ, залогу)[2]). Но въ XVI в. фактически къ этому способу церковныя учрежденія прибѣгали очень рѣдко, довольствуясь имуществами пожалованными и пожертвованными. Стремленіе къ пріобрѣтенію большихъ земельныхъ богатствъ овладѣваетъ монастырями преимущественно въ XVII в. Но тогда большими средствами для этого обладали уже главнымъ образомъ уніатскіе монастыри.

Въ актахъ XVI в. мы не находимъ никакихъ слѣдовъ сдѣлокъ, по которымъ бы монастыри, отдавая деньги въ ростъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, пріобрѣтали право на эти послѣднія по „заставѣ". Напротивъ въ XVII в. (монастыри преимущественно уніатскіе) играли роль банковыхъ учрежденій, совершая повсемѣстно и постоянно денежныя операціи указаннаго рода, иногда на милліонныя суммы[3]). Но объ этомъ времени и объ этихъ учрежденіяхъ (т. е. уніатскихъ) мы не говоримъ и не имѣемъ ихъ въ виду. Въ православной церкви, повидимому, болѣе соблюдалось каноническое правило о воспрещеніи духовнымъ лицамъ и учрежденіямъ заниматься промысломъ ростовщичества.

---

[1]) Ак. зап. Рос. III. № 13.

[2]) См. выше о пріобрѣтеніяхъ Кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго монастыря.

[3]) См. Акты Вилен. Ком. т. XV. Декреты Главнаго Литовскаго Трибунала, passim.

Судя по аналогіи сѣверно-русской церковной исторіи, можно было ожидать, что однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ пріобрѣтенія земельныхъ имуществъ монастырями будетъ и въ западной Россіи *оккупація пустыхъ* (безхозяйныхъ) *земель*. Извѣстно, что тамъ монастыри были одною изъ крупнѣйшихъ колонизаціонныхъ силъ для окраинъ государства. Извѣстно также, что поселеніе какого-либо пустынножителя среди земли, хотя и оккупированной какою-либо волостью, но не подвергнутой обработкѣ (въ лѣсной глуши) вызывало протестъ волостныхъ жителей и иногда изгнаніе пустынножителя силою именно въ виду возможности завладѣнія землею, когда вокругъ жилища отшельника возникнетъ по обычаю монастырская община. Такъ было на сѣверѣ; но въ юго-западной Россіи не то: здѣсь монастыри не были колонизаціонною силою и оккупація не играетъ почти никакой роли въ исторіи ихъ землевладѣнія. Основною причиною этой особенности надо считать географическія свойства страны, именно степной характеръ южно-русскихъ пустынь, которыя могли бы подвергнуться колонизаціи; эти окраины были совершенно открыты и вполнѣ не безопасны отъ татарскихъ нашествій.

Единственное исключеніе изъ такого общаго порядка дѣла составляютъ неоднократныя попытки Никольскаго-Пустынскаго монастыря основать колоніи въ нижнемъ теченіи Днѣпра, въ т. н. Бѣлобережьѣ и далѣе къ порогамъ. Тамъ возникали филіальныя учрежденія монастыря, вырыты были пещеры. Какъ въ сѣверн. Руси волостные жители, такъ здѣсь владѣльцы коронныхъ земель—старосты, считая себя правомочными владѣльцами этихъ пустынь, протестовали и обращались къ суду [1]).

---

[1]) Въ 1630 г. Софья Даниловичева, вдова старосты Корсунскаго и Чигиринскаго, заявила въ Житомирскомъ судѣ протестъ противъ игумена Николо-Пустынскаго монастыря Серафима Бѣльскаго и всей братіи, въ томъ, что монахи, „получивши позволеніе отъ какого-то Семена Кременчука Долбии, городничаго Крыловскаго, вырыли пещеру и построили церковь на горахъ Пивныхъ, на землѣ староства Чигиринскаго, а затѣмъ, сговорившись съ какимъ то Тарасомъ козакомъ, который своевольно объявилъ себя гетма-

Достойно замѣчанія, что въ Литовско-русскомъ государствѣ никогда не было сдѣлано ниодной попытки изданія амортизаціонныхъ законовъ, которые иногда появлялись даже въ Византіи и которые играютъ такую важную роль въ исторіи сѣверно-русской (Московской) церкви именно въ XVI в. Напротивъ, здѣсь, т. е. въ западной Россіи, гдѣ казалось бы можно всего скорѣе ожидать со стороны католическаго правительства мѣръ къ прекращенію дальнѣйшаго роста имуществъ православной церкви, права ея свято соблюдались наравнѣ съ правами католической церкви. Если акты пріобрѣтенія церковію имуществъ подлежали укрѣпленію великокняжеской власти, то это укрѣпленіе имѣло тоже значеніе, какъ укрѣпленіе всякихъ другихъ (не-церковныхъ) сдѣлокъ по недвижимымъ имуществамъ.

Предметы церковнаго владѣнія были столь же разнообразны, какъ и предметы владѣній шляхетскаго, боярскаго и служилаго. Имущества большихъ церковныхъ учрежденій—епископій и нѣкоторыхъ монастырей (какъ Печерскаго, Жидичинскаго и др.) вполнѣ носили характеръ панскихъ владѣній: церкви принадлежали *города*, какъ напр. Печерскому монастырю Васильковъ, Радомысль (Мыкъ), или католическому бискупству Фастовъ. Въ гораздо большемъ числѣ къ церковнымъ владѣніямъ принадлежали *мѣстечки* (отчасти пользовавшіяся также городскими правами), какъ Рожище и Харлупъ Луцкаго владычества, Микуличи и Бискупичи Владимірскаго владычества; затѣмъ *замки*, какъ въ резиденціяхъ епископовъ (напр. въ гор. Владимірѣ), такъ и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ имѣніяхъ (въ Харлупѣ Луцкой епископіи); въ замкахъ находились укрѣпленія и крѣпостное вооруженіе: пушки, аркебузы, ручницы и пр. Въ сельскихъ владѣніяхъ различались: *дворы* (и *дворцы*) и *фольварки* съ приселками (или безъ нихъ); это были пункты собственной сельскохозяйственной дѣятельности (тамъ производились хозяйствен-

номъ Запорожскимъ, присвоили себѣ не мало земель староства, а именно два села въ урочищѣ Вороньихъ Лозахъ, Бужинъ и перевозъ черезъ Днѣпръ подъ Крыловомъ“ (Кіев. центр. Арх. кн. № 14, л. 835 наоб.).

ныя обработки земли за счетъ самаго церковнаго учрежденія): затѣмъ *волости* и *села;* въ центрѣ волости могло быть или мѣстечко, или главное многолюдное село; особенно большія волости принадлежали Луцкому и Владимірскому владычествамъ и Печерскому монастырю, каковы: Рожищская, Купечовская, Поднѣпровская и др. Земля въ волостяхъ (и селахъ) принадлежала собственно крестьянамъ, а церковнымъ учрежденіямъ (какъ и вообще владѣльцамъ въ то время) принадлежало лишь право на повинности (установленныя обычаемъ); иногда все это право ограничивалось полученіемъ столькихъ-то кадей меду въ годъ съ извѣстнаго поселка, что называлось данью, а крестьяне данниками. Но въ большинствѣ селъ уже въ XVI в. введены были нѣкоторыя работы въ пользу дворовъ и фольварковъ церковныхъ. Села, находившіяся во владѣніи церковныхъ бояръ и другихъ служилыхъ людей, обложены были повинностями военною или другою служебною въ пользу церкви. Промысловыя заведенія и угодья, которыя лежали внѣ селъ, были предметомъ особаго владѣнія, таковы: млины, озера, уходы (мѣста охоты и пчеловодства), отдѣльные лѣса и сѣнокосы.

Предметомъ церковнаго владѣнія *въ городахъ* были городскія имущества—дворы и усадьбы населенныя людьми, зависимыми отъ церковныхъ учрежденій. „Которые домы и мѣстца церквамъ Божьимъ поданы здавна отъ предковъ нашихъ, або владыка и игуменья, и иные князи, и бояре и мѣщане, и люди добрые прикупили къ церквамъ Божьимъ, а тые домы и мѣстца суть въ замку, або середь мѣста Полоцкого, и будуть ли за панованье щастливое памяти дѣда нашого Казимира короля его милости, владыка и игуменья на тыхъ звѣчныхъ мѣстцахъ церковныхъ за собою слуги и иные закладни мѣли, мы и теперь владыцѣ и игуменьи дозволяемъ на тыхъ мѣстьцахъ и въ тыхъ церковныхъ домѣхъ слуги и иные закладни за собою мѣти и ихъ судити, а тымъ обычаемъ: ажъ мають имъ служити, а поземъ имъ господаремъ своимъ съ тыхъ мѣстецъ мають давати; и будуть ли ся которые з нихъ торгомъ обыходити, они мають серебщизну

и ордыньщину зъ мѣстомъ нашимъ платити. А которые за мѣстомъ фолварки, поля и сѣножати церковные владыка и игуменья мають, на тыхъ полѣхъ и сѣножатехъ не мають торговыхъ людей, а ни ремесленыхъ за собою садити, нижли мають садити людей сельскихъ, которые бы тамъ хлѣбъ пахали"[1]). Так. обр. „церковные мѣщане" подлежали въ пользу своихъ владѣльцевъ только взносамъ поземельнаго оброка („поземь") и праву ихъ суда надъ собою (съ уплатою установленныхъ пошлинъ); по городскимъ же промысламъ и торговлѣ входили въ общій разрядъ мѣщанъ коронныхъ (или свѣтскихъ владѣльцевъ). Впрочемъ такія важныя церковныя учрежденія, какъ Печерскій монастырь среди коронныхъ городовъ имѣли свои собственныя городскія поселенія, ничѣмъ не связанныя съ королевскимъ городомъ; таковъ былъ „Печерскій городокъ" (Печерскъ) въ Кіевѣ.—Кромѣ населенныхъ мѣстъ церковныя учрежденія въ городахъ владѣли отдѣльными усадьбами (плацами) и огородами.

Одно церковное учрежденіе могло быть предметомъ владѣнія другаго; таковы были монастыри, принадлежавшіе епископіямъ.

Обыкновенный фундушъ сельскихъ церквей состоялъ изъ двухъ волокъ земли (около 40 дес.), заселенной, или незаселенной, и нѣсколькихъ морговъ на усадьбу священнику и членамъ клира. Но иногда фундушъ далеко превышалъ эти размѣры. Если давалась земля населенная, то крестьяне, сидящіе на ней, обязывались повинностями и платежами въ пользу духовенства такими же, какіе были установлены въ пользу владѣльцевъ. Если земля давалась незаселенная, то духовенство имѣло право поселять новоприходящихъ крестьянъ. Въ 1628 г. въ фундушевой записи Пришихостскаго въ пользу церкви Рожд. Богородицы, дается на попа и дьяка волокъ $1^1/_2$ и на подданныхъ трехъ $1^1/_2$ же волоки[2]).

---

[1]) Полоцк. Уст. Грам. подтв. 1547 г. Ак. зап. Рос. III № 5.

[2]) Ак. Вил. ком. т. II. № 20. См. также № 27.

Историко-юридическія особенности церковныхъ имуществъ. Права на церковныя имущества (и въ частности недвижимыя) отличаются, какъ извѣстно, отъ всѣхъ другихъ видовъ имущественныхъ правъ ограничительными условіями въ свободѣ распоряженія ими. Уже древній римскій законъ въ языческую эпоху ставилъ вещи, посвященныя божеству, внѣ гражданскаго оборота (res extra commercium). Но тогда это разумѣлось о вещахъ освященныхъ въ слѣдствіи сакральнаго характера ихъ. Тотъ же принципъ усвоенъ и христіанскою римскою имперіею; но разспространенъ уже до нѣкоторой степени и на простыя экономическія цѣнности, въ томъ числѣ недвижимыя имущества, принадлежащія церкви. Они не изъяты вполнѣ изъ гражд. оборота, но на нихъ т. с. наложено запрещеніе; тоже начало чрезъ каноническое право перешло и къ новымъ народамъ. Оно извѣстно подъ именемъ *неотчуждаемости церковныхъ имуществъ*. Но примѣненіе этого принципа у каждаго народа было разнообразно, смотря по отношенію церкви къ государству и гражданскому обществу. Здѣсь нѣтъ надобности говорить объ общихъ причинахъ неотчуждаемости церковныхъ имуществъ и о необходимыхъ исключеніяхъ изъ этого принципа. Достаточно имѣть въ виду его двустороннее значеніе именно съ одной стороны очевидно ограниченіе правъ владѣльцевъ этихъ имуществъ (физическихъ и юридическихъ лицъ); фикція приписывала въ собственность эти имущества Богу, или тѣмъ святымъ, которымъ посвящена церковь; а лица, пользовавшіеся имѣніями, были простыми фактическими владѣльцами, обязанными дать отчетъ за цѣлость имуществъ. Съ другой стороны принципъ неотчуждаемости сообщилъ непоколебимую твердость правамъ церкви на ея имущества: если сами владѣльцы не могли распорядиться ими въ смыслѣ отчужденія, то тѣмъ болѣе никто сторонній не могъ посягнуть на ихъ отнятіе у церкви. Но примѣненіе принципа неотчуждаемости (какъ сказано) у каждаго народа было разнообразно.

Сравнивая два типа отношеній къ церковнымъ имуществамъ, установившихся въ русскомъ правѣ, находимъ, что

Московское и вообще сѣверно-русское право допускало большій просторъ въ распоряженіи церковными имуществами. Напротивъ западно-русское право точнѣе сохраняло принципы неотчуждаемости [1]). Мы увидимъ, что и здѣсь открывался широкій просторъ государству и частнымъ лицамъ представителямъ церковныхъ учрежденій и стороннимъ для распоряженія церковными имуществами: постоянно совершаются сдѣлки купли-продажи, залога, даренія и завѣща-

[1]) Такъ стояло дѣло въ XVI вѣкѣ; но въ XVII в. есть уже не мало случаевъ полнаго отчужденія церковныхъ имуществъ, иногда даже по безвозмезднымъ сдѣлкамъ. Приведемъ одинъ,—относящійся къ Гродненскому воеводству,—случай довольно поздній, именно передачу въ 1686 *въ даръ* Мих. Пацу, воеводѣ Виленскому, незначительнаго участка земли, принадлежащей Гродненскому монастырю. Даръ совершенъ при слѣд. обстоятельствахъ. На даримомъ участкѣ стоялъ кирпичный заводъ, который былъ выстроенъ Пацомъ. Пацъ, по словамъ митрополичьей грамоты, оказалъ лично митрополиту и уніатской церкви большія услуги. Даритъ не монастырская община или ея настоятель, а митрополитъ, предварительно испросивъ согласіе „всего уніатскаго духовенства", и съ участіемъ мѣстнаго архимандрита. Все даримое имущество составляло только полъ волоки земли съ кирпичнымъ заводомъ. Столь торжественно обставленъ такой мизерный даръ; тѣмъ не менѣе онъ, очевидно, противозаконенъ (Акты Вил. ком. I № XXXVII).

Въ XVII в. есть много случаевъ возмезднаго отчужденія церковныхъ имуществъ какъ *прихожанами по купчимъ* (см. Акты Вил. ком. VI. № 23, 24, 30,—случаи однако опротестованные духовенствомъ т. е. настоятелемъ: см. ib. № 28; случаи эти приводимъ ниже для другой цѣли), такъ и представителями церковныхъ учрежденій. Довольно характеренъ случай продажи церковныхъ имуществъ митрополитомъ Веньяминомъ Рутскимъ, который выставилъ мотивомъ своихъ дѣйствій намѣреніе продать и заложить митрополитанскіе фольварки и села, разоренные неурожаями и военными отрядами, а *въ замѣнъ ихъ пріобрѣсти* для церкви въ одномъ мѣстѣ хорошее, доходное и большое имѣніе. Продавая фольварокъ Новгородичи Булгаку въ 1653 г., митрополитъ заявляетъ, что онъ дѣлаетъ это „за консенсемъ и позволенемъ его королевской милости" (Акты Вил. ком. т. XI № 40. См. также 16. № 41, 42, 59, 60, въ которыхъ содержится дѣло о продажѣ настоятелемъ Краскаго монастыря нѣкоей Раецкой имѣнія Стравинишки и затѣмъ отказъ его исполнить эту сдѣлку, какъ *незаконную*). См. еще ibid. № 65—продажу въ 1669 г. Виленскимъ свято-духовскимъ монастыремъ имѣнія Судервы Виленскому іезуитскому новиціату; т. IX, № 59—продажу настоятелемъ Виленской Никольской церкви городскому писарю имѣнія Ленковщизны; и ibid № 62—продажу Виленскимъ Троицкимъ монастыремъ Кононовичу церковнаго дома на Острой улицѣ).

нія ихъ отъ частныхъ лицъ другимъ; но это совершается вмѣстѣ съ переходомъ изъ рукъ въ руки самихъ учрежденій (епископій, церквей, монастырей), за которыми слѣдуютъ къ новымъ владѣльцамъ и ихъ имущества; однако эти послѣднія остаются все таки церковными т. е. не теряютъ своего первоначальнаго назначенія. Если одинъ продаетъ другому церковь съ ея имуществомъ, то, конечно, церковное имущество отчуждается, но оно остается церковнымъ и въ рукахъ слѣдующаго пріобрѣтателя. Замѣчаніе это имѣетъ особенную важность по отношенію къ правамъ государства на церковныя имущества. Такимъ образомъ въ Литовско-русскомъ государствѣ имущество церкви никогда бы не должно было выходить изъ ея рукъ. Само собою разумѣется, что при сильныхъ политическихъ переворотахъ, напр. татарщинѣ, когда истребляемы были не только церкви, но и все прежнее населеніе большихъ областей, церковныя земли, наравнѣ съ другими, представляли пустыню въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и затѣмъ могли потерять вполнѣ свое прежнее назначеніе, при новомъ заселеніи края новымъ народомъ. Возможно также, что и помимо такого общаго запустѣнія края, то или другое церковное учрежденіе могло прекратить свое существованіе и имущества его, оставшись безхозяйными, могли подлежать оккупаціи стороннихъ лицъ [1]). Но все это явленія фактическія, не нарушающія юридическаго принципа неотчуждаемости. Чтобы убѣдиться въ этомъ, для насъ было-бы достаточно рѣшить вопросъ: теряетъ-ли церковь право на недвижимое имущество *путемъ давности?* Къ сожалѣнію для рѣшенія его законодательные памятники почти не даютъ матеріала; бытовые же акты сообщаютъ кое-какія указанія, но неясныя и неопредѣленныя.

Дѣло въ высшей степени осложняется тѣмъ, что самый институтъ давности только еще складывался и не достигъ

---

[1]) Попытки незаконной оккупаціи церковныхъ имѣній, какъ безхозяйныхъ, частными лицами, совершаются постоянно, но повозможности отстраняются церковными властями (см. напр. Кіев. Центр. Арх. кн. 966, л. 109 и мн. др.).

опредѣленности не только до изданія 1-го статута, но и долго спустя, хотя онъ имѣетъ специальное значеніе для территоріи южной Россіи, гдѣ при постоянныхъ нападеніяхъ со стороны степняковъ-татаръ прочность владѣній была очень невелика; каждый годъ могли нагрянуть грозныя толпы, обратить въ прахъ всѣ культурные признаки владѣнія и уничтожить, или разсѣять самихъ владѣльцевъ; затѣмъ на ихъ мѣсто могъ явиться новый предприниматель и возстановить разрушенное гнѣздо. Однако трудъ его подвергался-бы опасности стать напраснымъ, если отыщется прежній владѣлецъ и вступитъ вновь въ свои права, несмотря на усилія и время владѣнія своего замѣстителя. Между тѣмъ и до изданія статута и послѣ въ установленіи давности замѣчается неопредѣленность. Напр. до 1-го Статута именно въ 1498 г. вел. кн. рѣшилъ тяжбу между кн. Чорторыйскими племянникомъ и дядею о цѣлой половинѣ владѣнія. Отвѣтчикъ—дядя сослался на то, что о такомъ притязаніи не упоминалось при жизни брата; посредствомъ опроса пановъ радъ оказалось, что при королѣ Казимирѣ, дѣйствительно, такого „припоминанія“ не было. Вел. кн. рѣшилъ въ пользу отвѣтчика на томъ основаніи, что „отецъ его (истца) о то ся его отцу не вспоминалъ, а то такъ ся вдавнило ажъ до тыхъ часовъ [1]). Сколько же именно прошло времени? Вел. кн. этимъ не интересуется. Со времени смерти короля Казимира и до 1498 г. прошло только 6 лѣтъ. Если же взять все время царствованія Казимира, то наоборотъ получится громадный срокъ—около 60 л. Очевидно суду достаточно было убѣдиться, что истецъ имѣлъ *достаточно* времени для предъявленія своихъ правъ—и только.

Обращаясь въ частности къ церковнымъ имуществамъ, находимъ, что и долго спустя послѣ Статута въ вопросѣ о давности царствуетъ такая-же неопредѣленность. Дѣло отчасти разъясняется однимъ изъ актовъ настоящаго тома, именно тяжбою 1560 г. предъ владыкою Луцкимъ о землѣ между

---

[1]) См. стр. 49—50.

протопопомъ Дмитровской Луцкой церкви Демьяномъ и священникомъ Полонскимъ Өедоромъ [1]). Спорный участокъ земли былъ данъ Дмитровской церкви по мѣновому акту между владыкою Луцкимъ Кирилломъ и кн. Өедоромъ Чорторыйскимъ, около 1525 г., т. е. за 35 лѣтъ до рѣшенія тяжбы. На судѣ истецъ—настоятель Дмитровской церкви объяснилъ, что спорный участокъ земли попалъ во владѣніе Полонскаго священника въ слѣдствіе того, что Дмитровская церковь долгое время („часъ немалый“) лежала въ развалинахъ и пустовала; при ней не было священника и не отправлялась служба; тогда всѣ „доходы“ и земли этой церкви были разобраны и выпрошены разными лицами; кто что хотѣлъ взять, то и бралъ; тогда попъ Полонскій забралъ въ свое владѣніе („подъ себе“) и землю, о которой идетъ споръ. Затѣмъ, когда владыка Феодосій исправилъ церковь и далъ ее истцу со всѣми доходами и землями ея, то Полонскій священикъ отказался „по упорству“ возвратить землю по принадлежности. Истецъ тогда-же началъ судебный искъ, „не молчалъ“, но въ его рукахъ не было тогда ни какихъ актовъ на эту землю. Потомъ, когда онъ владѣлъ церковію уже немалое время, то досталъ отъ „нѣкоторыхъ пріятелей своихъ“ документъ (мѣновой актъ владыки Кирилла съ кн. Фед. Чорторыйскимъ), который теперь и представилъ на судъ. На судѣ отвѣтчикъ защищался исключительно давностію; а истецъ, кромѣ упомянутаго документа, ссылался на напоминальные королевскіе листы бывшимъ епископамъ Феодосію и Іосифу о томъ, что бы они оказали справедливость жалобщику. На судѣ, при окончательномъ рѣшеніи дѣла, владыка присудилъ землю истцу, не принявъ ссылки отвѣтчика на давность. При объясненіяхъ сторонъ опредѣлился взглядъ тогдашняго общества на институтъ давности. Именно истецъ находилъ ссылку отвѣтчика на одну давность, безъ представленія документовъ, неосновательною; онъ указываетъ, что въ источникѣ владѣнія отвѣтчика не было никакого

[1]) См. этого тома стр. 358—360.

права—ни пожалованія („наданья“), ни дозволенія чьего-либо, а только одинъ самовольный захватъ („своволное посегненіе“). Затѣмъ истецъ подчеркиваетъ, что онъ „не молчалъ“, а жаловался власти. Но ни одна изъ сторонъ, а равно и судъ ни разу не затронули вопроса, сколько времени владѣлъ землею отвѣтчикъ до и послѣ начала иска, хотя самъ истецъ признаетъ, что церковь Дмитровская лежала впустѣ много лѣтъ („часъ не малый“), такъ что до начала иска (и до вступленія истца во владѣніе церковію) могло пройти не малое время, именно больше 10 лѣтъ.—Такимъ образомъ условіями давности признаются: а) добросовѣстное пріобрѣтеніе (justus titulus) и б) безпрерывность; срокъ-же владѣнія остается неопредѣленнымъ. Такова, впрочемъ вообще сущность давности по древне-русскому праву, въ которомъ формальныя условія давности имѣли мало значенія. Напротивъ законъ устанавливалъ именно и только сроки давности, не обращая вниманія на прочія условія ея [1]). Въ представленномъ примѣрѣ дѣло осложняется тѣмъ, что тяжба идетъ между церковными учрежденіями, а не между церковію и сторонними лицами; а что въ этомъ есть большая разница, доказывается тѣмъ, что даже въ 1584 г. на съѣздѣ въ Волковыйскѣ духовныя власти обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій сочли нужнымъ прибавить къ своимъ постановленіямъ о церковныхъ имуществахъ, что давность исковъ между церковными и свѣтскими владѣльцами должна быть такая же, какъ между *государствомъ и шляхетствомъ* (при этомъ рѣчь идетъ о такихъ церковныхъ имѣніяхъ, которыя пожертвованы частными владѣльцами, а не такихъ которыя получены отъ государства). Значитъ общая давность статута въ этомъ случаѣ не примѣнялась.

Но имѣя въ виду рядъ фактовъ, въ которыхъ права̀ церквей и монастырей возобновляются въ XVI в., по грамотамъ древней русской великокняжеской эпохи, не будучи осуществляемы со временъ татарщины (Выдубицкаго мона-

---

[1]) См. Стат. I, Разд. I, арт. 27; V, 12; VIII, 2; X, 1.

стыря на Звѣринецъ, Михайловскаго Златоверхаго монастыря и др.), мы рѣшаемся высказать предположеніе, что земская давность къ церковнымъ имуществамъ не примѣнялась въ отношеніи къ государству, которое не считало себя въ правѣ освоять запустѣвшія церковныя земли, какъ res nullius.

Впрочемъ и относительно частныхъ лицъ въ этомъ отношеніи можетъ быть сомнѣніе.

О тяжбахъ между церковію и сторонними лицами по давности есть нѣсколько (сомнительныхъ) указаній. Напр. въ 1573 г. рѣшалось Луцкимъ трибуналомъ дѣло между владыкою Луцкимъ—Феодосіемъ и Любитовскими о захватѣ этими послѣдними части имѣнія владычества Владимірскаго—Воронъ. Дѣло рѣшено въ пользу владыки несомнѣнно по акту половины XV в.; по крайней мѣрѣ по этому акту возный, исполняя рѣшеніе трибунала, отводилъ границы имѣнія. Актъ этотъ есть судовый разъѣзжій листъ старосты Луцкаго Ивана Ходкевича и маршалка Волынскаго—Олизара Шиловича.

Въ 50 и 60 годахъ XVII в. происходилъ процессъ между духовнымъ (уніатскимъ) начальствомъ и евреями г. Берестья о правѣ владѣнія такъ называемымъ Козмо-Демьянскимъ плацомъ въ этомъ городѣ. Именно Владимірскій епископъ Янъ Михаилъ Потѣй предписалъ мѣстному (Берестейскому) протопопу стараться о построеніи вновь церкви, „гдѣ въ давніе годы была церковь Козмы и Демьяна и гдѣ находятся уже не малое время жидовскіе дома“. Епископъ, очевидно, не останавливается на мысли о минованіи давности и распоряжается, что бы жидамъ было приказано немедленно снести свои дома, а духовенству позаботиться приготовить тотчасъ матеріалъ для начала постройки церкви въ томъ же году. Когда, однако, возникъ споръ по этому дѣлу и пришлось дознаваться отъ старожиловъ, дѣйствительно-ли существовала церковь на этомъ плацу, то нѣсколько человѣкъ изъ шляхты засвидѣтельствовали, что слышали отъ Менделя жида лѣтъ сорокъ тому назадъ, что когда-то была церковь на этомъ мѣстѣ, т. е. сорокъ лѣтъ

назадъ уже былъ только слухъ о когда-то бывшей церкви. Единственный документъ, добытый по этому дѣлу, относился къ 1574 г., т. е. датированъ 82 года до начала процесса. 15 чел. шляхты свидѣтельствовали даже, что на данномъ плацу никогда не было церкви. Между тѣмъ процессъ производился, безъ всякой ссылки на давность со стороны отвѣтчика, и окончился въ 1671 году не на основаніи истеченія давности, а по отсутствію (якобы) документовъ о бытіи церкви; впрочемъ евреи обязались платить чиншъ съ спорной земли въ пользу епископа[1]).

Наконецъ приведемъ фактъ, относящійся къ XVI в., когда былъ прямо поставленъ вопросъ о примѣненіи давности къ церковнымъ имуществамъ. Въ 1582 г. рѣшалось дѣло по иску Полоцкаго архіепископа Феофана Богдана къ Полоцкому городничему Фронцу Бартошевичу Жуку о селѣ Путилковичахъ, принадлежавшемъ издавна къ владычеству Полоцкому. Отвѣтчикъ возражалъ, что онъ владѣетъ упомянутымъ селомъ по пожалованію короля Сигизмунда-Августа, который выдѣлилъ для него это село не изъ владычества Полоцкаго, а изъ староства Дисненскаго, что и подтверждается грамотою того-же короля къ старостѣ Дисненскому отъ 1567 г. и вводнымъ листомъ этого старосты, который ввелъ его во владѣніе на основаніи королевской грамоты. Затѣмъ тотъ-же король подтвердилъ ему то имущество на вѣчность, въ доказательство чего отвѣтчикъ представилъ грамоту короля, писанную на пергаментѣ. Послѣ того отвѣтчикъ владѣлъ селомъ Путилковцами *16 лѣтъ;* покойный Полоцкій владыка Варсонофій Валахъ все это время оставлялъ его въ покоѣ, очевидно признавая, что село это не принадлежитъ къ владычеству Полоцкому. Нынѣшній владыка заявляетъ притязаніе вообще на села Дисненскаго староства, между тѣмъ король за эти села далъ владыкамъ Полоцкимъ въ вознагражденіе монастырь въ Мстиславлѣ, съ котораго они получаютъ одного меду прѣснаго до 100 пудовъ, кромѣ

---

[1]) Ак. Вил. Ком. т. III, № 35 и др.; т. V, стр. VIII.

денегъ, хлѣба и другихъ доходовъ.—Повѣренный истца—Суликовскій, опираясь вообще на привилегію 1576 года, которою король огульно подтвердилъ всѣ права Полоцкой архіепископіи, въ слѣдствіе того, что отдѣльныя привилегіи и фундуши забраны Московскимъ правительствомъ при завоеваніи имъ Полоцка, въ частности относительно села Путилковичъ ссылался на свидѣтельство королевскихъ ревизоровъ отъ 1578 г., разслѣдовавшихъ объ имѣніяхъ владычества по показаніямъ мѣстныхъ жителей; изъ такого разслѣдованія оказалось, что село Путилковичи издавна принадлежало владычеству Полоцкому. Кромѣ того повѣренный приводилъ актъ такого-же разслѣдованія королевскихъ ревизоровъ 1580 г. Далѣе онъ выставилъ на видъ общія узаконенія, по которымъ король обязался не вступаться ничѣмъ въ имущества и наданья духовенству какъ римской, такъ и греческой вѣры и не уменьшать ихъ; въ силу этого, если бы король и предложилъ владыкѣ въ замѣнъ за село Путилковичи какой-то монастырь, то это бы не имѣло никакой силы, ибо имущества владычествъ и монастырей *никакой замѣнѣ подвергнуться не могутъ на основаніи закона.* „А что касается того, что отвѣтчикъ говоритъ, что бывшій владыка Полоцкій Варсонофій Валахъ не искалъ подъ нимъ того села и что такимъ образомъ истекла земская давность, то вольно было Варсонофію не искать, по пріятельству или по другой причинѣ; но *имѣнія церковныя не подлежатъ давности* („въ давность ити не могутъ“), ибо иначе духовное лицо могло бы такимъ образомъ пораздавать своимъ пріятелямъ всѣ церковныя имѣнія и затѣмъ зашла бы земская давность и всѣ церковныя наданья оказались бы отчужденными“. Дѣло это разсматривали по порученію короля члены Рады и дворные урядники вел. княж. Литовскаго, назначенные для того королемъ; они, выслушавши пренія сторонъ, рѣшили передать дѣло на усмотрѣніе короля (на реляцію); король приказалъ записать его въ свои книги; но король былъ занятъ другими дѣлами, а между тѣмъ сеймъ окончился и дѣло отложено до буду-

щаго сейма; намъ неизвѣстно, какъ оно закончилось [1]). Но достаточно и приведеннаго протокола, чтобы сдѣлать слѣд. выводы: во первыхъ если бы земская давность имѣла безусловное примѣненіе и къ церковнымъ имуществамъ, то повѣренный не могъ бы прямо и категорически отрицать ее; во вторыхъ судьи, имѣя предъ собою рядъ несомнѣнныхъ королевскихъ грамотъ въ пользу отвѣтчика, не уклонились бы отъ рѣшенія, если бы полагали, что земская давность простирается на церковныя имущества и самъ король не отложилъ бы дѣла подъ предлогомъ занятія другими дѣлами. Очевидно, вопросъ о примѣненіи давности къ церковнымъ имуществамъ во всякомъ случаѣ въ XVI в. былъ сомнителенъ для самыхъ высшихъ органовъ государства.

Къ этому примыкаетъ вопросъ, также относящійся къ принципу неотчуждаемости, именно вопросъ о правѣ государства *наслѣдовать вымороченныя церковныя имущества,* то есть освоять ихъ послѣ закрытія того или другого церковнаго учрежденія. По существу дѣла такого права не могло возникнуть для государства, ибо церковь предполагается стольже твердымъ учрежденіемъ, какъ и само государство; даже болѣе того, она по идеѣ есть учрежденіе вѣчное; а потому упраздненіе того или другого церковнаго учрежденія въ частности должно бы открыть наслѣдство для церкви, а не для государства. Въ церкви же всегда остаются ея центральные главные органы, къ которымъ и должно бы перейти имущество упраздненнаго учрежденія. Но у насъ есть факты, которые, повидимому, указываютъ на усвоеніе государству такихъ имуществъ. Въ г. Житомирѣ существовали въ концѣ XV в. двѣ католическихъ церкви: Божіей Матери и св. Николая; первая владѣла селомъ Иванковцами, вторая с. Поповцами. Когда обѣ эти церкви въ слѣдствіе нападенія татаръ запустѣли и были закрыты, то король Александръ пожаловалъ первое изъ этихъ селъ Гнѣвошу Воронѣ, а второе взято на королевскій замокъ [2]). Относительно учрежденій

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 135.
[2]) Źr. Dz XXII, 570.

православной церкви, мы не имѣемъ подобныхъ, опредѣленныхъ фактовъ; можно подумать, что въ данномъ случаѣ дѣло зависѣло отъ различія вѣроисповѣданій,—хотя католическая церковь, отличаясь большею независимостью отъ государства, должна бы въ этомъ случаѣ имѣть преимущество передъ православною; но надо имѣть въ виду, что католическая церковь въ Кіевщинѣ въ то время имѣла лишь номинальное значеніе; епископы не жившіе въ Кіевѣ, не могли быть фактическими владѣльцами имуществъ, особенно мелкихъ и разбросанныхъ въ краѣ, постоянно подвергавшихся опустошеніямъ; между тѣмъ государство должно было заботиться о заселеніи и защитѣ такихъ мѣстъ, отдавая земли служилымъ людямъ. Относительно православныхъ церквей можемъ привести одинъ фактъ, показывающій, повидимому, также на признаніе права государства наслѣдовать закрываемымъ церковнымъ учрежденіямъ: въ 1570 г. люстраторы Кіевскаго воеводства, говоря о необходимости построить въ Кіевѣ другой замокъ на новомъ мѣстѣ, добавляютъ, что матеріалъ для возведенія каменныхъ стѣнъ замка нашелся бы въ изобиліи тутъ же на мѣстѣ, на Старомъ Городѣ, именно въ развалинахъ многочисленныхъ церквей [1]). Такимъ образомъ, повидимому, не возникало сомнѣній о правѣ государства распорядиться имуществомъ упраздненныхъ церквей по своему усмотрѣнію. Но матеріалъ изъ церковныхъ стѣнъ есть имущество движимое; мы же говоримъ о владѣніи землею; притомъ неизвѣстно, какъ бы отнеслись къ такому проекту Кіевскіе митрополиты въ случаѣ попытки дѣйствительнаго его осуществленія. Другихъ фактовъ наслѣдованія государства церковнымъ учрежденіямъ мы не имѣемъ. Наоборотъ видимъ, что долго пустѣвшіе монастыри (Мих. Златоверхій, Межигорскій и др.) возобновлялись и безпрекословно получали прежнія владѣнія.

Изъ обстоятельствъ, ограничивающихъ начало неотчуждаемости, обращаетъ на себя вниманіе распоряженіе со сто-

---

[1]) Ар. юго-зап. Рос. ч. VIII, т. IV, № 1.

роны государственной власти церковнымъ имуществомъ въ случаѣ *непоступленія съ него государственныхъ налоговъ.* По общему порядку взысканія по обязательствамъ, при несостоятельности слѣдовала отдача имѣнія кредитору во временное владѣніе, впредь до полнаго погашенія долга доходами его. Но есть факты, указывающіе, какъ будто, на полный переходъ права собственности на часть церковнаго имѣнія къ государству. Вотъ одинъ такой актъ: въ 1585 г. староста Луцкій кн. Александръ Пронскій даетъ Луцкому „жиду" Лазарю Насону арендный листъ слѣд. содержанія: „отдаю въ аренду жиду Луцкому Лазарю Насану имѣнія, отъ владычества Луцкаго *пріобрѣтенныя по суду* („od wladycztwa Luczkégo prawem przezyskane") и *присужденныя декретомъ короля* за неуплату поборовъ, а именно: дворъ и село Полону (Połona), въ которой (находится) корчма, мыто, млинокъ и ставокъ, съ приселками, принадлежащими къ Полоной: Островкомъ и Голешовомъ, со всѣми подданными (крестьянами) и всѣми (съ нихъ) платами и доходами, не исключая ничего... все сполна, что только къ этимъ имѣніямъ принадлежитъ—съ гумномъ и пр., срокомъ отъ Луцкой ярмарки на три года, непосредственно слѣдующихъ одинъ за другимъ, за 900 злотыхъ... До полнаго истеченія трехъ лѣтъ ни я самъ, ни черезъ другихъ вступаться и дѣлать какія либо препятствія (арендатору) не имѣю права. А по истеченіи трехъ лѣтъ онъ (арендаторъ) обязанъ возвратить все такъ, какъ теперь я ему отдаю"...[1]) На мысль о томъ, что означенныя здѣсь имѣнія Луцкой епископіи перешли въ собственность короны (и въ распоряженіе старосты) можетъ навести исковый (тяжебный) ходъ дѣла (между тѣмъ какъ взысканія налоговъ производились административно-безспорнымъ порядкомъ); при этомъ употреблены термины, которые неумѣстны при обыкновенныхъ взысканіяхъ (*имѣнія пріобрѣтены*—przezyskane—по суду, *присуждены* декретомъ короля"); при взысканіяхъ присуждалось не имѣніе, а лишь

---

[1]) Кіев. цент. арх. кн. 943, л. 102.

предоставлялось право кредитору войти во владѣніе тѣмъ или другимъ имѣніемъ и получить доходы впредь до погашенія долга. Но мы уже привели выше свѣдѣнія объ этомъ фактѣ (въ актѣ сдачи Луцкой епископіи 1585 г.), когда притязанія кн. Пронскаго тогдаже были отстранены вел. княземъ, по просьбѣ владыки. Случай, показывающій какъ осторожно надо дѣлать выводы изъ сомнительныхъ выраженій актовъ.

Важнѣйшимъ ограниченіемъ принципа неотчуждаемости могла быть признана секуляризація, т. е. предполагаемое *право* государства на отобраніе церковныхъ имуществъ,— право, которое было выставлено сѣверно-русскимъ (Московскимъ) государствомъ уже съ XV в. (въ Новгородѣ) и съ самого начала XVI в. во всемъ государствѣ и затѣмъ безпрерывно заявлялось въ теченіе XVI и XVII в.в., а наконецъ практически осуществлено Петромъ I и II и Екатериной II. Напротивъ западно-русское государство, хотя и управляемое католическою властію, ни одного разу и ни въ какомъ даже частномъ случаѣ не предъявляло такихъ правъ, а наоборотъ всегда утверждало въ законахъ начало незыблимости права собственности церкви на земельныя имущества, ставя церковь въ первомъ ряду безусловно независимыхъ собственниковъ. Даже въ эпоху религіозныхъ смутъ, вызванныхъ Брестскою уніею, когда интересы католическаго правительства явно выступили противъ православной церкви, когда сверхъ того, дѣлалось неяснымъ, что и кто составляетъ восточную церковь при наличности двухъ іерархій уніатской и православной, правительство и тогда не рѣшилось воспользоваться смутою въ смыслѣ присвоенія себѣ имуществъ спорящихъ сторонъ, а предоставляло эти имущества той или другой церкви, смотря по обстоятельствамъ и тѣмъ или другимъ соображеніямъ. Скажемъ болѣе: въ то время, когда въ Русской Имперіи послѣдовала секуляризація церковныхъ имуществъ при Екатерины II и въ томъ числѣ были отобраны и земли западно-русскихъ монастырей въ областяхъ, уже присоединенныхъ къ Россіи,—даже тогда католическое

правительство Польско-Литовскаго государства не подняло руки на имущества православныхъ церквей и монастырей въ областяхъ, остававшихся подъ его властью. Но опять уже русское правительство при Имп. Николаѣ I указомъ 1841 г. порѣшило судьбу и этихъ имуществъ въ смыслѣ отнятія ихъ государствомъ. Такъ и закончилась многовѣковая исторія имуществъ западно-русской церкви, утверждаемыхъ за нею со временъ Владиміра св.

Намъ нѣтъ надобности входить въ разборъ основаній сѣверно-русской секуляризаціи. Но считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько попутныхъ замѣчаній по общему вопросу выражается-ли въ фактахъ секуляризаціи *право государства* спеціально въ отношеніи къ церковнымъ имуществамъ? Если такъ, то особенное свойство этихъ имуществъ, именно неотчуждаемость ихъ, закрѣпленная за ними еще древнимъ византійскимъ правомъ, получило бы ироническій смыслъ; оно означало бы невозможность для владѣльцевъ имуществъ распорядиться ими, но зато полную возможность и право стороннихъ лицъ (государства) располагать ими по произволу. Вмѣсто безусловной твердости правъ церкви получилась бы полная непрочность и условность ихъ, чѣмъ права церкви отличались бы отъ правъ всѣхъ другихъ физическихъ и юридическихъ лицъ.

Въ русской историко-юридической литературѣ не разъ можно встрѣтить попытки формулировать сѣверно-русскую секуляризацію, какъ *право* государства. Однимъ изъ основаній для такого вывода принимаются, во перв., способы пріобрѣтенія церковію имущества путемъ главнымъ образомъ пожалованія отъ государства и, во вторыхъ, цѣли пожалованія (имущества давались для исполненія церковію государственныхъ функцій); наконецъ важнѣйшимъ основаніемъ для вывода о правѣ государства, можетъ послужить тотъ типъ отношеній государства къ церкви, который именовался у новыхъ народовъ jus patronatûs и „правомъ поданья". Что касается до перваго, то мы уже видѣли, что оно фактически невѣрно; правда, главныя земельныя имущества церкви по-

лучались ею чрезъ пожалованіе, но громадная масса мелкихъ земель несомнѣнно составлялась изъ частныхъ дарственныхъ и завѣщательныхъ актовъ. А эта масса въ совокупности значительно превышала количество крупныхъ имуществъ. Съ этимъ падаетъ и второе основаніе, касающееся цѣлей пожалованія: пожертвованія частныхъ лицъ, конечно, не имѣли въ виду какихъ либо государственныхъ благоустройственныхъ цѣлей и обязанностей церкви и не обусловливались исполненіемъ ихъ. Подобно этому и правители государства при своихъ пожалованіяхъ не ставили условій церкви, а напротивъ торжественными клятвами утверждали вѣчную неотъемлемость отъ церкви жалуемыхъ имуществъ за себя и всѣхъ своихъ преемниковъ. И въ самыхъ пожалованіяхъ они отнюдь не раздѣляли личныхъ цѣлей (спасенія души своей и своихъ потомковъ) отъ цѣлей государственныхъ.

Оба указанныя основанія секуляризаціи имѣлись въ виду и высказывались приверженцами ея съ самаго начала, т. е. еще съ нач. XVI в., но ихъ можно принять, какъ оправдательные мотивы, какъ извиняющія обстоятельства для намѣреній государства, а отнюдь не какъ *право* его.

Гораздо важнѣе третье изъ указанныхъ обстоятельствъ, имѣющее особое значеніе для западно-русской церкви, т. е. право „подаванья“. Въ немъ, какъ увидимъ, всего болѣе выражается отношеніе государства къ церкви у новыхъ народовъ. Оно можетъ подать поводъ заключить, что государству принадлежали особыя полномочія по отношенію къ имуществамъ церкви.—Но къ изложенію вопроса о правѣ подаванья церковныхъ учрежденій и ихъ имуществъ мы вскорѣ перейдемъ; а теперь пока поставимъ одинъ вопросъ: имѣютъ-ли право „подавцы“, именно лица, которыя записали церкви имущества, возвратить ихъ назадъ подъ свою власть (хотя-бы и съ цѣлью передать ихъ другому церковному же учрежденію)? Повидимому, такого вопроса и ставить нельзя, ибо запись церкви имущества есть актъ вѣчнаго отчужденія. Конечно, дареніе можетъ быть условнымъ; при ненаступленіи или изчезновеніи постановленныхъ условій, даръ можетъ

быть возвращенъ дарителю, или его преемникамъ. Но мы говоримъ о пожертвованіяхъ безусловныхъ, каковыми и были всегда даренія и пожалованія въ пользу церкви. Между тѣмъ послѣ Люблинской уніи, вопросъ о правѣ патроновъ возвращать имѣнія изъ рукъ того или другаго церковнаго учрежденія, былъ не только поставленъ, но, повидимому, и рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Мы говоримъ такъ на основаніи акта 1579 г. слѣд. содержанія. Два села изъ Быховскаго имѣнія Ходкевичей, именно Хомичи и Озеряне, были издавна предками Ходкевичей записаны Кіево-Печерскому монастырю, во владѣніи котораго и оставались до уніи 1569 года; послѣ же этой уніи и присоединенія Кіева къ Польшѣ, глава рода Ходкевичей Янъ Еронимовичъ, каштелянъ Виленскій, отобралъ у Печерскаго монастыря названныя села, по примѣру другихъ князей и пановъ Литовскаго вел. княжества, не желая оставлять ихъ въ границахъ другого государства и намѣреваясь отдать эти имѣнія другимъ церквамъ Божіимъ, находящимся въ в. княж. Литовскомъ. Но архим. Мелетій Хребтовичъ, будучи родственникомъ Ходкевичей, упросилъ владѣльца возвратить Печер. монастырю упомянутыя два села; при этомъ Янъ Ходкевичъ даетъ новую грамоту на нихъ Печер. монастырю, какъ бы совершая новое „наданье". Возвратъ имѣній онъ мотивировалъ не правомъ монастыря, а именно просьбою своего родственника архимандрита. Для большей гарантіи правъ монастыря на будущее время Ходкевичъ прописываетъ въ своей грамотѣ, что въ случаѣ, если-бы онъ, или его преемники вздумали опять отнимать эти имѣнія у Печер. монастыря, то король можетъ своею властью отобрать ихъ и отдать назадъ монастырю. Зачѣмъ сдѣлано это, повидимому, ненужная прибавка? Право собственности могло быть возстановлено всякимъ обыкновеннымъ судомъ и къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, т. е. къ помощи королевской власти, прибѣгать было не зачѣмъ. Но именно эта оговорка и проливаетъ свѣтъ на надлежащее рѣшеніе вопроса о правѣ патроновъ отнимать назадъ церковныя имущества. Нѣтъ сомнѣнія, что при обык-

новенномъ теченіи государственной жизни такого права предполагать нельзя; патронъ навѣки отчуждалъ право собственности на пожертвованныя имъ имущества. Здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ исключительнымъ обстоятельствомъ, именно съ переходомъ церковнаго учрежденія въ другое государство. Само собою понятно, что этимъ разрушалось право патрона надзирать за судьбою имущества, пожертвованнаго имъ, какъ и вообще за судьбою самого учрежденія, получившаго даръ. А такое право существенно входило въ понятіе права поданья. Поэтому-то и прибавка о возстановленіи правъ монастыря властію короля, совсѣмъ не лишняя: суды другого сторонняго государства могли руководиться иными законами; общею властью между двумя государствами была только королевская, къ гарантіи которой и обращаются теперь. Нельзя упускать изъ виду, и того, что патронъ, отбирая имущество отъ Печерскаго монастыря, намѣревается передать эти имѣнія другимъ церквамъ Божіимъ, находящимся въ Литовскомъ государствѣ. Такимъ образомъ и этотъ исключительный случай не означаетъ права отнятія имущества отъ церкви. Такимъ образомъ изъ патронатства (какъ частнаго, такъ и государственнаго) не возникаетъ право обратнаго отобранія имуществъ, пожертвованныхъ церкви [1]).

Что касается до условнаго дара въ собственномъ смыслѣ, то сущность его отчасти уясняется тѣмъ же актомъ 1579 г. Въ новой грамотѣ, данной Печерскому монастырю Яномъ Ер. Ходкевичемъ, между прочимъ написано: Печерскій монастырь „тѣ села Хомичи и Озеряне будетъ держати и уживати... вѣчными часы, *доколь тотъ монастырь Печерскій* и тая церковь Божая въ своемъ порядку старовѣчномъ и *въ хвалѣ Божой закону греческаго* съ богомольствомъ *стояти и тривати* будетъ“ [2]). Само собою ясно, что такое условіе совершенно необходимо при дареніяхъ въ пользу церкви: даритель записываетъ имущество той церкви, которую признаетъ единою спасительною, ибо даритъ для спасенія своей души и душъ

---

[1]) Въ своемъ мѣстѣ коснемся этого вопроса съ бо́льшими подробностями.

[2]) Ак. з. Р. III, 117.

своихъ предковъ и потомковъ. Если церковь переходитъ въ другое вѣроисповѣданіе, то вся цѣль дара изчезаетъ, или, точнѣе, даръ переходитъ къ цѣли обратной, иначе сказать— изчезаетъ самое одаряемое лицо. Другихъ условій при пожалованіяхъ въ пользу церкви не ставили.

До какой степени указанное условіе было важно для судьбы православной церкви, это оказалось въ концѣ XVI и нач. XVII в., когда великіе князья, вступивъ на путь католической пропаганды, начали преднамѣренно игнорировать его. Въ 1583 г. король Стефанъ Баторій передалъ Полоцкому іезуитскому коллегіуму всѣ имѣнія всѣхъ Полоцкихъ монастырей и церквей, какъ въ замкѣ, такъ и въ городѣ. Такое вопіющее нарушеніе правъ церкви православной король прикрываетъ слѣд. благовидными предлогами: „эти церковныя имѣнія (говоритъ король) даны предками нашими великими князьями Литовскими и Полоцкими, а также другими добрыми и богобоязненными людьми для хвалы Божіей и для службы его святой; однако они обращены въ пользованіе свѣтскихъ лицъ; такъ бывшій Смоленскій каштелянъ Юрій Зеновьевичъ владѣлъ до конца жизни своей тремя селами (монастырскими); послѣ его смерти эти села, вмѣстѣ съ старостовомъ Дисненскимъ, возвратились (пришли) въ наши руки. Теперь эти села мы надали и фундували *на костелъ Божій* и на коллегіумъ Полоцкій, въ пользованіе ректора“ [1]). Так. обр. король, какъ будто, не нарушаетъ принципа неотчуждаемости церковныхъ имуществъ, обращая ихъ отъ православныхъ церковныхъ учрежденій къ католическимъ, лишь бы они шли „на хвалу Божію“. Даже болѣе: онъ возвращаетъ ихъ церкви, извлекая изъ рукъ свѣтскихъ лицъ, во власть которыхъ они попали, но попали именно по злоупотребленію властію вел. князей, которые стали жаловать церковныя имущества свѣтскимъ лицамъ (особенно при Сигизмундѣ-Августѣ). Итакъ одно злоупотребленіе здѣсь прикрыто другимъ, составляя прямое нарушеніе принципа неотчуждаемости.

[1]) Ак. з. Р. III, № 137.

ГЛАВА II.

Право поданья.

Центральный и важнѣйшій пунктъ исторіи западно-русскихъ церковныхъ учрежденій и ихъ имуществъ есть такъ называемое право подаванья или поданья. Но до какой степени смутно представленіе объ этомъ предметѣ въ нашей литературѣ, показываетъ примѣръ спеціальнаго труда проф. Чистовича („Очеркъ исторіи западно-русской церкви") [1]; Онъ говоритъ: „по своему происхожденію и первоначальному характеру, патронатъ былъ дѣломъ усердія благочестивыхъ ревнителей церкви, которые, строя на своей землѣ церкви и монастыри, снабжали ихъ всѣмъ необходимымъ для ихъ содержанія и благолѣпія, заботясь объ обезпеченіи своихъ церквей священниками и монастырей настоятелями и въ то-же время получали право высшаго управленія въ патронатскихъ церквахъ и монастыряхъ, какъ по имущественнымъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ суда". И такъ патронатъ есть *ктиторство*, въ византійскомъ смыслѣ. Однако дальше оказывается не то: „*Юридическимъ* основаніемъ (продолжаетъ тотъ-же историкъ) патронатскаго права было общее феодальное право (?) владѣльцевъ располагать и распоряжаться имѣніями и состоящими въ нихъ учрежденіями". И такъ патронатъ не есть ктиторство, а владѣльческое право, истекающее изъ прерогативъ *землевладѣнія;* въ каждомъ владѣніи былъ готовый патронъ въ лицѣ пана, и отнюдь не ктиторъ.—Но авторъ продолжаетъ: „границами этого права (феодальнаго) было

[1]) Ч. I, стр. 196 и сл.

съ одной стороны *общее государственное право* (курсивъ подлинника), которому было подчинено мѣстное (?) и частное владѣльческое (напр. король не могъ раздавать недвижимыхъ имѣній иностранцамъ и нешляхтичамъ; всѣ другіе ктиторы могли подавать свои имѣнія и бывшія въ нихъ учрежденія и должности, только съ утвержденія короля); съ другой *общее церковное право*, которое сохранило свою силу и при правѣ патронатскомъ". И такъ патронатъ не есть ни ктиторство, ни владѣльческое право, а право государственное.

Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же авторъ пишетъ: „Право патронатства церквей и монастырей пріобрѣталось ктиторствомъ, т. е. созданіемъ церквей и монастырей и снабженіемъ ихъ имѣніями; но затѣмъ, сохранялось въ томъ-же родѣ, или переходя въ другіе роды, оно получало видъ владѣнія, которымъ патроны располагали *по своему произволу*" (стр. 198). Причемъ-же тутъ „право государства" и „общее церковное право?" И кто могъ быть ктиторомъ (учредителемъ) такихъ учрежденій, какъ Кіевская митрополія, епископскія кафедры, Печерскій монастырь? и т. п. Правда, авторъ говоритъ (стр. 197): „Предметомъ подаванія были церкви, владѣвшія имѣніями и монастыри; *но впослѣдствіи времени* такими-же статьями подаванья *сдѣлались даже епископскія кафедры*". Но это „впослѣдствіи" совсѣмъ не соотвѣтствуетъ исторической правдѣ, епископіи были предметомъ подаванія для великаго князя съ древнѣйшихъ временъ.

Термины, которыми обозначается связь имущественныхъ и другихъ правъ церкви съ правами государства, общинъ и частныхъ лицъ, различны и нерѣдко (по ошибкѣ) смѣшиваются. Въ византійскомъ правѣ это называется *ктиторствомъ*. Въ средне-вѣковомъ юридическомъ языкѣ общая сущность тѣхъ-же отношеній именовалась *jus patronatûs*, а въ западной русскомъ языкѣ „*правомъ подаванья, или поданья*". Между этими терминами и понятіями, которыя они выражаютъ есть однако различія, которыя постараемся опредѣлить, имѣя, конечно главнымъ образомъ въ виду отличительныя черты

„права поданья“ какъ оно выразилось въ западно-русскихъ актахъ (законы молчатъ о немъ).—Прежде всего для уясненія права подаванья необходимо рѣшить, насколько оно согласно съ постановленіями восточной православной церкви, или, что тоже, сличить это право съ византійскимъ ктиторствомъ. Только при такомъ сличеніи мы будемъ въ состояніи придти къ надлежащему рѣшенію вопросовъ о происхожденіи и свойствахъ права поданья.

По началамъ права восточной православной церкви главнымъ и почти единственнымъ источникомъ зависимости церковныхъ имуществъ отъ стороннихъ лицъ (физическихъ и юридическихъ) есть *ктиторство*, т. е. основаніе и обезпеченіе того или другого церковнаго учрежденія. Это—источникъ очевидно *частно-правный*. Нѣкоторые юристы опредѣляютъ право ктиторства, какъ право вещное въ рукахъ частныхъ лицъ: „такъ какъ это право (говоритъ Чишманъ) проистекаетъ изъ права собственности и не отдѣлимо отъ обладанія церковнымъ учрежденіемъ и его имуществомъ, то оно всегда можетъ быть только вещнымъ“ [1]). Признавая относительную справедливость этого взгляда, мы должны, прибавить, что и съ точки зрѣнія права восточной церкви, ктиторское право соединено съ обязанностями („gegen Erfüllung bestimmter Verpflichtungen“ [2]), а потому должно составлять право sui generis среди прочихъ вещныхъ правъ и отнюдь не есть право собственности. Въ силу этого ктиторское право примѣняется только къ церквамъ, предназначеннымъ для общественнаго богослуженія, но не къ домовымъ храмамъ, на которые простирается дѣйствительно простое право собственности [3]). Во всякомъ случаѣ ктиторство не опредѣляется началами государственнаго права. Существенною чер-

---

¹) *Dr. Jos. v. Zhisman:* „Das Stifterrecht (το κτητορικὸν δικαίον) in der Morgenländischer Kirche“. Wien. 1888. S. 11.

²) Ibid.

³) Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, какъ трудно однако различать эти категоріи въ быту и правѣ новыхъ народовъ (въ частности русскаго) при существованіи владѣльческихъ правъ господина земли надъ населеніемъ.

тою ктиторства является то, что обязанности, соединенныя съ ктиторскимъ правомъ суть обязанности *церковнаго характера;* власть наблюдающая надъ исполненіемъ ихъ церковная (а не государственная).

Двумя главными указанными положеніями, т. е. частнымъ источникомъ его и принадлежностью исключительно церковному праву, опредѣляются всѣ стороны ктиторскаго права: 1, правящій государь можетъ быть ктиторомъ только тѣхъ церквей, которыя именно основаны имъ или его предками и вообще спеціально подчинены вѣдѣнію государя. 2, ктиторомъ можетъ быть только лицо православнаго вѣроисповѣданія; даже въ составѣ юридическихъ лицъ—ктиторовъ церкви всѣ физическія лица должны быть православныя. 3, главный (и въ сущности единственный) способъ пріобрѣтенія ктиторства есть основаніе или возстановленіе церкви или какого-либо церковнаго учрежденія (основаніе должно быть признано церковною властію послѣ надлежащаго удостовѣренія относительно цѣли и средствъ, даруемыхъ учредителемъ). Относительно другого способа (второстепеннаго), именно пріобрѣтенія чрезъ привилегіи (пожалованія) слѣдуетъ замѣтить, что пожалованіе исходило отъ церковныхъ властей, именно патріарха, митрополитовъ и епископовъ (главнымъ образомъ патріарха Константинопольскаго). Въ весьма немногихъ исключительныхъ случаяхъ привилегія для такъ называемыхъ „харистикаріевъ“ могла исходить отъ императора, но не какъ главы государства, а какъ представителя церкви и притомъ привилегіи этого рода ограничивались установленіемъ ктиторства надъ отдѣльными монастырями, или церквами [1]). 4, что касается до правъ и обязанностей ктитора, то они опредѣляются понятіемъ ктиторства и основнымъ источникомъ его пріобрѣтенія. Ктитору принадлежатъ права и обязанности церковнаго благоустройства: право представленія епископу для назначенія и посвя-

---

[1]) См. только *три* примѣра, подобранныхъ Чишманомъ, стр. 43, примѣчаніе 4.

щенія лицъ на службу церкви, т. е. священнослужителей и монастырскихъ властей, и принятія новыхъ лицъ въ монастыри, право дисциплинарнаго суда надъ монашествующими (вмѣстѣ съ настоятелемъ), право изданія новаго устава для монастыря. 5, Но для нашей цѣли гораздо важнѣе опредѣлить, какъ комбинировались права на церковныя имущества между церковною властію и ктиторами. Самый актъ пожертвованія имущества церкви ктиторомъ совершается посредствомъ грамоты, въ которой основатель заявляетъ, что онъ посвящаетъ Богу такое-то имущество, подъ угрозою небесныхъ и земныхъ каръ за нарушеніе. Актъ отреченія отъ правъ на имущество хранителя въ архивахъ или патріархата и епископіи, или монастыря; иногда такая грамота сопровождается утвердительною грамотою церковной или свѣтской власти. Этимъ совершается полное отчужденіе права собственности на жертвуемое имущество со стороны прежняго собственника, т. е. ктитора. Такимъ образомъ совершенно опредѣленно субъектъ правъ переносится на церковь и самое имущество получаетъ иной характеръ, именно исключается изъ гражданскаго оборота и становится неотчуждаемымъ. Однако и за ктиторомъ (жертвователемъ) удерживаются нѣкоторыя права [1]. Отношенія правъ ктитора и церкви на такія имущества стараются уяснить слѣдующими аналогическими терминами: ктиторъ является опекуномъ, а церковная власть становится domini loco [2]). Въ церковныхъ актахъ роль ктитора опредѣляется иногда терминомъ οἰκονόμος. Мѣстный епископъ контролируетъ дѣйствія ктитора, утверждаетъ переходъ права ктиторства къ другимъ лицамъ, разсматриваетъ отчеты, которые ктиторъ обязанъ представлять ему; епископъ можетъ

---

[1]) Чишманъ (стр. 35) говоритъ, что за ктиторомъ остается право *собственности* (das Eigenthum) на учрежденіе и его имущество (?); но почему-же? Только потому, что „епископъ не можетъ ни отнять у него это имущество, ни обратить его къ другой церковной цѣли“. Но и ктиторъ не имѣетъ никакихъ правъ распоряжаться церковными имуществами, а только право управленія и то подъ надзоромъ епископа.

[2]) Ibid.

даже, въ случаѣ злоупотребленій или неспособности ктитора, отнять у него право на ктиторство и передать другому [1]). Словомъ если уже говорить о правѣ собственности на церковныя имущества, то собственникомъ (въ точномъ смыслѣ) является мѣстная церковная власть (епископъ).

Какъ участвуетъ въ этомъ правѣ отдѣльное (одаряемое) учрежденіе (церковь, монастырь), является-ли и оно носителемъ какой-либо части правъ, каноны восточной церкви не уясняютъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. при отчужденіи монастырскихъ имуществъ) представители учрежденія призываются къ участію въ дѣлѣ.

Вотъ существенныя черты ктиторства; оно есть исключительно явленіе церковнаго права, лишь отчасти соприкасающееся съ правомъ гражданскимъ и не имѣющее никакого отношенія къ государственному праву, что̀ (какъ увидимъ) несомнѣнно и въ высшей степени присутствуетъ въ правѣ поданія.

Такъ стояло дѣло въ древне-византійскомъ церковномъ правѣ. Не такъ устраивалось оно у новыхъ европейскихъ народовъ по принятіи ими христіанства. Византійское право, опиравшееся на начала древне-римскаго права, твердо и ясно признавало независимость частныхъ отношеній отъ государства. Новые народы Европы внесли въ область правовыхъ отношеній свой взглядъ, свойственный всѣмъ примитивнымъ обществамъ (въ томъ числѣ и римскому въ древнѣйшія времена), именно начало подчиненія правъ частныхъ лицъ и корпорацій государству. Нужно было пройти многимъ вѣкамъ непрерывныхъ усилій цивилизаціи, что-бы достигнуть нынѣшняго признанія за частными лицами и учрежденіями такого-же полноправія въ своей сферѣ, какимъ обладаетъ и государство. Но въ началѣ т. н. среднихъ вѣковъ, у новоевропейскихъ народовъ вообще, т. е. какъ германцевъ, такъ и славянъ, была сильнѣйшая тенденція подчинить частныя имущественныя права, въ томъ числѣ и церковныя, вліянію государства.

[1]) Ibid, стр. 40—41.

Однако вскорѣ обнаружилась великая разница въ этомъ отношеніи между западною и восточною Европою, что̀ и приготовило разрывъ между католическою и православною церковію. Римская церковь, достигнувъ экстерриторіальности (чрезъ утвержденіе свѣтской власти папъ), заставила какъ мѣстныя государства, такъ и имперію уважать свои права и даже преклоняться предъ ними. А потому исторія древняго ктиторства получила здѣсь совершенно иной ходъ, чѣмъ у восточныхъ славянскихъ народовъ. Сначала и здѣсь церковныя власти и учрежденія получали отъ государства какъ должности, такъ и имущества въ видѣ лена; не основатели церквей и монастырей и не самая церковь были правомочными ктиторами, а государство. Но со времени знаменитой борьбы папства и имперіи, именно главнымъ образомъ за инвеституру, дѣло совершенно измѣнилось: между церковію и государствомъ въ половинѣ XII в. установились отношенія на основаніи т. н. *jus patronatûs*, т. е. покровительства церкви со стороны государства и феодальныхъ владѣльцевъ безъ всякихъ правъ послѣднихъ надъ первою. Jus patronatûs, по мнѣнію канонистовъ не имѣетъ ничего общаго съ ктиторствомъ [1]). Государство и патроны обязаны защищать права церкви и только. Разумѣется, эта защита иногда подавала поводъ къ нѣкоторому вмѣшательству государства и феодаловъ въ церковныя отношенія и между прочимъ—имущественныя, но далеко не въ такой степени, какъ въ восточномъ славянскомъ мірѣ.

Православная церковь у новыхъ народовъ вездѣ явилась церковію національною; ея предѣлы и судьбы всегда сообразовались съ предѣлами и судьбою даннаго государства. Идея „вселенской" власти нечуждая Константинополю такъ же, какъ и Риму, не привилась, однако, къ новымъ народамъ, населяющимъ востокъ Европы, въ томъ числѣ и славянамъ. Въ каждомъ государствѣ церковь стремилась къ автокефальности и достигала ея. Зато, въ замѣнъ зависимо-

---

[1]) Чишманъ, l. c.

сти отъ вселенскаго центра церкви, каждая мѣстная церковь вступала въ зависимость отъ своего государства и мѣстнаго общества. Въ Московскомъ государствѣ по тѣмъ-же причинамъ являются наиболѣе суровыя послѣдствія (строгой опеки государства надъ церковію и ея имуществами, а затѣмъ попытокъ секулязаціи ихъ). Зависимость церковныхъ имуществъ отъ власти государства въ Москвѣ не имѣетъ никакого отношенія къ ктиторскому (византійскому) праву; она истекаетъ не изъ частныхъ отношеній ктитора къ имуществу, пожертвованному имъ, а изъ государственныхъ началъ, т. е. изъ первобытнаго вмѣшательства государства въ отношенія къ правамъ землевладѣнія лицъ вообще и юридическихъ въ особенности. Этимъ объясняется та особенность Московскаго права, по которой, ктиторство въ византійскомъ смыслѣ здѣсь *вовсе не существуетъ*, нѣтъ никакихъ указаній, что-бы церкви и монастыри имѣли надъ собою какихъ-либо попечителей и правителей изъ лицъ свѣтскихъ. Основатели учрежденій—частныя лица совсѣмъ не имѣли тѣхъ преимуществъ, какія были усвоены византійскимъ правомъ: нѣтъ никакихъ указаній, что-бы они надзирали за употребленіемъ имущества, пожертвованнаго ими, или пожалованнаго имъ, что-бы они участвовали въ выборѣ лицъ, управляющихъ этими имуществами, чтобы они издавали уставы для такихъ учрежденій и т. д.

Иныя отношенія установились въ западно-русской церкви, подъ именемъ *права подаванья*, оно совмѣстило въ себѣ черты византійскаго ктиторскаго права со свойствами права ново-европейскихъ народовъ и въ томъ числѣ западнаго jus patronatûs. Согласно съ византійскимъ ктиторствомъ здѣсь строятся нѣкоторыя отношенія частнаго патрона („подавцы“) къ церковному учрежденію и его имуществу; по ново-европейскому праву образуются отношенія церковныхъ учрежденій къ государству (верховной власти и подчиненнымъ органамъ, въ особенности относительно основныхъ источниковъ *права* поданья).

Черты права поданья могутъ быть изложены преимущественно по показаніямъ частныхъ актовъ и вообще фактическихъ матеріаловъ, ибо въ общемъ законѣ объ этомъ институтѣ не находимъ почти ничего. Лишь въ отдѣльныхъ законодательныхъ актахъ можно найти и собрать нѣкоторыя, хотя и скудныя и неясныя черты.

Таковыми актами были: грамота в. кн. Александра 1499 г., данная по ходатайству митр. Іосифа, постановленіе Виленскаго православнаго собора 1509 г., бывшаго подъ предсѣдательствомъ м. Іосифа Солтана; грамота кор. Сигизмунда I, 1511 года, подтверждающая постановленія упомянутаго собора; законъ 1568 г. объ обязанности для свѣтскихъ лицъ, получившихъ епископію, или настоятельство принимать духовный санъ; законъ статута 1588, Разд. I арт. 20 о процессуальныхъ особенностяхъ дѣлъ по церковнымъ имуществамъ и объ участіи въ нихъ патроновъ; законъ 1607 г. о лицахъ, которымъ король можетъ дать высшія духовныя должности, и нѣкоторыя другія.

Не ограничиваясь этимъ скуднымъ законодательнымъ матеріаломъ, мы попытаемся (какъ сказано) изложить природу права поданья на основаніи актуальнаго матеріала, конечно главнымъ образомъ относящагося къ юго-западной Россіи (хотя во многихъ случаяхъ намъ придется прибѣгать къ явленіямъ сѣверо-западнаго края Литовскаго государства, при отсутствіи прямыхъ данныхъ для юго-запада). При этомъ имѣемъ въ виду два главныхъ вопроса: 1, объ источникахъ права поданья и 2, о правахъ подавцы (патрона) по отношенію къ церковному учрежденію, находящемуся подъ его властію.

Источники и субъекты права поданья. Отчасти изъ упомянутыхъ законодательныхъ актовъ, отчасти при помощи бытовыхъ матеріаловъ можемъ представить слѣдующіе выводы объ источникахъ этого права.

Право поданья принадлежитъ въ первоначальномъ источникѣ своемъ *государственной власти,* именно прежде всего и болѣе всего *правящему монарху* (ибо отвлеченное понятіе го-

сударственной власти, тогда было еще неясно), но затѣмъ и другимъ органамъ государства, дѣйствующимъ какъ по волѣ вел. князя, такъ и самостоятельно.

Отсюда происходитъ то явленіе, очень важное для Литовскаго государства, что главнымъ источникомъ поданія церковныхъ имуществъ православной церкви, вопреки кононическимъ постановленіямъ о ктиторствѣ византійскаго права, былъ король *(великій князь)—католикъ*, между тѣмъ какъ мы увидимъ, что съ этимъ правомъ соединялись функціи, весьма близкія къ церковно-религіознымъ вопросамъ (право назначенія или утвержденія церковныхъ властей, право изданія уставовъ и заботы о внѣшнемъ благоустройствѣ церковной жизни). Впрочемъ, въ противоположность Московскому, Литовское государство не было теократическимъ и не принимало на себя задачъ непосредственно религіозныхъ (вѣроисповѣдныхъ). Извѣстныя мѣры кор. Ягайла и политика Сигизмунда Кейстутьевича, составляющія исключенія изъ этого, отразились только на Литвѣ въ собств. смыслѣ (гл. обр. Жмуди). Жалобы на притѣсненія вѣры, которыя слышались иногда при Казимирѣ и Александрѣ, вызывались скорѣе политикою, чѣмъ религіею. Во всякомъ случаѣ на юго-западной половинѣ государства, ни въ XV, ни въ XVI в. мѣры окатоличенія не отразились ни въ чемъ. Лишь послѣ Люблинской уніи, когда кромѣ общаго для Польши и Литвы короля-католика, установлены и всѣ прочіе органы высшаго управленія также общіе (съ преобладаніемъ въ нихъ польскихъ-католическихъ элементовъ), каковы сенатъ, сеймъ и трибуналъ, началось вмѣшательство свѣтской власти въ чисто религіозныя дѣла православнаго населенія (Брестская унія). До того-же времени право велико-княжескаго подаванья ограничивалось имущественными интересами, т. е. вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла церковныя исходило главнымъ образомъ изъ права надзора и распоряженія церковными имуществами. Такимъ образомъ до полной уніи западной Руси съ Польшею, вмѣшательство вел. князей-католиковъ въ дѣла православной церкви, не отражаясь на религіозныхъ

вопросахъ (вѣроисповѣдныхъ), оказывалось вреднымъ лишь по отношенію къ внѣшнему церковному устройству, какъ увидимъ ниже при изложеніи отдѣльныхъ проявленій великокняжескаго права поданья.

Происхожденіе этого права, несомнѣнно, относится не къ католическимъ преданіямъ, а древне-русскимъ.

И въ древней Руси князья, признавая своимъ правомъ и долгомъ снабжать церкви имуществами, заботились объ охранѣ этихъ имуществъ отъ стороннихъ посягательствъ [1]). Таже задача перешла и къ в. к. Литовскимъ, изъ которыхъ

---

[1]) Существенныя черты права подаванья (какъ увидимъ ниже) состоятъ: въ правѣ патрона давать уставы церковнымъ учрежденіямъ, т. е. опредѣлять ихъ составъ и компетенцію, въ правѣ назначать (рекомендовать) для посвященія представителей учрежденія (епископовъ, игуменовъ, священниковъ), въ правѣ надзирать за цѣлостью и употребленіемъ имуществъ церкви. Всѣ эти черты права поданья наблюдаются, и притомъ съ особенною рельефностью, въ древней (вѣчевой) Руси: церковные уставы, изданные древними князьями и дошедшіе до насъ изъ той эпохи, въ основѣ своей несомнѣнно относятся къ ней; въ нихъ затрогиваются вопросы церковнаго управленія и суда. Что касается до назначенія церковныхъ властей и настоятелей, то извѣстны выраженія первоначальной лѣтописи, что Владиміръ св., создавъ церковь Пресв. Богородицы, „поручи ю Настасу Корсунянину", что Ярославъ „церкви ставилъ по городамъ и по мѣстамъ, поставляя попы", что онъ „поставилъ Ларіона митрополитомъ-русина, собравъ епископы", что Изяславъ Мстиславичъ „постави митр. Клима,.. особь съ 6 епископы". Извѣстно также сверженіе Феодора еп. Суздальскаго Андреемъ Боголюбскимъ, а еп. Черниговскаго Антонія-княземъ Святославомъ. Государственная власть въ земскій періодъ принадлежала не одному князю, но и вѣчу и бояр. думѣ. Всѣмъ извѣстно избраніе владыкъ Новгородскихъ вѣчемъ и низложеніе ихъ. Подобное-же право принадлежало мѣстнымъ князьямъ, каждому въ своей волости: Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ въ своей уставной грам. 1150 г. пишетъ: „приведохъ епископа Смоленску, сдумавъ съ людми своими". Нѣтъ, никакого сомнѣнія, что порядки Москов. государства, гдѣ вел. князья избирали митрополитовъ и епископовъ, иногда вовсе безъ собора, очевидно унаслѣдованы отъ древне-русской церкви.—Относительно правъ церковно-имущественныхъ Литовская эпоха не представляетъ также никакой разницы отъ древне-русской: будучи покровителями (патронами) церкви и снабжая ее имуществами, древніе князья признавали своимъ правомъ и обязанностію наблюдать за цѣлостію этихъ имуществъ и цѣлесообразнымъ ихъ употребленіемъ: „се уставляю епископью (говоритъ Ростиславъ), о немъ-же епископу быти живу и съ клиросомъ своимъ, а кто разрушитъ сію епископію Смоленскую, то, князь отниметъ свое опять".

многіе въ началѣ исповѣдовали православную вѣру, а равно къ потомкамъ ихъ—такимъ князьямъ русскихъ земель, каковы были Олельковичи Кіевскіе.

Что право поданья въ Литовско-русскомъ государствѣ въ первоначальномъ источникѣ своемъ принадлежитъ вел. князю (и отъ него изливается потомъ на другія лица), это подтверждается слѣд. принципіальными выраженіями законодательныхъ и другихъ актовъ: въ концѣ XVI в., когда непосредственное право вел. князя было уже очень ограничено, тѣмъ не менѣе вел. князь и король Сигизмундъ III, въ жалов. грамотѣ православному духовенству объ уравненіи его правъ съ католическимъ духовенствомъ, отказываясь отъ вмѣшательства въ распоряженіе церковными имѣніями по смерти митрополита, епископовъ или архимандритовъ, пишетъ: „будучи *фундаторомъ и наивысшимъ обороицею церквей Божіихъ и поданья ихъ*... то имъ надаемъ и симъ листомъ привилемъ нашимъ на вси потомные часы вечне варуемъ [1])...

Вел. князь есть постоянный опекунъ—tutor и protector всѣхъ церковныхъ учрежденій: въ 1574 г. владыка Луцкій Іона просилъ кор. Генриха дозволить ему промѣнять церковное имѣніе Харлупъ на имѣніе Радивила—Фалимичи; при этомъ онъ обращается къ королю не какъ къ главѣ государства, имѣющему право утверждать всякія сдѣлки, но какъ къ „*подавцу, фундатору и обороицу хлѣбовъ духовныхъ*“. Разрѣшая эту сдѣлку, король въ своей грамотѣ, такъ опредѣляетъ свое право: дозволяю мѣну *зъ звирхности нашое господарское, яко будучи подавцою и обороицою ку церкви Божое* владычества Луцкаго [2]). Здѣсь право подавцы—вел. князя на всѣ имущества владычества (не только Луцкаго, но и всякаго) признается истекающимъ изъ верховенства („звирхности“) государственнаго. Оно не лично принадлежитъ Сигизмунду или Александру и не фамиліи Ягеллоновъ, а всякому вел. князю и королю наслѣдственному или *избранному*. (Генриху, Стефану и пр.)

[1]) Арх. юго-зап. Росс. ч. I, т. I. № 58.

[2]) Кіев. Центр. Арх. № 2048, л. 311 на об.

Принадлежность права поданья в. князю на всѣ церковныя учрежденія и имущества (если оно еще не отчуждено имъ) доказывается далѣе тѣмъ, что всякое церковное учрежденіе, еще не попавшее въ частное патронатство, считалось находящимся подъ поданіемъ вел. князя, и могло быть передано имъ всякому другому лицу навсегда, или на срокъ. Въ 1510 г. королева Елена Ивановна просила кор. Сигизмунда дать виленскій монастырь св. Троицы въ ея поданье до ея смерти. Король, исполняя желаніе королевы, опредѣляетъ право поданья такъ: „можетъ ея милость избирать архимандрита въ тотъ монастырь, а намъ (в. князю) и митрополиту въ то не вступаться. По смерти ея тотъ монастырь и поданье будетъ находиться въ волѣ нашей и наслѣдниковъ нашихъ“ [1]). Ни откуда не видно, чтобы король Сигизмундъ, или его предки, пріобрѣли какимъ либо спеціальнымъ способомъ право поданья надъ Троицкимъ монастыремъ. Король, передавая частному лицу свое право, можетъ ограничить его какими угодно условіями, или дать безусловно. Въ 1520 г. староста Городенскій Юрій Николаевичъ Радивилъ просилъ у короля русской церкви въ Городенскомъ повѣтѣ св. Спаса „къ *имѣнію* своему Котрѣ“, король пожаловалъ ему эту церковь съ ея землями къ упомянутому имѣнію и далъ ему „въ поданье [2]). Въ 1522 г. панъ Федко Хребтовичъ просилъ короля дать ему Лаврашевскій монастырь „въ опеку, оборону и поданье“; король далъ съ условіемъ, что наличный архимандритъ не можетъ быть смѣщенъ и замѣненъ другимъ волею патрона; новаго архимандрита Хребтовичъ можетъ назначить (подавать) не иначе какъ по выбору старцевъ монастыря [3]). Въ 1523 г. кор. Сигизмундъ, по просьбѣ кн. Вас. Сангушка, даетъ ему право поданья на церковь св. Василія въ гор. Владимірѣ, такъ какъ и владыка Владим. Іона, „того ему дозволилъ“; церковь дается „въ поданье и оборону“, какъ самому кн. Василію, такъ и его женѣ и дѣтямъ вѣчно,

---

[1]) Ак. зап. Рос. II. № 58.

[2]) Ак. зап. Рос. II. № 106.

[3]) Ак. зап. Рос. II. № 117.

хотя при этомъ в. князь оговариваетъ, что патронъ не долженъ имѣть никакихъ выгодъ—„пожитковъ“—отъ той церкви, а только обязанъ снабжать ее всякими вещами и поправлять [1]). Ниже будутъ приведены многочисленные факты относительно назначенія вел. княземъ настоятелей монастырей (печерскихъ архимандритовъ и другихъ), что́ означаетъ „поданье“ въ тѣсномъ и точномъ смыслѣ, ибо „подавать“ означаетъ прежде всего назначить (давать) представителя монастыря или церкви. Ниоткуда не видно, чтобы вел. князь (тотъ или другой) пріобрѣлъ для себя, или получилъ по праву преемства такое право на Печерскій (и всякій другой) монастырь.

Тоже, въ степени высшей и болѣе ясной, обнаруживается въ правѣ вел. князя назначать митрополита и владыкъ съ передачею имъ хлѣба духовнаго, о чемъ скажемъ ниже; при этомъ вовсе не можетъ возникнуть предположенія о специальномъ пріобрѣтеніи вел. княземъ права поданья.

Право в. князя на поданье церковныхъ имуществъ выражено весьма рѣшительно повѣреннымъ кн. Конст. Острожскаго въ 1580 г. (на судѣ по поводу отобранія княземъ Жидичинскаго монастыря у Іоны Крас-го) слѣд. обр. „жалоба пана владычина ни о што́ иншого не стегается и не есть, одно *о добра его кролевской милости*, т. е. о монастырь и имѣнья церковные, которые нихто иный, одно король его милость, яко *звирхный панъ и подавца всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ* подавати (можетъ) егожъ королевская милость, *яко о свои власные добра*, за мандаты своими господарскими и судити, якъ того ясная въ статутѣ наука есть“ [2]). Считаемъ пока достаточными эти указанія, ссылаясь на многіе факты, которые будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ о власти вел. князя по отношенію къ монастырямъ и епископіямъ.

Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ той-же мысли служитъ участіе въ правѣ поданья *подчиненныхъ органовъ государственнаго управленія*, не въ слѣдствіе особой делегаціи имъ этого

[1]) Ак. зап. Рос. II. № 124.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, стр. 146—147.

права со стороны вел. князя, а именно по ихъ положенію въ государствѣ и общей государственной власти, ввѣренной имъ государемъ.

Такъ провинціальные правители—*намѣстники, воеводы* и *старосты* осуществляли велико-княжеское право поданья въ округахъ, управляемыхъ ими, даже относительно важнѣйшихъ церковныхъ учрежденій. Когда въ 70-хъ годахъ XVI в. король передалъ Дерманскій монастырь (уступленный игуменомъ Федоромъ Яновичемъ), зем. Михаилу Дчусѣ, то при этомъ въ грам. употреблены слѣд. выраженія: чтобы тотъ монастырь „находился подъ опекою и обороною державца нашего Острожскаго, такъ какъ изъ стародавна монастырь Дерманскій былъ *подъ обороною и подаваньемъ замка нашего Острожскаго*[1]). Провинціальные представители велико-княжской власти часто и злоупотребляли правомъ поданья и распоряжались дѣлами церковныхъ учрежденій ко вреду этихъ послѣднихъ: въ 1543 г. возникло дѣло о растратѣ документовъ на имѣнія, принадлежавшія Михайловскому Златоверхому монастырю. Виновниками утраты оказались воеводы Кіевскіе, которые забрали къ себѣ монастырскіе документы. Именно въ жалобѣ игумена Филарета вел. князю излагаются слѣд. обстоятельства. Воевода Андрей Немировичъ забралъ къ себѣ привилегію, которою была утверждена купчая игумена Макарія у армянина на двѣ службы людей на Припети; по смерти Немировича, какой-то Станиславъ Довойно захватилъ этотъ документъ и передалъ его наслѣдникамъ продавца—армянина, а эти послѣдніе начали процессъ съ монастыремъ. Однако у монастыря были еще цѣлы другіе документы, именно подлинная купчая запись игумена Макарія на упомянутыя имѣнія. Процессъ шелъ при игуменѣ Герасимѣ. По смерти Герасима справца (замѣститель) воеводства Кіевскаго князь Андрей Кошерскій отдалъ Михайловскій монастырь нѣкоему Подоприсвѣту—игумену; а этотъ послѣдній, проживши въ монастырѣ съ полгода, скрылся, забравши всѣ

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 11.

документы монастыря, и въ томъ числѣ упомяную купчую. По жалобѣ монастыря, король возстановилъ силу утраченныхъ документовъ [1]). Въ этомъ дѣлѣ особенно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, относительно Михайловскаго монастыря, что король, въ своей привилегіи игумену Макарію—возстановителю монастыря, именно заявилъ (какъ скажемъ ниже), что право поданья на этотъ монастырь онъ король исключительно и непосредственно будетъ упражнять самъ, безъ всякаго участія воеводы и митрополита. Между тѣмъ кн. Кошерскій отдалъ монастырь „нѣкоему Подоприсвѣту" безъ всякаго участія вел. князя, очевидно руководясь привычными старыми традиціями.

На злоупотребленія замѣстителей власти в. князя (воеводъ, намѣстниковъ, старостъ) великокняжескимъ правомъ поданья, обиженныя церковныя учрежденія обращались съ жалобами къ в. князю и получали иногда отъ него „уставы" (жалованныя грамоты), которыми опредѣлялась точнѣе власть мѣстныхъ правителей. Въ 1522 г. печерскіе монахи обратились къ кор. Сигизмунду съ просьбою, въ слѣдствіе разоренія обители и Кіева татарами и въ слѣдствіе происшедшаго оттого оскудѣнія и разстройства монастыря,—установить у нихъ общину (согласно съ постановленіями православной церкви). Само собою разумѣется, что какъ просьба монастыря, такъ и распоряженіе в. князя опредѣлялись его правами, какъ патрона. Но надъ Печерскимъ монастыремъ были другіе низшіе органы патроната, мѣстные воеводы, противъ которыхъ тогда-же монахи занесли жалобу, что они (воеводы), когда архимандритъ умретъ, а другой еще не назначенъ вел. княземъ, берутъ монастырь въ свое управленіе и забираютъ себѣ не только имущество умершаго архимандрита и предметы продовольствія („стравныя рѣчи"), но и книги, „зброи" и другія церковныя вещи къ пущему обнищанію монастыря. Король рѣшилъ, что впредь по смерти архимандрита монастырь поступаетъ въ управленіе самихъ монаховъ,

---

[1]) Ак, з. Р. II. № 228.

которые берутъ и имущество умершаго. Затѣмъ кандидатъ на архимандрію избирается старцами монастыря и князьями, панами и земянами Кіевской земли; король утверждаетъ избраннаго, получая за то лишь челобитья пятьдесятъ золотыхъ; король обязывается не давать архимандріи никому иному, хотя-бы этотъ иной предложилъ ему больше „челобитья". Затѣмъ монастырь жаловался, что Кіевскіе воеводы часто заѣзжаютъ въ монастырь (нѣсколько десятковъ разъ въ годъ) и каждый разъ архимандритъ и старцы должны ихъ чествовать и подносить подарки. Король постановилъ, что воеводы могутъ пріѣзжать только разъ или два въ годъ въ торжественные праздники и при томъ, когда сами монахи позовутъ, при чемъ они обязаны угощать только самого одного воеводу, но никакихъ подарковъ подносить не обязаны. Остальные пункты просьбы Печерскаго монастыря (относительно „подниманья" пословъ татарскихъ, отправленія военной службы—только съ 10 челов., удаленія корчемъ великокняжескихъ и частныхъ отъ монастыря) также удовлетворены в. княземъ[1]). Какъ видно изъ одного приведеннаго сейчасъ пункта жалобы, участіе намѣстниковъ вел. князя и старостъ въ правѣ поданья обнаруживается особенно ярко въ періоды вакансій церковныхъ должностей, по смерти владыки или архимандрита до назначенія новаго лица. Въ такіе промежутки имущество церкви или монастыря и ихъ акты поступали въ распоряженіе провинціальныхъ властей. Само собою разумѣется, что это могло подавать поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ[2]), но самое право намѣстни-

[1]) Ак. зап. Рос. II. № 112.

[2]) „Какъ только (говоритъ Н. Д. Иванишевъ) умиралъ епископъ, тотчасъ королевскіе сановники брали въ свое завѣдываніе церковное имущество, грабили церковную казну, забирали или уничтожали жалованныя грамоты и фундушевые листы, даже выскабливали фундушевыя записи, которыя, по тогдашнему обычаю, записывались въ напрестольныя евангелія. Новый епископъ всегда находилъ свою епископію ограбленною" (Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, стр. XVII—XVIII). Повидимому, почтенный ученый полагалъ, что участіе въ этомъ дѣлѣ свѣтскихъ властей есть вообще злоупотребленіе. Но такъ думать было-бы весьма ошибочно.

ковъ отнюдь не есть злоупотребленіе. Такая власть намѣстниковъ отмѣнена въ первый разъ грамотою кор. Сигизмунда I 1589 года, по которой, по смерти епископа въ права временнаго управленія вступало соборное духовенство, а не свѣтскія власти; впрочемъ едвали это королевское распоряженіе вошло тогда-же въ жизнь. Соборяне сами прибѣгали къ содѣйствію свѣтской (старостинской) власти, для обезпеченія выморочныхъ имуществъ епископіи, такъ какъ всегда являлись претензіи наслѣдниковъ умершаго владыки; такъ по смерти Мелетія Хребтовича, вся капитула главной церкви соборной Владимірской, именно: протопопъ Дмитръ церкви св. Прокофія, Максимъ Епимаховичъ ц. св. Іоанна, Мануилъ тоже, Есипъ ц. св. Николая, Матвѣй ц. Апостоловъ, Иларіонъ ц. Федоровской, Данило ц. Пятницкой, Иванъ дьяконъ и Михайло дьяконъ, обратились къ подстаростѣ Фед. Загоровскому и при его содѣйствіи произвели опись и опечатали оставшееся послѣ владыки имущество, какъ въ Луцкѣ, такъ въ фольваркахъ. Наслѣдники протестовали противъ этого акта, какъ незаконнаго завладѣнія, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ это было вполнѣ законная и формальная мѣра [1]).

До 1589 г. право намѣстниковъ и старостъ вступать въ управленіе церковными имуществами по смерти владыки или настоятеля монастыря было вполнѣ признаннымъ и законнымъ: когда въ Луцкѣ умеръ владыка Іона Борзобогатый Крассенскій, а на мѣсто его назначенъ былъ Кириллъ Терлецкій, то король выслалъ своего коморника ввести во владѣніе епископіею новаго владыку; первымъ дѣйствіемъ королевскаго чиновника было слѣдующее: „напродъ шолъ есми до его м. кн. Александра Пронскаго, стольника его кор. м. вел. княжества Литовскаго, старосты Луцкого, и подаломъ его м. листъ господарскии отвороный подъ печатью и съ подписомъ руки королевское его м., *о поступене тое епископии Луцкое* и всѣхъ добръ и именей, къ ней належачихъ“ [2]).

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, стр. 339—340.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 45.

Иногда вел. князь специально оговаривается, что право поданья на то или другое учреждение принадлежитъ исключительно ему непосредственно и не подчиняется вѣдомству провинциальныхъ властей. Такъ въ 1523 г. двое Кiевлянъ вошли къ королю Сигизмунду съ ходатайствомъ о дозволенiи имъ возобновить два монастыря, а именно: игуменъ Михаилъ Щербина о возобновленiи Межигорскаго монастыря, запустѣвшаго со временъ татарскихъ, а игуменъ Макарiй—о возобновленiи Златоверхаго Михайловскаго монастыря. Оба просили дозволить устройство общины въ этихъ монастыряхъ. Король, давая такое дозволенiе обоимъ, прибавляетъ, что по устройствѣ обоихъ монастырей, ни воевода, ни митрополитъ и никто изъ подданныхъ вел. князя не можетъ пользоваться въ нихъ правомъ поданья, которое будетъ принадлежать самому вел. князю. Какъ на особенную причину такого условiя, указывается то обстоятельство, что обѣ эти обители запустѣли давно „отъ вынятя Кiевскаго" [1]). Для Межигорскаго монастыря при этомъ опредѣляются границы земельныхъ владѣнiй въ окрестностяхъ Кiева, „яко ся тотъ монастырь *издавна маетъ*".

Въ удѣльное время, когда государственная власть еще дробилась между мелкими князьями, вопросъ о первоисточникѣ права поданья разрѣшается довольно смутно: тѣмъ не менѣе рѣшенiе его служитъ цѣннымъ показателемъ о принадлежности права поданья государственной власти, какъ главному источнику этого права. *Удѣльные князья*, на основанiи прежнихъ правъ, которыми обладали они въ качествѣ владѣтельныхъ, претендовали иногда на патронатство надъ цѣлою епископiею, бывшею въ ихъ удѣлѣ; но вел. князь, руководясь новыми единодержавными принципами, отстранялъ такiя претензiи и ясно установилъ принципъ о принадлежности всѣхъ епископiй праву поданья вел. князя. Съ этимъ согласовались и интересы мѣстныхъ владыкъ, не желавшихъ подчиняться своимъ мелкимъ державцамъ. Примѣ-

---

[1]) Ак. зап. Рос. II, №№ 121 и 122.

ромъ можетъ служить бывшее княжество Туровское и Пинское, гдѣ велась длинная тяжба между князьями Ярославичами и потомъ Острожскими съ одной стороны и владыками Туровскими и Пинскими—съ другой при вел. князьяхъ Александрѣ, Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ. Такъ владыка Туровскій и Пинскій Вассіанъ велъ тяжбу предъ вел. княземъ Александромъ съ кн. Иваномъ Ярославичемъ и Федоромъ Ивановичемъ, о томъ, что князья начали было вводить „новины" (по мнѣнію владыки), именно: основывать новыя церкви въ городахъ и селахъ безъ воли и благословенія владыки, поставлять для этихъ церквей поповъ, управлять ими, отнимая ихъ отъ послушанія владыкѣ. Великій князь Александръ присудилъ отдать такія церкви и поповъ подъ власть владыки. Если-бы притязанія удѣльныхъ князей были дѣйствительно новиною, то откуда-же взялись эти притязанія? Болѣе правильный отвѣтъ дается по сличенію со слѣдующею частью того-же велико-княжескаго указа, а именно: простые землевладѣльцы—князья и бояре начали также, безъ воли владыки, строить въ своихъ имѣніяхъ церкви и распоряжаться попами, помимо воли владыки. Вел. князь и это призналъ неправильнымъ, а кор. Сигизмундъ подтвердилъ грамоту своего брата [1]). Очевидно, что удѣльные князья такъ-же разсматривали свое право на всю территорію, какъ частные владѣльцы на свои имѣнія. Въ 1538 г. вел. кн. Сигизмундъ I писалъ княгинѣ Александрѣ—вдовѣ кн. Кон. Ив. Острожскаго, чтобы она не вмѣшивилась въ доходы владычества Туровскаго и Пинскаго; въ 1539 г. тотъ-же великій князь писалъ князю Ильѣ Острожскому, что-бы пошлины за разводъ („роспущанки") и „купицы змирскія" выдаваемы были владыкѣ. Наконецъ Сигизмундъ-Августъ въ 1549 г. далъ предписаніе княгинѣ Александрѣ Острожской, что-бы она не вмѣшивалась въ волости и села владычнія и въ доходы съ нихъ, присовокупляя: „если князь—мужъ твой и выслужилъ замокъ Туровъ на отцѣ нашемъ,

---

[1]) Ак. зап. Рос. II, № 109.

то *епископія Туровская съ давнихъ временъ есть подаванье наше господарское*, а ты до нея не имѣешь никакого права“ [1]).

Намѣстники удѣльныхъ князей иногда совсѣмъ сводили право подаванья на полное управленіе церковными учрежденіями, даже въ чисто духовныхъ функціяхъ; въ 1544 г. вел. кн. Сигизмундъ, по жалобѣ митрополита Макарія, пишетъ княгинѣ Еленѣ Слуцкой, что намѣстники ея Слуцкій и Копыльскій поповъ судятъ, сажаютъ въ замковую тюрьму, берутъ съ нихъ штрафы, даютъ разводы мужьямъ съ женами. Король воспрещаетъ это [2]).

Во время отсутствія вел. князя изъ Литвы, когда дѣлами государства управляла *Рада*, то ей-же принадлежала власть, истекающая изъ права поданья; напр. въ 1576 г., когда король Ст. Баторій былъ въ Польшѣ, то на вакантную кафедру Пинскаго владычества назначенъ протопопъ Пинскій Кириллъ Семеновичъ Терлецкій („панове рады наши... *зъ мѣстцъ своихъ сенаторскихъ* въ моцъ, владность и уживанье подали“). Король потомъ утвердилъ это распоряженіе [3]). Въ томъ-же 1576 г. умеръ Полоцкій архіепископъ Варсонофій Валахъ. Въ то время король (Стефанъ Баторій) былъ (какъ сказано) въ Польшѣ и мѣстными дѣлами въ Литвѣ управляла Рада. Тогда „ихъ мил. панове—рады наши (говоритъ король) вел. княжества Литовскаго, заботясь о томъ, что-бы въ оной архіепископіи и во всѣхъ церквахъ ея хвала Божія не прекращалась, но что-бы всегда исправляема была согласно съ закономъ греческимъ, нашли годнымъ на эту столицу духовную зелянина повѣту Ошменскаго—протопопа Марковскаго Ѳеофана-Богдана Рпинскаго и дали, *по праву своему сенаторскому*, ему эту архіепископію со всѣми монастырями и церквами, имѣніями, фольварками, селами, во всѣхъ парафіяхъ (приходахъ) той архіепископіи“, вручили въ этомъ смыслѣ ему грамоту къ митрополиту Кіевскому Іонѣ, что-бы онъ посвятилъ избраннаго имъ; тому-же митрополиту писалъ о томъ, по

---

[1]) Арх. Сборн. VI, № 92.
[2]) Ак. зап. Рос. II, № 230.
[3]) Ак. зап. Рос. III, № 65.

должности своей маршалковской, Янъ Ходкевичъ—маршалонъ земскій вел. князя Литовскаго. Митрополитъ посвятилъ, а новый владыка вступилъ въ управленіе архіепископіею и ея имуществами, и по пріѣздѣ короля въ Литву, получилъ королевское подтвержденіе [1]).

Когда Рада состояла уже почти вся изъ католиковъ, то дѣло назначенія владыкъ и настоятелей монастырей брали въ свои руки отдѣльные члены Рады изъ православныхъ; такъ, когда по смерти короля Сигизмунда-Августа наступило междуцарствіе, а между тѣмъ должность настоятеля монастыря св. Спаса въ Могилевѣ оставалась вакантною, то Янъ Ходкевичъ, каштелянъ Виленскій „съ волею и вѣдомостію нѣкоторыхъ пановъ радъ вел. княжества Литовскаго, тую церковь и монастырь владыцѣ Полоцкому далъ, со всимъ доходомъ и паданьемъ церковнымъ". Между тѣмъ право подаванья этого монастыря принадлежало вел. князю, который потомъ, въ 1578 г., утвердилъ распоряженіе Ходкевича [2]).

Указанныхъ фактовъ достаточно для утвержденія мысли, что первоисточникъ права поданья, вопреки характеру византійскаго ктиторства, есть не частное право основателей извѣстныхъ монастырей и церквей, а право государя, какъ носителя верховной власти государства, и затѣмъ подчиненныхъ ему органовъ. Изъ него истекаютъ потомъ права частныхъ патроновъ путемъ пожалованій имъ либо самаго права поданья, либо недвижимыхъ имуществъ съ присоединеніемъ и права подаванья церквей и монастырей въ нихъ.

Принципъ велико-княжескаго патронатства надъ церковію постепенно урѣзывался и сокращался въ теченіе XVI и XVII в.в., главнымъ образомъ вслѣдствіе общаго ниспаденія этой власти, особенно послѣ Люблинской уніи; патрональная власть постепенно переходила въ руки другихъ органовъ государства и частныхъ лицъ, что и будетъ нами сейчасъ указано при изложеніи прочихъ субъектовъ патрональной власти и отдѣльныхъ функцій ея.

---

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 75.

[2]) Ак. зап. Рос. III, № 94.

Но не смотря на то, что къ концу XVII в. великокняжеская власть достигла крайней степени ослабленія, идея патронатства ея надъ церковію сохранилась даже до XVIII в.: въ 1701 году король Августъ II, выдавая Почаевскому православному монастырю грамоту, въ которой утверждается право на свободное отправленіе богослуженія, сохраненіе порядковъ прежняго монастырскаго устройства, неприкосновенность имѣній монастыря, такъ опредѣляетъ свое отношеніе къ церковнымъ учрежденіямъ въ цѣломъ государствѣ: *uti supremi locorum, Deo dicatorum, et personarum spiritualium tutores et protectores*[1]).

Идея государственнаго патронатства надъ церковію (особенно при неправильномъ своемъ примѣненіи) могла бы встрѣтить противодѣйствіе и ограниченія со стороны высшихъ представителей церкви, *митрополита и владыкъ* отдѣльныхъ епархій. Примѣръ такого, но очень слабаго, противодѣйствія видимъ въ постановленіяхъ 1509 и 1511 года, когда, между прочимъ было выраженно „если кто-либо, хотя бы самъ господарь, задумаетъ правила собора нарушить, то *воли его исполнять не слѣдуетъ*"; но пассивное сопротивленіе рекомендованное тогда соборомъ, разумѣется не могло привести ни къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ, а равно и угроза отлученія, обращенная къ властямъ—католикамъ, была совсѣмъ безсильна. Въ отдѣльныхъ-же случаяхъ мы видимъ постоянную уступчивость со стороны церковной власти (напр. въ передачѣ Вилен. Троицкаго монастыря подъ поданье королевы Елены). Здѣсь не было почвы для такой борьбы со свѣтскою властію, какъ при извѣстныхъ столкновеніяхъ папъ съ императорами за инвеституру. Епархіальная русская власть иногда именовала себя также патрономъ всѣхъ церквей епархіи, но исторически выроботался modus фактическаго соглашенія правъ митрополита и владыкъ съ общимъ правомъ государственнаго патронатства[2]).

---

[1]) Кіевск. Центр, Арх. кн. № 1609, л.—406.

[2]) Отдѣльныя попытки церковной власти ограничить произволъ вел. князя (и частныхъ патроновъ) будутъ указаны при обозрѣніи спеціальныхъ правъ патрональной власти, на основаніи главн. обр. постановленій собора 1509 года.

Владыки въ своихъ собственныхъ епархіяхъ (а также и въ чужихъ) пріобрѣтали спеціальное право патронатства надъ нѣкоторыми церквами, наравнѣ съ свѣтскими частными владѣльцами.

Общее-же право митрополита и епархіальныхъ владыкъ въ отношеніи ко всѣмъ церквамъ ихъ епархій, въ особенности—городскимъ и въ селахъ коронныхъ, вступало несомнѣнно въ коллизію съ правомъ великокняжескимъ. Соотношеніе правъ этихъ двухъ патрональныхъ властей не можетъ быть представлено съ надлежащею ясностію, ибо и сами того-временные дѣятели не могли точно разграничить эти два права. Позволяемъ себѣ представить примѣръ изъ актовъ Галиціи, на которую всегда простирали свои притязанія Кіевскіе митрополиты и которая, поэтому, не есть ройенъ совершенно сторонній для нашей темы. Въ 1555 г. митроп. Макарій шлетъ такую грамоту Львовскому епископу Арсенію относительно правъ на Уневскій монастырь. „Неоднократно жаловался намъ архимандритъ Уневскаго монастыря Анастасій Радиловскій со всею братіею, что ты, пріѣзжая въ монастырь, причиняешь ему большую тягость и опустошаешь его, забираешь монастырское имущество (статки и живность) и архимандрита вызываешь къ суду короля и польскаго сената, имѣя въ виду принудить его подчиниться твоей власти. А между тѣмъ этотъ монастырь съ древнѣйшихъ временъ („зъ вѣчистыхъ часовъ"), при предшественникахъ нашихъ и при насъ самихъ, находился подъ благословеніемъ нашимъ и подъ властію Кіевской митрополіи; ни одинъ владыка не вступался въ этотъ монастырь и не владѣлъ имъ; онъ есть *подаванье господарское*; воленъ господарь его мил. дать тотъ монастырь кому хочетъ; но этотъ монастырь *благословенья нашего*, а не твоего [1]). Что хотѣлъ выразить митрополитъ такимъ различеніемъ „подаванья" о „благословеніи" и какой характеръ власти соединялъ онъ съ понятіемъ „благословенія", сказать трудно. Судя по поступкамъ еписк. Арсенія, описаннымъ

---

[1]) Ак. зап. Рос. III. № 14.

въ митрополичьей грамотѣ, власть архіерея ничѣмъ не отличалась отъ власти обыкновеннаго подавца: онъ считалъ себя въ правѣ внѣдряться въ монастырь и пользоваться его имуществами. Не смотря на попытку митрополита совмѣстить свое право „благословенія" съ патрональнымъ правомъ вел. князя, этотъ послѣдній вызвалъ его къ своему суду, по жалобѣ еписк. Арсенія. Ниже мы представимъ факты коллизіи митрополичьей и велико-княжеской власти относительно патронатства надъ городскими церквами.

Такимъ образомъ церковная власть въ Литовскомъ государствѣ не въ состояніи была взять въ свои руки дѣло патронатства, или точнѣе отразить право патронатства государственнаго и сдѣлаться исключительнымъ хозяиномъ церковныхъ имуществъ.

Однако торжество государства надъ церковію не есть побѣда власти вел. князя. Было уже замѣчено, что въ государствѣ Литовско-русскомъ, кромѣ монарха, были и другіе органы, которые могли постепенно воспріять и воспріяли ту часть государственной власти, которая касается церкви. Такой переворотъ былъ особенно важенъ для православной церкви, въ которой дѣла церковнаго управленія принадлежатъ не одной только іерархіи, какъ въ католической. Міряне также составляютъ церковь и принимаютъ живое участіе въ дѣлахъ ея. А потому ослабленіе великокняжескаго патронатства не означаетъ переходъ его въ руки іерархіи; напротивъ оно сосредоточивается въ рукахъ другихъ свѣтскихъ (государственныхъ) органовъ и частныхъ лицъ.

Въ правахъ патронатства, кромѣ вел. князя, участвуютъ: а) земства и сословныя общества, б) городскія общины, а затѣмъ, в) приходскія общины и добровольныя сообщества—братства; г) но всего болѣе права прежняго государственнаго патронатства унаслѣдованы частными лицами землевладѣльцами, которые усвоили себѣ эти права вмѣстѣ съ прочими государственными правами въ своихъ владѣніяхъ. Скажемъ вкратцѣ о каждомъ изъ этихъ элементовъ патронатства.

а) *Земства.* Уже въ древнѣйшія времена Литовскаго государства государственная власть вообще, и въ томъ числѣ въ отношеніи къ церкви, въ значительной степени принадлежала мѣстнымъ земствамъ. Единодержавіе, установленное Витовтомъ въ XV в., ослабило значеніе земствъ, но не уничтожило его; это значеніе окончательно пало лишь въ половинѣ XVI в., уступивъ мѣсто сословному шляхетскому началу.—Наиболѣе отчетливо выраженные примѣры земскаго патронатства можно взять изъ явленій, относящихся къ сѣверо-западной Руси; эти явленія, по своей оригинальности заставляютъ насъ остановиться на нихъ нѣсколько дольше, такъ какъ можетъ показаться, что въ сѣверо-западныхъ земскихъ уставныхъ грамотахъ, повидимому, вполнѣ отрицается вліяніе великокняжеской власти на церкви и ихъ имущества: „въ церкви Божіи и въ имѣнья церковные намъ не вступатися, въ домъ Божій св. Софіи и въ домъ Божій св. Спаса и въ иные домы церковные намъ не вступоватися“, говорится въ Полоцкой уст. грамотѣ [1]). Вотъ, повидимому, безспорное выраженіе исключеній великокняжескаго патронатства и замѣны его земскимъ. Однако тотъ-же самый вел. князь (Сигизмундъ-Августъ), который въ 1547 г. подтвердилъ эту грамоту, въ 1558 г. даетъ свой „листъ“ боярину Полоцкому Глѣбу Корсаку на преемство Полоцкой архіепископіи по кончинѣ тогдашняго, правившаго еще, владыки Германа, въ такихъ выраженіяхъ: „даемъ *архіепископью* владычество Полоцкое... маетъ онъ въ ту архіепископью въѣхати и тую архіепископью и монастырь св. Михаила въ Городку *подаванья нашого господарьскаго* въ справу свою взяти... маетъ онъ до животи своего держати и всѣхъ пожитковъ, *возлѣ давного обычаю,* уживати [2]).

На соймѣ 1559 г. депутаты земли Полоцкой занесли просьбу „чтобы господарь его м. согласно съ привилегіями

---

[1]) Подтверд. при Сигизмундѣ-Августѣ 1547 г., см. Ак. зак. Россіи III, № 5.

[2]) Ibid. № 20. Тогда-же такая же грамота дана епископу Макарію на преемство Туров. и Пинской епископіи Ibid. № 21.

и вольностями, дарованными отъ его предковъ, въ домъ Божій св. Софіи, въ домъ Божій св. Спаса и въ людей тѣхъ церквей не вступался (это очевидно ссылка на земскую устави. грамоту) и чтобы по давнему обычаю, какъ бывало при предкахъ его, соблаговолилъ установить *опекуновъ церковныхъ*. Король отвѣчалъ, что не привыкъ нарушать чьи либо привилегіи, а потому и ихъ, полочанъ, какъ вѣрныхъ слугъ своихъ, оставляетъ при ихъ вольностяхъ: опекуновъ, о которыхъ написано въ ихъ стародавней привилегіи (такой привилегіи мы не знаемъ), пусть *установитъ воевода Полоцкій* вмѣстѣ съ ними (полочанами) выбравъ на то двухъ годныхъ лицъ изъ бояръ Полоцкихъ, для обѣихъ церквей св. Софіи и св. Спаса. Опекуны обязаны будутъ смотрѣть, чтобы церковныя имѣнія не потерпѣли ущерба отъ владыки и отъ игуменьи; а по смерти этихъ духовныхъ особъ, опекуны должны съ *вѣдома воеводы* и вмѣстѣ съ вижемъ, взятымъ отъ него, произвести опись скарбовъ церковныхъ и всего имущества въ церковныхъ имѣніяхъ и завѣдовать всѣмъ этимъ *„до науки его корол. милости“* и потомъ сдать въ цѣлости тому, *кого вел. князь пошлетъ увязывать (вводить во владѣніе) владыку или игуменью Полоцкую*[1]). Такъ соглашаются патрональныя права вел. князя и земства: земство есть непосредственный патронъ, дѣйствующій чрезъ избранныхъ имъ *опекуновъ*, но въ избраніи главная роль принадлежитъ великокняжескому воеводѣ; опись имущества вакантныхъ церковныхъ учрежденій производится опекунами, но съ вѣдома воеводы и потомъ вручается велико-княж. чиновнику, который по приказу вел. князя, будетъ вводить во владѣніе новаго представителя того или другого церковнаго учрежденія. Все это—согласно стародавнимъ обычаямъ. И такъ роль земства, какъ общаго патрона церквей и церковныхъ имуществъ, только яснѣе выражается въ сѣверо-западныхъ странахъ, чѣмъ въ юго-западныхъ, ибо въ первыхъ (землѣ Полоцкой, Витебской, Смоленской) вообще земскія права со-

---

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 24.

хранялись полнѣе и долговременнѣе, чѣмъ на юго-западѣ. Однако и тамъ (на сѣверо-западѣ) уже съ самаго начала единодержавія въ Литвѣ, если земское церковное патронатство не вполнѣ уступаетъ правамъ вел. князя, то во всякомъ случаѣ съ нимъ конкурируетъ великокняжеское право; это ясно и въ дальнѣйшихъ явленіяхъ XVI в. Въ 1562 г. вел. князь Сигизмундъ-Августъ даетъ жалов. грамоту Арсенію Шишкѣ (игумену Полоцкаго монастыря св. Ивана Предтечи) въ которой пишетъ: „до сего времени архіепископство Полоцкое и Витебское держалъ *по дару и ласкѣ нашей господарской* панъ Григорій Марковичъ Воловичъ; такъ какъ онъ теперь умеръ, то мы, согласно съ письмомъ и желаніемъ воеводы Полоцкаго и *по челобитью бояръ, шляхты, мѣщанъ и всего посполиства земли Полоцкой, даемъ* архіепископство Полоцкое и Витебское, *по милости нашей господарской,* иноку Арсенію пожизнено, со всѣми монастырями и церквами съ дворами и имѣніями, съ селами и съ людьми и со всѣмъ, что къ тому владычеству издавна принадлежитъ [1]). Монастырь Іоанна Предтечи, освободившійся при назначеніи Арсенія епископомъ, „*яко подаванье наше господарское* (по словамъ великаго князя), зася (снова) въ руки наши пришелъ“, а потому вел. князь, по просьбѣ дворянина своего Боркулаба Корсака, даетъ ему тотъ монастырь въ пожизненное владѣніе: имѣетъ право онъ Корсакъ держать этотъ монастырь „какъ прежніе держали“.

Что сами земства, такъ ревниво оберегавшія свои земскія привилегіи въ уставныхъ грамотахъ, не думали, однако, отрицать патрональную власть вел. князя, это доказывается болѣе раннимъ случаемъ, когда само земство обратилось къ этой власти; именно въ 1544 г. полочане жаловались королю Сигизмунду на своего архіепископа Семеона, указывая между прочимъ, что архіепископъ „самовольно подавалъ“ игуменовъ въ монастырь на Лучнѣ, который (по словамъ короля) „есть подаванье нашо господарское“ [2]). Так. обр. само насе-

---

[1]) Ак. зап. Рос. III. № 30.

[2]) Ак. зап. Рос. II. № 234.

леніе заявляетъ, что оно отражаетъ въ себѣ и упражняетъ власть общегосударственную; земство защищаетъ права вел. князя противъ епархіальной власти.

Въ юго-западныхъ странахъ Литовскаго государства, составляющихъ ближайшій предметъ нашихъ наблюденій, всесословныя земства давно уступили мѣсто сословнымъ—шляхетскимъ; а потому для этого края мы не имѣемъ фактовъ, подобныхъ приведеннымъ сейчасъ для сѣверо-запада. Пока въ Кіевѣ и на Волыни господствовало православіе, здѣсь нѣкоторыя функціи патрональной власти принадлежали мѣстнымъ шляхетскимъ обществамъ. Такъ право подаванья архимандритовъ Печерскаго монастыря предоставлено князьямъ, панамъ и земянамъ Кіевской земли (по приведенной выше королевской грамотѣ 1522 г.), хотя въ тоже время этотъ монастырь состоялъ подъ спеціальнымъ правомъ великокняжеского патронатства. Выборъ и презентація архимандрита Жидичинскаго монастыря предоставлены королевскою грамотою 1511 г. князьямъ панамъ и земянамъ Волынской земли (какъ упомянемъ ниже). Въ своемъ мѣстѣ приведемъ факты рекомендаціи на митрополію и епископіи со стороны высшихъ лицъ шляхетскаго сословія.—Но затѣмъ не можемъ указать другихъ общихъ правъ патронатства для сословныхъ обществъ.—Шляхетскія общества не разъ потомъ (и на провинціальныхъ сеймикахъ и на общихъ сеймахъ) вмѣшивались въ дѣла церкви, но уже не въ качествѣ патроновъ, а въ качествѣ участниковъ въ законодательной и правительственной власти.

б) *Городскія общины,* относительно права поданья православныхъ церквей во многомъ замѣняли собою земства (особенно со времени постепеннаго утвержденія сословнаго строя и обращенія высшихъ классовъ въ католичество). Впрочемъ онѣ уже съ древнѣйшихъ временъ обладали правомъ подаванья городскихъ церквей по старому обычаю, однако подъ верховнымъ правомъ вел. князя. Не имѣя фактовъ, прямо относящихся къ юго-западной Руси, мы принуждены и въ этомъ пунктѣ представить аналогичныя явленія сѣверо-запад-

ной Руси, въ особенности такой крупной общины, какова была столичная община гор. Вильны. Признаваемая безусловно власть вел. князя на подаванье церковныхъ учрежденій тѣмъ не менѣе иногда вступала въ коллизію съ правами общинныхъ властей. Коллизіи этихъ соціальныхъ элементовъ разрѣшались особыми уставами вел. князя. Такъ въ 1542 г. протопопъ и всѣ священники церквей въ гор. Вильнѣ жаловались королю Сигизмунду, что бурмистры, радцы и всѣ мѣщане православнаго вѣроисповѣданія испросили себѣ у митрополита Макарія грамоту, по которой духовенство отдано подъ власть мѣщанъ; кто изъ священниковъ не хотѣлъ имъ повиноваться, тѣхъ они отрѣшали отъ приходовъ и назначали другихъ съ согласія митрополита. Король очень удивляется, что мѣщане въ такомъ дѣлѣ, устранивъ вел. князя, обратились къ митрополиту, присвояя мѣщанскому управленію власть великокняжескую; и митрополитъ не имѣлъ никакого права извлекать духовенство столичнаго города изъ подъ власти вел. князя, чего никогда не бывало при предкахъ вел. князя. Однако король установляетъ компромиссъ, въ которомъ городской общинѣ удѣляется значительная доля участія въ дѣлѣ, очевидно согласно съ старинными обычаями; а именно: по смерти какого-либо священника, протопопъ (намѣстникъ митрополита) вмѣстѣ съ однимъ, или двумя мѣщанами (бурмистромъ, или другимъ изъ городской общины) должны сдѣлать опись церкви и ея имуществу, запереть ее и отдать ключи въ соборную церковь; затѣмъ избравши годнаго кандидата они (мѣщане) представляютъ его митрополиту, который и посвящаетъ избраннаго, если найдетъ годнымъ [1]).

Кромѣ общаго патронатства надъ всѣми городскими церквами, основаннаго на древнемъ обычаѣ, городскія общины могли, подобно частнымъ лицамъ, пріобрѣтать право поданья на тѣ или другія церковныя учрежденія въ отдѣльности, по спеціальнымъ пожалованіямъ вел. князя: въ 1584 г.

---

[1]) Ак. зап. Рос. II, № 219.

православные жители гор. Вильны (бурмистры, радцы и лавники) просили короля дать имъ право поданья Виленскаго монастыря св. Троицы, который состоялъ прежде въ поданьѣ Кіевскихъ митрополитовъ, и въ данное время владѣлъ имъ („держалъ“ его) митроп. Онисифоръ Дѣвочка пожизненно, „з ласки господарской“. Высшее же право поданья, по словамъ короля принадлежитъ ему (королю): „з давных часовъ (монастырь) былъ въ подаванью нашомъ господарскомъ и предковъ наших королей польских и вел. князей Литовских... и теперь въ подаванію нашомъ же есть“. Основаніемъ для просьбы городской общины служило то, что митрополиты, живя вдали и рѣдко посѣщая Вильну, довели монастырь до большого упадка и обѣднѣнія. Король согласился и передалъ монастырь городу въ лицѣ городскихъ властей („которые на тыхъ же мѣстцахъ врядовыхъ сѣдѣти и справовати будуть“), съ тѣмъ, чтобы горожане употребляли монастырскіе доходы на церковныя нужды: на постройки, на содержаніе архимандрита, поповъ и монаховъ, бѣдныхъ монахинь и церковныхъ слугъ, живущихъ при монастырѣ, на постройку школъ и обученіе дѣтей православной вѣрѣ. Представители городской общины получають монастырь „въ свою власть, присудъ, управленіе и оборону на вѣчное время“ послѣ смерти митрополита Онисифора. Они имѣютъ право избирать откуда угодно архимандрита, а митрополитъ обязанъ посвятить избраннаго; избранному архимандриту сдается по реестру церковное имущество, но архимандритъ не имѣетъ права распоряжаться имуществами и доходами монастыря безъ вѣдома и воли городскихъ властей, которыя для надзора за монастырскимъ хозяйствомъ избираютъ изъ числа гражданъ двухъ, а эти послѣдніе представляютъ городу ежегодные отчеты. Король отрекается навсегда отъ права отнимать монастырь у городской общины и лишать ее „власти, обороны и подаванья“ [1]).—Этотъ актъ весьма важенъ для опредѣленія чистой сущности права поданья безъ тѣхъ

---

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 144.

(довольно уродливыхъ) примѣсей, которыя мы увидимъ, когда это право было въ рукахъ патроновъ другого разряда. Но теперь пока мы заняты вопросомъ о субъектахъ права поданья.

Представленные акты наглядно показываютъ, сколько различныхъ элементовъ участвовало въ правѣ поданья на городскія церкви вмѣстѣ съ городскими общинами. Для насъ особенно интересны отношенія городскихъ общинъ въ этомъ дѣлѣ къ церковной власти, въ данномъ случаѣ къ митрополиту. По уставнымъ грамотамъ (Полоцкой) отношеніе город. общины къ епископской власти опредѣлялася такъ: „церковные домы присмотряти старостамъ городскимъ, а церковныхъ земель владычнымъ слугамъ не держати“ [1]). Было ли то общимъ началомъ? Прослѣдимъ это въ Вильнѣ въ теченіи XVI в. Еще въ концѣ XV в. митр. Макарій 1-й запретилъ было виленскимъ мѣщанамъ участвовать въ производствѣ описей церковнаго имущества при смерти священника какой-либо церкви и при ежегодныхъ ревизіяхъ (причемъ реестры вносились въ городскія книги); но затѣмъ тотъ же митрополитъ вновь дозволилъ это мѣщанской общинѣ г. Вильны. Чтобы укрѣпить за собою это право при другихъ митрополитахъ, мѣщане совѣщались по этому предмету со всѣмъ крылосомъ соборной церкви, желая знать, какъ рѣшается онъ правилами св. отцовъ. Совѣщанье пришло къ выводу, что въ участіи мѣщанъ нѣтъ ничего анти-каноническаго. Въ слѣдствіе этого мѣщане обратились въ 1511 г. къ митрополиту Іосифу (Солтану) съ просьбою утвердить за ними это право, что митрополитъ и утвердилъ. Далѣе мѣщане въ той же просьбѣ своей желали закрѣпить за собою право „поданья“ (выбора) новыхъ священниковъ на открывающіяся вакансіи; митрополитъ согласился и на это, добавивъ, что онъ будетъ утверждать лишь тѣхъ кандидатовъ, которые окажутся годными, по обсужденіи дѣла со священниками; если же мѣщане не представятъ своевременно избраннаго ими кандидата, то митро-

---

[1]) Ак. зап. Рос. Ш. № 5.

политъ ставитъ священника самъ по собственному избранію. Далѣе въ тѣхъ же пунктахъ соглашенія митрополита съ городскою общиною постановлено относительно права мѣщанъ судить священниковъ слѣд.: провинившихся священниковъ мѣщане могутъ представлять на судъ къ митрополиту. Сдѣлавъ эти уступки, митрополитъ нашелъ однако, что порядокъ, по которому мѣщане, по смерти священника, запирали церковь, а ключи брали къ себѣ (до назначенія новаго настоятеля), неправиленъ. Мѣщане, защищая этотъ порядокъ, сослались на старый обычай, о которомъ (будтобы) могъ засвидѣтельствовать между прочимъ архимандритъ Троицкаго монастыря Изосима, ибо-де ему самому ключь отъ церкви Троицы дали они же мѣщане. Митрополитъ возразилъ, что о Троицѣ онъ не говоритъ, потому что этотъ монастырь (по его словамъ) „з нашого подаваня отнятъ; теперь королеве и милости (Еленѣ) поданъ; мовлю я о тыи церкви, што по месту, которыи въ моемъ подаваньи суть". Но показанія архим. Изосимы, священниковъ и стараго церковнаго боярина не подтвердили ссылки мѣщанъ ни старый обычай.—На совѣщаніи, состоявшемъ изъ Аврамія, подскарбія великаго земскаго, окольничаго Смоленскаго Ивана Кошки, городничаго Виленскаго Янка, митрополичьяго намѣстника архим. Изосимы, архимандрита Лаврашевскаго Іоны, протопопа Виленскаго Тимофея и всѣхъ священниковъ и дьяконовъ соборной церкви Пречистой Богоматери,—рѣшено, что мѣщане могутъ присутствовать при описи и сдачѣ церкви, но церковныхъ ключей брать не должны [1]).

На практикѣ изложенное постановленіе отнюдь не отмѣнило и даже не ограничило правъ мѣщанъ по отношенію къ церковнымъ имуществамъ гор. Вильны, какъ это и оказалось изъ явленій послѣдующихъ, относящихся ко второй полов. XVI в. Въ 1569 г. митрополитъ довелъ до свѣдѣнія короля, что Виленскіе мѣщане забрали и отчасти растратили много цѣнныхъ вещей, взятыхъ ими изъ Виленскихъ церк-

---

[1]) Археогр. Сборн., т. VI, № 4.

вей (золота, серебра, жемчуга и денегъ); король предписалъ двумъ Зарѣцкимъ (изъ которыхъ одинъ былъ скарбовымъ, т. е. казначеемъ, а другой—магистратскимъ райцею) дать отчетъ въ этихъ имуществахъ предъ коммиссарами, назначенными королемъ, и сверхъ того дать отчетъ относительно недвижимыхъ церковныхъ имуществъ [1]). Дальнѣйшій ходъ дѣла намъ неизвѣстенъ; но изъ сказаннаго очевидно, что мѣщане имѣли прямое вліяніе на управленіе имуществами церквей, какъ движимыми, такъ и недвижимыми.—Столь же мало потерпѣло ущерба и другое право мѣщанъ—избирать и представлять кандидатовъ на священническія вакансіи: въ 1570 г. священникъ Іоаннъ, при полученіи прихода Петропавловской Виленской церкви далъ слѣд. обязательство мѣщанамъ: „бурмистры и радцы снабдили меня и дали въ хлѣбокормленіе церковь св. апостоловъ Петра и Павла, согласно съ древнимъ обычаемъ; имущество, по списку данное мнѣ отъ ихъ м. бурмистровъ и радцевъ, обязуюсь хранить и пріумножать“ [2]).—Далѣе постановленіе 1511-го года объ ограниченіи участія мѣщанъ въ описяхъ церковныхъ имуществъ, потеряло силу и возстановлено старое право мѣщанъ ежегодно свидѣтельствовать и переписывать церковное имущество: въ 1582 г. король особою грамотою на имя митропол. Онисифора предписалъ ему не воспрещать мѣщанамъ такую каждогодную перепись. Оказалось, что именно игуменъ Троицкаго монастыря не допускалъ у себя въ монастырѣ подобныхъ ревизій [3]).—Въ 1595 г. Виленскіе мѣщане запечатали церковь св. Юрія на Росѣ въ слѣдствіе растраты церковнаго имущества священникомъ этой церкви, оказавшимся подъ запрещеніемъ [4]).

Во всѣхъ, приведенныхъ сейчасъ случаяхъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ городская община, какъ это видно изъ того, что кандидатовъ на священство представляютъ

---

[1]) Археогр. Сборн. т. VI, № 28.
[2]) Археогр. Сборн. т. VI, № 31.
[3]) Археогр. Сбор. т. VI, № 37.
[4]) Археогр. Сбор. т. VI, № 42.

магистратскіе чины (радцы), что акты ревизіи церквей вносятся въ городскія книги, что отвѣтственными лицами за цѣлость церковнаго имущества являются оффиціальные чины общины (казначеи) и что вообще жалобы, предписанія и соглашенія идутъ отъ имени городской общины и даются на ея имя. Хотя Виленская городская община, особенно въ концѣ XVI в., состояла уже изъ большинства католиковъ, но тѣмъ не менѣе общее право патронатства, принадлежащее ей надъ православными церквами, не уничтожается. Само собою разумѣется, что отдѣльные акты патронатства исполнялись лицами православнаго исповѣданія. Во всякомъ случаѣ, при успѣхахъ католичества и борьбѣ, возникшей изъ установленія уніи, подобный порядокъ становился ненормальнымъ.

Въ области, болѣе близкой къ юго-западу, именно въ Подляшьѣ, мы находимъ очень цѣнное свидѣтельство о такихъ-же порядкахъ, именно указывающихъ на права́ городскихъ общинъ въ подаваньѣ церквей, въ частности главной соборной. Для насъ этотъ примѣръ тѣмъ интереснѣе, что относится къ странѣ, входящей въ составъ одной изъ югозападныхъ епархій—Владиміро-Волынской. Въ 1590 г. владыка Мелетій Хребтовичъ далъ такую благословенную грамоту общинѣ гор. Берестья: „Мелетии Хребтовичъ Литаворовича Бохрински (sic), волею Божіею прототронъ, епископъ Владимирски и Берейстейски, архимантритъ Кіевский монастыря Печерского, ознаймую, ижъ приходили до мене мѣщане его корол. мил. места Берестейскаго, бурмистры, радцы, цехмистры и иные съ посполитыхъ людей... православной вѣры, яко ктиторове и дозорцы вшелякихъ порядковъ церкви соборной Берестейской,.. жадаючи, же бы есмы имъ позволили мети школу свою вольную мескую посполитую и дьяка, або двухъ ку науце сыновъ своихъ.., хтобы колвекъ... дети свои до той школы, на грунтѣ мескомъ (збу)довалой, въ науку давать хотѣли“. Епископъ, посовѣтовавшись съ капитулою и крылошанами своими Берейстейскими и съ епископомъ своимъ „дворнымъ“ его мил. отцомъ Феофаномъ Могилевскимъ

(викарнымъ), находя эту просьбу ихъ основательною, позволилъ имъ, т. е. „всѣмъ панамъ мѣщанамъ этого города построить свою школу русскую греческой науки при соборной церкви на грунтѣ городскомъ“ [1]).—Трудно сказать относилось ли право городской общины только къ соборной церкви, или, подобно гор. Вильнѣ, ко всѣмъ городскимъ церквамъ, одно несомнѣнно, что здѣсь мы имѣемъ предъ собою дѣйствительное право поданья, что выражено эксплицитно владыкою въ наименованіи представителей общины „ктиторами и дозорцами“ соборной церкви.

Приведемъ еще одинъ фактъ, относящійся къ сѣверозападному краю, именно къ гор. Могилеву. Въ 1585 г. король Стефанъ Баторій, въ своей грамотѣ къ Полоцкому архіепископу Ѳеофану—Богдану, говоритъ, что бурмистры, райцы, лавники и все общество гор. Могилева довели до свѣдѣнія его, что церковь св. Спаса въ Могилевѣ, построенная ими на свой счетъ, всегда бывала прежде въ ихъ власти и подаваньѣ; а теперь, когда она находится въ управленіи твоемъ („за держанья твоего“), пришла въ крайній упадокъ, ибо владыка въ Могилевѣ самъ никогда не бываетъ, а арендаторъ, которому онъ отдалъ въ аренду свои доходы отъ той церкви, не поправляетъ ее и наблюдаетъ только свои выгоды, а не хвалу Божію; отъ этого происходятъ и внутреннія неурядицы: совершаются частые незаконные разводы браковъ, противные закону Божію (вѣроятно арендаторъ, взимая пошлины за разводы, представлялъ ихъ на утвержденіе архіепископа безъ надлежащаго разсмотрѣнія). Король предписываетъ уступить церковь св. Спаса Могилевскимъ мѣщанамъ, чтобы они, поправивши ее, держали въ своей власти и подаваньѣ [2]).

Собирая вмѣстѣ черты патронатства, выраженныя въ приведенныхъ актахъ, мы видимъ, что право патронатства въ городскихъ общинахъ было весьма сложное: воперв. великій князь твердо сознавалъ свое верховное право патронат-

---

[1]) Арх. Сборн. т. XI, № 6.

[2]) Ак. з. Рос. III, № 152.

ства на всѣ церкви город. общины, какъ это видно отчетливо изъ рѣзкаго замѣчанія короля митрополиту, что онъ не имѣлъ права отдавать Виленскія церкви подъ право поданія мѣщанъ, отнимая это право отъ вел. князя; далѣе изъ того, что троицкій монастырь въ Вильнѣ вел. князь „отнялъ“ изъ права поданья митрополита и отдалъ королевѣ Еленѣ, съ условіемъ возвратить этотъ монастырь, по смерти королевы, опять подъ власть вел. князя.

Во втор. высшая епархіальная власть (митрополитъ) себѣ приписываетъ общее право поданья на всѣ городскія церкви, говоря, что онъ имѣетъ въ виду не троицкій монастырь, отнятый у него вел. князем, а остальныя церкви, остающіяся „въ его поданьѣ“.

Но подъ этими двумя высшими наслоеніями права (велико-княжескимъ и митрополичьимъ) дѣйствительное и непосредственное право поданья принадлежало городской общинѣ и признавалось за нею (несмотря на разныя пререканія и споры) самимъ вел. княземъ и митрополитомъ въ ихъ, приведенныхъ выше, грамотахъ, какъ относительно права избранія кандидатовъ на священство, такъ и распоряженія въ сферѣ имущественныхъ дѣлъ церковныхъ учрежденій. Даже частныя лица въ предѣлахъ город. общинъ привлекали къ управленію имуществами основанныхъ ими церковныхъ учрежденій представителей город. общинъ, какъ сдѣлалъ это Григ. Ходкевичъ при основаніи имъ церковной богодѣльни въ 1567 г. [1]), и какъ поступилъ Могилевскій мѣщанинъ Тимофей Гапоновичъ въ 1605 г. [2]).

в) *Приходскія общины и братства.* Права и дѣйствія городскихъ общинъ по отношенію по всѣмъ церквамъ города закрываютъ собою роль и значеніе приходскихъ общинъ въ этомъ-же отношеніи. Однако, нѣтъ никакого сомнѣнія, что приходъ („парохія“, „парафія“), какъ учрежденіе древнѣйшее и повсемѣстное, функціонировалъ и въ Литовско-русскомъ

---

[1]) Археогр. Сбор. т. XI, № 114.

[2]) Ист.-юрид. матеріалы, т. VIII, стр. 270. Сл. наши замѣтки по поводу этого изданія въ Унив. изв. 1878 г.

государствѣ, во всѣхъ его краяхъ; необходимость его существованія не исключаютъ права̀ какихъ-быто ни было патроновъ. Сомнѣніе можетъ явиться только относительно частно—владѣльчиныхъ селъ и находящихся въ нихъ церквей и монастырей (которые замѣняютъ приходскія церкви). Можно подумать, что здѣсь вовсе нѣтъ мѣста для проявленія дѣйствій прихода, такъ какъ церковь, ея имущества, самыя лица приходской общины, т. е. „подданные" (крестьяне) и отчасти приходское духовенство находились во власти землевладѣльца—пана. Но въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ о многочисленныхъ и разнообразныхъ изъятіяхъ изъ этого всеобъемлющаго значенія патрона для сельской приходской общины (напр. въ фундушахъ церкви иногда участвовали не одни землевладѣльцы, но и прихожане—крестьяне, въ составъ прихода могли входить люди, жившіе на земляхъ разныхъ владѣльцевъ и коронныхъ). И при единствѣ власти землевладѣльца, какъ ктитора, участіе прихода въ дѣлахъ церкви не несовмѣстимо съ этою властію, ибо въ XVI в. „подданные" владѣльца еще не были крѣпостными и безправными.

Но за отсутствіемъ прямыхъ свидѣтельствъ о правахъ прихода въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ, ограничимся изложеніемъ дѣла относительно городскихъ церквей. Въ актахъ, относящихся къ юго-западной Россіи, мы не встрѣтили ни одного, указывающаго на права приходскихъ общинъ по отношенію къ церкви и ея имуществамъ. Но въ остальныхъ краяхъ Литовскаго государства такіе факты многочисленны,—между прочимъ въ городѣ Берестѣ, принадлежавшемъ къ Владимір. епархіи. Въ 1637 г. староста (starosta cerkvie sw. Troycy) и представители прихожанъ („z pozwolenem i rada wszystkich parafian") церкви св. Троицы въ Берестьѣ заявили въ магнетратскомъ урядѣ, что они продаютъ огородъ Шостоковскій, завѣщанный церкви Демьяномъ Шостакомъ, за 8 копъ грош. [1]). Тогда-же тѣже отдали въ аренду на 9 лѣтъ пивоварню (броваръ) Глинниковскую, завѣщанную *имъ на*

---

[1]) Ак. Вил. ком. т. VI. № 23.

церковь Якубомъ Бодуличемъ на 10 л., татарину Богушевичу [1]). Противъ этихъ двухъ сдѣлокъ тогда-же заявленъ предъ урядомъ протестъ со стороны священника церкви св. Троицы Іонна Кречевича и другихъ прихожанъ (colatorow) той-же церкви. Протестующіе заявляютъ, что Игнатъ Кошка (въ актѣ продажи названный „старостою" церкви), будучи на то время „*дозорцею и старшимъ*" ц. св. Троицы, въ отсутствіи другихъ старшихъ церковныхъ, безъ вѣдома настоятеля и безъ собранія *полной сходки* (прихожанъ), согласившись съ нѣкоторыми изъ прихожанъ, совершилъ купчую и арендную запись ко вреду церкви, за полъ цѣны. Сверхъ того священникъ лично отъ себя заявляетъ, что Игнатъ Кошка самъ владѣетъ и пользуется огородомъ, завѣщаннымъ на церковь покойнымъ Глинничемъ и не уступаетъ ему—священнику, какъ служащему въ этой церкви [2]). Такимъ образомъ приходъ (parafiane, colatory, братія) вмѣстѣ со старостою и священникомъ, на общей сходкѣ, признаютъ за собою право не только отдачи въ аренду, но и отчужденія церковныхъ имуществъ. Этими имуществами вообще распоряжается приходская община и ея представители до такой степени свободно, что староста имѣетъ возможность обращать часть ихъ въ свое личное пользованіе.

Въ томъ-же 1637 г. предъ тѣмъ-же Берестейскимъ урядомъ „староста церкви Воскресенія и при немъ парафіане той-же церкви и братія церковные" заявили, что грунтъ, принадлежащей этой церкви, они продали на вѣчность п. Андрею Шуйскому за 30 зл., не предъявивъ никакихъ документовъ на право владѣнія церковію этимъ грунтомъ. Деньги переданы старостѣ Сорокѣ. Продавцы обязались защищать право покупщика до истеченія давности [3]). Здѣсь опять нѣтъ участія священника и даже нѣтъ протеста со стороны этого послѣдняго.

---

[1]) Ibid № 24.

[2]) Ак. Вил. ком. т. VI, № 30.

[3]) Ак. Вил. ком. т, VI, № 28.

Въ актахъ, относящихся къ г. Могилеву, нами уже давно отмѣчена огромная роль прихода въ дѣлѣ управленія церковію и ея имуществами, а именно приходской общинѣ принадлежитъ право избирать новаго священника и вводить его во владѣніе церковію и ея имуществами, заключать съ нимъ договоръ, служащій инструкціею для будущей дѣятельности новоизбраннаго настоятеля, устранять священника въ случаѣ ненадлежащаго исполненія имъ своихъ обязанностей къ церкви и прихожанамъ, распоряжаться имуществами церкви чрезъ избранныхъ приходскихъ шафаровъ (экономовъ), которые ежегодно отдаютъ отчетъ общему собранію прихожанъ [1]).

Какъ согласовались эти права съ правами городской общины, епархіальной власти и вел. князя, это опредѣлялось фактическимъ отношеніемъ названныхъ властей между собою и къ приходу: при отсутствіи общихъ причинъ къ коллизіи, дѣло улаживалось мирно, на основаніи обычнаго права; когда-же (особенно послѣ введенія уніи) отношенія эти обострились, то прихожане старались найти такой правомѣрный выходъ: на чьей землѣ основана церковь, тому и принадлежитъ право патронатства; если на землѣ общегородской, то городу; если на замковой великокняжеской, то вел. князю; если на землѣ приходской, то—приходской общинѣ; если на собственной землѣ священника, то ему; такъ въ 1615 г. прихожане Могилевскихъ церквей Ильинской и Крестовоздвиженской обязываютъ новоизбранныхъ священниковъ „не выхлопатывать привилегіи на владѣніе церковью себѣ и своимъ потомкамъ ни у короля, ни у владыки „ку одедиченію своему тое церкви", ибо храмъ основанъ на землѣ, принадлежащей не священникамъ, а на собственной землѣ прихожанъ, купленной на ихъ деньги и построенъ на ихъ счетъ и по ихъ старанію [2]).—Однако прихожане не отказываются

[1]) См. наши замѣтки по поводу изд. „Историко-юридическихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ Витеб. архива" въ Унив. извѣст. 1878 г.

[2]) Истор.-юрид. матер. т. VIII, стр. 334 и 338.

отъ правъ на церковь и тогда, когда церковь состоитъ въ наслѣдственномъ правѣ священника и хотя послѣдній заявляетъ: „я не обращаю на васъ (прихожанъ) вниманія; не отъ васъ я имѣю церковь, а отъ господаря короля его мил. и содержаніе отъ господаря получаю“, какъ говорилъ въ 1590 г. попъ Могилевской церкви св. Троицы [1]).

Факты, приведенные нами, относятся къ XVII вѣку, но нѣтъ никакихъ причинъ считать ихъ явленіемъ поздняго происхожденія, такъ какъ не было причинъ, которыя-бы вызвали его именно въ XVII в.; притомъ извѣстно, что подобное-же участіе прихожанъ въ дѣлахъ церкви существовало съ древнихъ временъ во всѣхъ краяхъ православнаго міра, между прочимъ въ Московскомъ государствѣ. Въ силу того-же соображенія нельзя отрицать его и въ юго-западныхъ странахъ Литовскаго государства.

Однимъ изъ основаній для такого предположенія можетъ служить и слѣдующее обстоятельство: съ древнѣйшихъ временъ при приходскихъ церквахъ существуютъ *братства*. Впрочемъ въ древнемъ смыслѣ братство составляетъ весь приходъ, а сами прихожане именуются „братіями“. Нѣкоторые изъ нихъ избираются для болѣе активной дѣятельности, именуясь братчиками въ тѣсномъ смыслѣ; они заботятся о благосостояніи церкви; главнымъ (б. ч. единственнымъ) средствомъ для этого служатъ ежегодныя собранія прихожанъ въ храмовые, или другіе праздники для пировъ, къ которымъ приготовляется медъ, какъ напитокъ, а воскъ жертвуется церкви для изготовленія свѣчей и продажи ихъ. Братчики служатъ при церемоніяхъ церкви, замѣняютъ собою погребальныя общества и исполняютъ другія функціи благотворительныхъ обществъ. Полагаемъ, что именно чрезъ нихъ приходъ осуществлялъ свои права по отношенію къ церкви и ея имуществамъ, что „старосты“ или „старшіе церковные“, которыхъ въ приходѣ было нѣсколько, суть лица, избранныя братствами, представители ихъ.

---

[1]) Ibid. т. VII, стр. 496.

Примѣромъ правъ братства на церкви и ихъ имущества, можетъ служить Минское Петропавловское братство, основанное въ 1612 г. при Петропавловскомъ монастырѣ. Отношенія его къ самому монастырю нельзя опредѣлить съ точностію. Но братство могло владѣть своими специальными имуществами, назначенными однако для нуждъ церкви; такъ упомянутое братство владѣло фольваркомъ Переспой, пожертвованнымъ въ 1623 г., и двумя плацами, которые въ 1626 году пожертвовала кн. Ева Соломерецкая для основанія на нихъ церкви Преображенія. Но гораздо важнѣе этого то, что король, утверждая права братства, подчинилъ ему церковь Рождества Богородицы съ богадѣльней и минскій женскій монастырь съ его строеніями и землями [1]). Этотъ фактъ, впрочемъ, относится уже не къ древнимъ, собственно приходскимъ, братствамъ, а къ той новой формѣ ихъ, въ которую они перешли подъ вліяніемъ событій въ концѣ XVI в.

Приходы и ихъ братства могли съ успѣхомъ исполнять свои функціи только въ мирныя времена церкви, когда часть патрональной власти, принадлежавшая имъ, ни съ чьей стороны не встрѣчала препятствій, а напротивъ поддерживалась другими высшими элементами этой власти, когда ни земства, состоявшія изъ лицъ почти поголовно православныхъ, ни таковыя-же городскія общины, ни землевладѣльцы, также православнаго вѣроисповѣданія, ни наконецъ духовныя лица и власти не находили еще причинъ для пререканій съ ними. Но когда къ концу XVI в. дѣло рѣзко измѣнилось, когда и государственная власть (католическая), и разновѣрный составъ земствъ и городовъ, и уніатское духовенство стремились воспользоваться патрональною властію для своихъ цѣлей, то мелкія приходскія братства уже не въ состояніи были поддерживать свои древнія права. Изъ всѣхъ поименованныхъ носителей патрональнаго права ближе другихъ стояли къ приходамъ городскія общины, замѣнявшія собою земства, по мѣрѣ отступленія послѣднихъ отъ право-

---

[1]) Ак. Вил. ком. XI, № 36 и стр. XXVIII и XXIX.

славія. Однако настало время, когда въ самыхъ городскихъ общинахъ католическіе элементы, и затѣмъ и еврейскіе, получали все бóльшій перевѣсъ. Тогда изъ городскихъ общинъ возникли корпораціи, состоящія исключительно изъ православныхъ элементовъ, направленныя именно на поддержаніе православной церкви и русской національности. Ихъ задачею было замѣнить въ этомъ отношеніи какъ городскія общины, такъ и земства. Мы говоримъ *о всесословныхъ братствахъ*, возникшихъ съ конца XVI в. Этотъ сюжетъ выходитъ изъ предѣловъ взятаго нами времени и не можетъ быть здѣсь разсматриваемъ въ его полнотѣ. Для насъ достаточно отмѣтить, въ примѣрѣ братствъ, возможность для юридическихъ лицъ (корпорацій) обладать правомъ поданья церквей и распоряженія церковными имуществами. Правда, нельзя допустить мысль, что братствамъ могло быть усвоено право поданья на весь округъ вліянія того или другого братства, напр. Благовѣщенскаго Кіевскаго братства на всю Кіевскую землю, Львовскаго Ставропигіальнаго—на всю Галицію, или Виленскаго Свято-духовскаго—на всю Литву. Каждое братство спеціально обладало только своею спеціальною церковію и ея имуществами; вліяніе братства на сторону было лишь моральнымъ, а не юридическимъ; надъ епископіями, монастырями и церквами простирались прежнія давнія права вел. князя (короля), пановъ и епископовъ; но братства, собравъ воедино разрозненныя силы православнаго населенія, противодѣйствовали, по мѣрѣ возможности, злоупотребленіямъ законныхъ патроновъ, сдѣлавшихся б. ч. врагами православія и поддерживали падающее значеніе приходскихъ общинъ.

г) *Частныя лица, какъ субъекты права поданія.* Важнѣйшій разрядъ частныхъ лицъ, обладавшихъ правомъ поданья суть *землевладѣльцы* (князья, паны, и земяне), каждый въ своемъ имѣніи. Кромѣ того лишь немногія лица могли обладать этимъ правомъ, именно лица духовнаго званія и люди свѣтскіе могли получить право подаванья на то или другое учрежденіе *независимо отъ землевладѣнія.* Обратимъ преимущественное вниманіе на первую категорію.

Когда (именно во 2-ой полов. XVI в.) государственная власть постепенно никла предъ возникающимъ могуществомъ высшаго класса, когда права частныхъ лицъ этого класса оттѣсняли собою прежнее всемогущество лицъ правящихъ, тогда и въ той сферѣ правъ, съ которою мы теперь имѣемъ дѣло, произошелъ соотвѣтствующій переворотъ. Въ нач. XVI в. великій князь, еще признаваемъ былъ въ идеѣ верховнымъ патрономъ церковныхъ учрежденій обоихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, но съ 2-ой пол. XVI в. онъ въ дѣйствительности проявлялъ свое значеніе только тамъ, гдѣ не дѣйствовали частныя силы панства, именно въ городскихъ общинахъ и въ епископіяхъ, что и признано окончательно къ концу вѣка.

Так. обр., указанный результатъ явился далеко не вдругъ: землевладѣльцы овладѣвали правами патронатства постепенно, заимствуя его изъ общаго источника правъ власти в. князя.

Ознакомимся сначала съ ограничительными условіями частнаго патронатства, а потомъ со способами его пріобрѣтенія.

Во перв. не всякій землевладѣлецъ могъ быть непремѣнно патрономъ церкви: говоря вообще только владѣльцы большихъ имѣній—князья и „паны" всегда могли быть патронами, а изъ земянъ тѣ, которые пріобрѣтали панскія имущества. Каждый-же изъ мелкихъ землевладѣльцевъ, получавшій отъ вел. князя или пріобрѣтшій путемъ частныхъ сдѣлокъ незначительные участки, весьма нерѣдко на прекарныхъ (условныхъ) правахъ („до воли и ласки"), отнюдь не могъ заводиться собственною церковію и цѣлая масса ихъ входила въ составъ одного прихода („околичная шляхта"). Патрономъ общей ихъ церкви оставался или в. князь, или епископъ, или приходская община.

Во втор. быстрому торжеству правъ землевладѣльцевъ могло препятствовать разновѣріе съ населеніемъ имѣній. Хотя и самъ великій князь былъ католикомъ и это не мѣшало ему быть верховнымъ патрономъ надъ учрежденіями православной церкви, но его общегосударственная власть стояла

къ населенію во всякомъ случаѣ не такъ близко и непосредственно, какъ власть пановъ въ ихъ имѣніяхъ. Не сразу можно было усвоить мысль, что патрономъ церкви можетъ быть иновѣрецъ (вопреки ученію православнаго византійскаго права),—иновѣрецъ, котораго власть въ имѣніи была весьма сильна во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Митрополиты и соборы западно-русской церкви старались отстоять старый византійскій принципъ объ отстраненіи иновѣрцевъ отъ патронатства; по ихъ настояніямъ, въ концѣ XV и нач. XVI в. короли Александръ (въ 1497 г.) и Сигизмундъ (въ 1511 г.) давали грамоты, удовлетворявшія ихъ желаніямъ, а именно въ такихъ выраженіяхъ: „тежъ которыи князи и панове нашого римского закону маютъ по своимъ имѣніямъ церкви закону греческого и здавна будеть которая церковь—поданье митрополье, або владычне, тоя и теперь нехай будеть церковь ихъ поданья“ [1]). Законъ этотъ не совсѣмъ ясенъ: въ немъ запрещеніе иновѣрческаго патронатства простирается только на тѣ церкви, которыя прежде состояли въ патронатствѣ епархіальныхъ властей. Если здѣсь разумѣется патронатство, специально пріобрѣтенное тѣмъ или другимъ владыкою надъ извѣстною церковію или монастыремъ, то оно и должно оставаться за владыкою, кто бы ни былъ владѣльцемъ имѣнія все равно—католикъ или православный панъ; если же здѣсь надо разумѣть общее право патронатства, которое приписывали себѣ владыки на всѣ церкви своей епархіи (смѣшивая понятіе епархіальной власти съ правомъ поданья), то ни одна церковь не могла бы подпасть подъ свѣтское потронатство иновѣрца.—Но какъ бы то нибыло, упомянутые законы давали основанія епархіальнымъ владыкамъ отстранять иновѣрцевъ патроновъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. На дѣлѣ, принципъ, установленный этими законами, нарушался постоянно какъ до изданія ихъ, такъ и послѣ: въ томъ же самомъ году, когда состоялся приведенный законъ Сигизмунда, т. е. въ 1511 г. этотъ король нарушилъ выра-

[1]) Ак. зап. Рос. I, № 166; II, № 65.

женное правило въ обратномъ смыслѣ, т. е. установилъ патронатство лица православнаго вѣроисповѣданія надъ католическимъ церковнымъ учрежденіемъ, а именно, отдавая городъ Перемиль въ держаніе князьямъ Федору и Ивану Михайловичамъ Вишневецкимъ (православнымъ), въ своей жалованной грамотѣ король передаетъ имъ право поданья надъ православнымъ монастыремъ и церковными землями въ Перемилѣ, и въ тоже время обязываетъ новыхъ владѣльцевъ построить для тамошнихъ католиковъ костелъ и имѣть при немъ каплана *отъ своей руки*[1]). Нечего и говорить, что обратныя явленія патронатства католиковъ надъ православными церквами могли быть и были гораздо болѣе частыми, особенно въ сѣверо-западной Россіи (Литвѣ и отчасти Бѣлоруссіи), гдѣ издавна высшіе классы усвоили католическую вѣру; тамъ землевладѣніе почти все находилось въ рукахъ католиковъ. Если бы приведенные законы кор. Александра и Сигизмунда исполнялись, то это привело бы въ тѣхъ странахъ къ сильной задержкѣ успѣховъ частнаго патронатства землевладѣльцевъ. Но на дѣлѣ было не такъ. Прежде всего князья, бывшіе прежде владѣтельными, сохраняли за собою право поданья (безспорно принадлежавшее имъ, какъ державнымъ властителямъ) и тогда, когда они превратились въ простыхъ землевладѣльцевъ. За ними слѣдовали „паны", усвоявшіе себѣ княжеское право въ своихъ владѣніяхъ и нерѣдко пріобрѣтавшіе имущества отъ князей (въ особенности путемъ браковъ). Съ такими иновѣрцами трудно было спорить православной епархіальной власти. Так. обр. законы кор. Александра и Сигизмунда тотчасъ оказались мертвою буквою.

Что касается спеціально юго-западной Россіи, то здѣсь принципъ исключенія иновѣрцевъ и безъ того не имѣлъ примѣненія, ибо въ XVI в. вся масса землевладѣльцевъ (князей, пановъ и земянъ) принадлежала еще къ православному вѣроисповѣданію, за ничтожными исключеніями. Такія исключе-

[1]) См. этого тома стр. 6, прим.

нія представляли паны—католики, пришлецы изъ Литвы, пріобрѣтшіе имѣнія на Волыни, или въ Кіовщинѣ, какъ напр. Радзивилы—владѣльцы Олыки съ ея обширнымъ райономъ и другихъ имѣній. Но и эти исключенія (въ виду сказаннаго) отнюдь не ограничивали права патронатства для нихъ, какъ иновѣрцевъ; мы увидимъ, что княжеское право, пріобрѣтенное Радзивилами (отъ Сангушекъ) простиралось и на право поданья православныхъ церквей не только въ ихъ владѣніяхъ, но и въ самомъ главномъ городѣ Волыни—Владимірѣ надъ отдѣльными церквами.—Такъ иновѣріе весьма мало задерживало развитіе частнаго патронатства.

Затѣмъ существеннымъ ограничительнымъ условіемъ частнаго патронатства было то, что отнюдь *не каждому частному патрону принадлежали всѣ права, входящія въ право поданья.* Во всей полнотѣ это право принадлежало только государственной власти (пока она не передала его вполнѣ частнымъ землевладѣльцамъ). Частныя лица усвояли это право въ той мѣрѣ, въ какой оно было обозначено въ жалованныхъ грамотахъ вел. князя при каждомъ отдѣльномъ случаѣ; такъ весьма нерѣдко патрону принадлежали права законодательства и управленія и право рекомендаціи настоятелей монастырей и церквей, но не принадлежало право пользованія церковнымъ имуществомъ: въ упомянутомъ выше случаѣ, король Сигизмундъ, жалуя въ 1523 г. на вѣчность князю Василію Сангушкѣ право поданья на церковь св. Василія въ гор. Владимірѣ, обусловливаетъ пожалованіе тѣмъ, что кн. патронъ не долженъ имѣть никакихъ „выгодъ" (доходовъ) отъ той церкви; наоборотъ самъ долженъ снабжать ее необходимыми вещами и поправлять зданіе. Впрочемъ это не означаетъ, что патрону не принадлежитъ право участія въ управленіи церковнымъ имуществомъ (въ своемъ мѣстѣ будутъ приведены примѣры того).—Высказанное сейчасъ ограниченіе относилось преимущественно къ патронамъ, получившимъ право подаванья спеціально на то или другое учрежденіе, а не къ землевладѣльцамъ; но могло быть установлено и для этихъ послѣднихъ.

Далѣе право поданья могло быть или вѣчнымъ, т. е. потомственнымъ, или пожизненнымъ. Потомственное право передавалось наслѣдникамъ нисходящимъ и боковымъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола; поэтому патрономъ могъ считаться малолѣтній и несовершеннолѣтній; въ такихъ случаяхъ фактически патронатство осуществлялось опекунами. Но ни въ жалованныхъ грамотахъ вел. князей, ни въ записяхъ частныхъ лицъ не находимъ ни одного указанія о судьбѣ патронатства по прекращеніи рода; однако нельзя сомнѣваться, что въ такомъ случаѣ право патронатства должно возвратиться къ вел. князю — первоисточнику его, что согласно и съ общимъ закономъ о выморочности имуществъ.—Но потомственное право принадлежало далеко не всѣмъ патронамъ; весьма часто въ жалованныхъ грамотахъ вел. князей дается имъ только пожизненное право [1]).—Пожизненное право примѣнялось обыкновенно къ патронатству надъ монастырями, но не церквами; послѣднее въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ всегда было потомственнымъ и переходило въ порядкѣ наслѣдованія имѣній.

Наконецъ надо имѣть въ виду, что при потомственномъ владѣніи патронатствомъ, оно можетъ быть или подѣлено между наслѣдниками, или принадлежать *коллективно цѣлому роду*. Въ первомъ случаѣ, впрочемъ, дѣлятся лишь доходы патронатства (съ имуществъ церкви); прочія права́ поданья могутъ принадлежать старшему представителю рода. При коллективномъ владѣніи всѣ права̀ осуществляются совокупно всѣми совершеннолѣтними членами рода. Само собою понятно, какъ это обстоятельство вліяетъ на существо пра̀ва поданья, смягчая произволъ одного лица участіемъ многихъ другихъ лицъ.

Нѣкоторыя ограничительныя условія возникаютъ для частнаго патроната и *изъ источниковъ его пріобрѣтенія*.

Способами его пріобрѣтенія были: а) пожалованіе, б) частныя сдѣлки и в) ктиторство.

---

[1]) Выше уже приведено нѣсколько примѣровъ дарованія пожизненнаго права.

Сообразно съ выраженнымъ принципомъ принадлежности вел. князю патронатства надъ всею церковію, *пожалованіе* является самымъ обильнымъ источникомъ права поданья для частныхъ лицъ. Подъ пожалованіемъ разумѣемъ вопервыхъ пожалованіе спеціально *права подаванья* и вовторыхъ *пожалованіе имѣній* съ правомъ патронатства надъ церковными учрежденіями, находящимися въ нихъ.

Въ первомъ случаѣ вел. князь даетъ или условное право поданья (ограниченное), или неограниченное. Условное право поданья обыкновенно дается при пожизненномъ пожалованьи, каково напр. пожалованіе князю К. И. Острожскому королемъ Сигизмундомъ въ 1511 г. Жидичинскаго монастыря; но иногда оно сопровождаетъ и пожалованіе потомственное, какъ пожалованіе князю Василію Сангушкѣ церкви св. Василія во Владимірѣ (фактъ упомянутъ выше).

При безусловномъ пожалованіи права патрона не опредѣляются въ жалованной грамотѣ. Таковы пожалованія кор. Казимира Нѣмирѣ Резановичу на монастыри Земно и Чесный Хрестъ (въ числѣ другихъ имѣній) въ 1452 г.; кор. Александра (съ подтвержденіемъ Сигизмунда I въ 1526 г.) матери князя Ф. Мих. Чорторыйскаго на пожизненное владѣніе, а потомъ самому князю Федору на потомственное владѣніе монастыремъ Пересопницею, Сигизмунда-Августа пожалованіе князю Пронскому монастыря при с. Чеконѣ, какъ безхозяйнаго („лежитъ въ пустѣ"). Интересна слѣдующая жалоба Николая Дорогостайскаго, занесенная въ 1574 г. на кн. К. К. Острожскаго, что урядникъ этого послѣдняго, съ нѣсколькими десятками слугъ на коняхъ съ разнымъ оружіемъ, наѣхалъ на Чернчицкій монастырь св. Спаса, „который я (пишетъ жалобщикъ) отъ *его королев. милости мелъ* и въ спокойномъ держаню ажъ до сего часу былъ", и тотъ монастырь съ крестьянами монастырскими насильственно захватилъ въ свое владѣніе [1]).

Намъ нѣтъ надобности множить подобные примѣры пожалованій: выше было упомянуто уже не мало такихъ фак-

[1]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 2048, л. 219 на об.

товъ; а ниже намъ придется имѣть дѣло еще съ бо́льшимъ числомъ ихъ для уясненія вопроса о правахъ собственности на церковныя земли. Теперь же мы можемъ съ опредѣленностію выразить, что почти всѣ болѣе значительные монастыри попали въ частное патронатство путемъ пожалованія. Тоже относится и ко многимъ церквамъ въ городахъ и даже селахъ.

Но сельскія церкви подпали частному праву поданья главн. обр. чрезъ другой видъ пожалованія, именно чрезъ *пожалованіе великимъ княземъ имѣній съ правомъ поданья церквей въ нихъ*—источникъ самый обильный (такъ какъ огромное большинство земельныхъ владѣній образовалось въ Литовскомъ государствѣ чрезъ пожалованіе отъ великихъ князей). Иногда вел. князь въ жалованной грамотѣ спеціально опредѣляетъ права̀ новаго владѣльца на церковныя учрежденія въ жалуемомъ имѣніи, какъ онъ сдѣлалъ это напр. въ жалованной грамотѣ на Перемиль князьямъ Вишневецкимъ[1]); но большею частью въ грамотахъ право поданья просто упоминается на ряду съ прочими предметами владѣнія, причемъ оно часто даже не именуется правомъ поданья, а прямо правомъ на церковныя земли. Когда же право патронатства сдѣлалось постоянною принадлежностію землевладѣнія, то въ жалованыхъ грамотахъ вовсе о немъ не упоминается, очевидно потому, что дарованіе его разумѣется само собою; отсюда въ половинѣ XVI в. образовалось правило, по которому на судѣ право поданья доказывается принадлежностію лицу имѣнія, какъ непреложнымъ признакомъ.

Извѣстно, что изъ пожалованій возникали ограниченныя права на имущества; жалованныя имѣнія („выслуги") не равнялись родовымъ и благопріобрѣтеннымъ весьма долго. Тоже относится и праву поданья; хотя бы это право было пожаловано безъ всякихъ ограниченій, но оно могло быть отнято вел. княземъ за злоупотребленія имъ; напр. въ 1580 г. великій князь предписалъ отобрать у епископа Іоны Красенскаго пожалованный ему монастырь Жидичинъ за хищ-

---

[1]) См. этого тома стр. 6, прим.

ническое управленіе его имуществами (фактъ подробнѣе приводимъ ниже). Вел. князья иногда отнимаютъ право поданья безъ всякой вины со стороны патрона, какъ напр. вел. князь Сигизмундъ I „отнялъ“ у митрополита монастырь Троицкій въ Вильнѣ только потому, что королева Елена просила его себѣ; пожалованное право на церковныя учрежденія уже по существу своему было менѣе прочно. А чрезъ это права частныхъ патроновъ находились подъ постояннымъ контролемъ государственной власти. Замѣчаніе это преимущественно относится къ патронамъ такихъ церковныхъ учрежденій, которыя находились не въ составѣ имѣній, хотя нѣтъ сомнѣнія, что право вел. князя на отнятіе патронатства въ важныхъ случаяхъ могло простираться на всякія церковныя учрежденія.

Когда право поданья слилось съ землевладѣніемъ, то первое пріобрѣталось и передавалось путемъ *гражданскихъ сдѣлокъ всякаго рода*,—а именно купли-продажи, мѣны, завѣщанія, законнаго наслѣдованія, даренія, заставы и пр. При всѣхъ этихъ сдѣлкахъ пріобрѣтается (и отчуждается) именно патронатство, вмѣстѣ съ правомъ на имущества, принадлежащія церковнымъ учрежденіямъ. Второй видъ тѣхъ же сдѣлокъ относится къ пріобрѣтенію и отчужденію имѣній и въ нихъ (между прочимъ) права поданья монастырей и церквей, принадлежащихъ къ имѣнію.—Что касается въ частности до купли-продажи, то она примѣнялась къ церквамъ: въ 1571 г. М. П. Гулевичъ продаетъ свою часть изъ общаго владѣнія Гулевичей, т. е. родоваго подворья въ окольномъ Луцкомъ замкѣ. На этомъ подворьѣ отецъ продавца Дмитрій Гулевичъ построилъ каменную церковь во имя св. Димитрія и обезпечилъ ее содержаніемъ („надалъ“, конечно, недвижимое имущество). Продавецъ, наслѣдовавшій право отъ отца, передаетъ по купчей двоюродному брату своему В. Ф. Гулевичу и его потомкамъ означенную часть подворья за 50 копъ грошей „съ поданьемъ церкви св. Димитрія; воленъ покупщикъ (говоритъ продающій) все подворье мое вышеписанное и съ поданьемъ той церкви св. Димитрія, держать,

пользоваться, строить, расширять" и пр. [1]). Здѣсь и поданье церкви и часть подворья составляютъ равносильные предметы сдѣлки, ибо, очевидно, при дѣлежѣ подворья между сонаслѣдниками, право поданья церкви выпало на долю одного, быть можетъ старшаго, т. е. продавца, какъ цѣнная часть наслѣдства.—Но вотъ примѣръ передачи, путемъ мѣны, права поданья, какъ принадлежности имѣнія: въ 1574 г. епископъ Луцкій Іона промѣнялъ Радзивиламъ церковное имѣніе (Луцкаго владычества) Хорлупъ, именно за̀мокъ съ фольварками и мѣстечко „съ подаваньемъ церквей, къ тому имѣнію прислухаючими"; въ за̀мѣнъ онъ получилъ отъ Радзивиловъ за̀мокъ Фалимичи съ фольварками „и съ подаваньемъ церквей, къ тому имѣнію прислухаючими" [2]). Такимъ образомъ, православный епископъ, отчуждая церковное имѣніе, передаетъ католику и право поданья надъ православными церквами; въ свою очередь пріобрѣтаетъ въ своей собственной епархіи право поданья надъ нѣкоторыми церквами отъ пановъ-католиковъ.—Но въ той же сдѣлкѣ есть и примѣръ пріобрѣтенія, путемъ мѣны, пра̀ва поданья независимо отъ имѣнія; а именно: по той же сдѣлкѣ владыка пріобрѣлъ „Васильевскую церковь у мести Володимерскомъ", т. е. право поданья на церковь св. Василія въ кафедральномъ городѣ (Владимірѣ) сосѣдней-чужой епархіи.—Примѣромъ завѣщательной передачи можетъ служить завѣщаніе Якова Войны въ пользу матери на „поданье и опеканье" Земенскаго монастыря и женѣ его на монастырь Чесный Хрестъ.—Какъ примѣръ заставной сдѣлки можно указать заставу монастыря Пересопницы кн. Юр. Ив. Чорторыйскимъ сестрѣ своей Загоровской. Всѣ эти и подобные факты будутъ изложены и анализированы подробнѣе въ своемъ мѣстѣ (для уясненія вопроса, какъ относятся эти сдѣлки къ правамъ церковныхъ учрежденій на ихъ имущества и къ принципу неотчуждаемости ихъ).

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ способовъ пріобрѣтенія права патронатства является *избраніе патрона самимъ*

---

[1]) Кіев. Цент. Арх. кн. 2094, л. 694 на об.
[2]) Кіев. Цент. Арх. кн. 2048, л. 311 на об.

церковнымъ учрежденіемъ. Такой фактъ мы можемъ указать лишь въ исторіи Галицкой церкви, именно Уневскаго монастыря. Но этотъ фактъ, не смотря на свою исключительность, содержитъ въ себѣ весьма характерное общее указаніе на существо патронатства; онъ былъ бы невозможенъ при иномъ понятіи объ этомъ правѣ. Въ 1581 году чернцы, монастыря Уневскаго, Симеонъ Боршевскій—старшій игуменъ того монастыря со всею о Христѣ братіею своею, выхлопотали привилегію у кор. Стефана Баторія на опеку того монастыря Василію Болобану и затѣмъ пригласили его къ себѣ въ монастырь, гдѣ собрались сосѣди ихъ и подданные и просили его (какъ прежде письменно) такъ теперь устно принять на себя такую опеку. Тогда онъ, какъ сынъ церкви, ради св. обители, гдѣ погребены тѣла предковъ его, согласился взять эту опеку, согласно съ привилегіею короля. О. Боршевскій со всею братіею, отдаваясь ему со всѣмъ ихъ подданными того монастыря въ опеку, вручилъ ему королевскую грамоту, въ которой король приказываетъ, чтобы онъ, осмотрѣлъ монастырскіе грунты и описалъ знаки и урочища и затѣмъ охранялъ ихъ, какъ опекунъ. Тогда, собравшіеся въ монастырѣ, сѣвши на возы и на коней съ пріятелями и сосѣдями, отправились на осмотръ границъ; границы подробно были описаны согласно съ грамотою кор. Сигизмунда Августа и съ описаніемъ ихъ, которое прежде сдѣлалъ покойный Ванько Лагодовскій, *который предъ тымъ былъ опекуномъ монастыря.* Затѣмъ новый опекунъ даетъ слѣдующее торжественное обѣщаніе: „Я Василей Болобанъ, на прозбу отцовъ уневскихъ, водлугъ волѣ и росказаню короля его м., поднявшись тои опѣки, маюся печаловати такъ о грунты, яко о посполитые кривды, и якъ могучи боронити маю, за ознайменьемъ мнѣ отъ номѣненыхъ отцевъ; а они ижъ бы Господа Бога просили за короля е. м. и весь міръ христіянскій и зо родичи мои и за мене грѣшного“ [1]).

Эта *опека* есть несомнѣнно патронатство; она охватываетъ самую существенную задачу этого послѣдняго.

---

[1]) Ак. з. Рос. III. № 126.

Мы говоримъ, что такой фактъ, хотя бы исключительный, былъ бы невозможенъ, если бы подъ патронатствомъ разумѣлось только право соединенное съ экономическими и другими выгодами патрона. Здѣсь очевидно, что патронатство мыслилось, какъ обязательство, добровольная и безкорыстная услуга въ пользу церковнаго учрежденія, какъ „опека" въ истинномъ ея смыслѣ. Не патронъ ищетъ этого права, а патронируемое учрежденіе упрашиваетъ его и даже выхлопатываетъ заранѣе грамоту у короля на его имя съ цѣлію побудить, связать его волю. Ни о какихъ экономическихъ выгодахъ здѣсь рѣчи нѣтъ (хотя быть можетъ на дѣлѣ трудъ его оплачивался какимъ-либо способомъ). Дѣйствія опекуна не только опредѣляются королевскою грамотою, но и его собственнымъ торжественнымъ обязательствомъ въ отношеніи къ патронируемому монастырю. Вѣроятно, такое же значеніе имѣли и тѣ *„опекуны"*, которыхъ (какъ мы видѣли) избирали земства въ сѣверныхъ краяхъ Литовскаго государства, а равно и тѣ патроны, которымъ жаловалъ великій князь право подаванья безъ всякихъ правъ на пользованіе церковнымъ имуществомъ, о чемъ мы упомянули выше. Для насъ эти факты пригодятся при опредѣленіи сущности права поданья, къ чему перейдемъ вскорѣ.

Между указанными способами пріобрѣтенія права поданья мы еще не упоминали о томъ, который служилъ единственнымъ, или по крайнѣй мѣрѣ, важнѣйшимъ въ древней православной восточной церкви, именно о *ктиторствѣ*. Этотъ способъ примѣнялся и въ правѣ западно-русской церкви, но мы не даромъ поставили его на задній планъ; между другими вышеизложенными, это былъ наиболѣе слабый и нехарактерный источникъ права подаванья. Онъ примѣнялся лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда возникало новое поселеніе и въ немъ новая церковь, или когда основывался монастырь по инаціативѣ и за счетъ частнаго лица. Имущество, которое записывалъ основатель, называлось фундушемъ, а самъ основатель фундаторомъ (тоже, что́ ктиторъ). На коронныхъ земляхъ и въ такомъ случаѣ право подаванья оставалось за вел. княземъ

(за немногими исключеніями въ силу особыхъ привилегій). Въ собранныхъ нами актахъ мы имѣемъ только одинъ примѣръ чистаго примѣненія ктиторства къ праву поданья: именно выше былъ уже отмѣченъ фактъ продажи М. Гулевичемъ подворья въ Луцкѣ съ церковію св. Димитрія, основанною отцомъ продавца и обезпеченною отъ него имуществомъ, что̀ въ купчей и отмѣчено, какъ единственное основаніе правъ Гулевича на эту церковь [1]). Факты собранные другими писателями, извѣстны: Н. Д. Иванишевъ указываетъ: а) на основаніе кн. Ф. Андр. Сангушко, въ его имѣніи Мильцахъ, монастыря Мелецкаго св. Николая съ назначеніемъ фундуша изъ 5 селъ; б) на основаніе Вас. Загоровскимъ церкви въ с. Суходолахъ съ богадѣльнею; в) на основаніе кн. Бог. Фед. Корецкимъ въ своихъ имѣніяхъ трехъ монастырей: Корецкаго, Маренинскаго и Городискаго [2]). И только. Случаи ктиторства учащаются (особенно въ сѣверо-западной Руси) лишь послѣ введенія уніи, когда борющіяся стороны спѣшили воспользоваться правомъ поданья для пропаганды того вѣроисповѣданія, къ которому сами принадлежали. Ктиторы утверждали свое наданье на вѣчность, запечатлѣвая свою волю клятвами, обращенными къ сыновьямъ и потомкамъ своимъ, но не определяя судьбы имущества въ случаѣ прекращенія рода.

Но дѣло не въ томъ только, что подобные случаи въ болѣе древнее время относительно рѣдки, а въ томъ, что до XVI в., когда право поданья не слилось еще съ правомъ землевладѣнія, разсматриваемый источникъ права поданья не былъ самостоятельнымъ и въ свою очередь зависѣлъ отъ высшаго права господаря. Мы сейчасъ сказали, что основаніе, или возобновленіе монастыря или церкви на коронныхъ земляхъ не давало ктиторскихъ правъ фундатору: право подаванья оставалось за вел. княземъ; примѣромъ можетъ служить фактъ возобновленія двумя частными лицами монастырей Михайловскаго и Межигорскаго въ Кіевѣ,—фактъ

[1]) Кіевск. Центр. Арх. к. 2094, л. 694 на об.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, стр. XVIII—XIX, и 97.

приведенный выше. Но полагаемъ, что раньше право фундаторовъ подчинялось праву вел. князя и въ имѣніяхъ частновладѣльческихъ, ибо приходская церковь считалась учрежденіемъ общественнымъ, призваннымъ къ исполненію задачъ, которыми должно дорожить и государство. На эту мысль наводитъ одно рѣшеніе вел. князя Александра по спору о правѣ на церковь между частною владѣлицею имѣнія Крупскою и основательницею этой послѣдней, а съ другой стороны прихожанами той же церкви, не принадлежащими къ имѣнію Крупской. Великій князь рѣшилъ въ пользу послѣднихъ и позволилъ имъ перенести церковь на свою землю. Напротивъ тоже самое дѣло (1511 г.) преемникъ Александра Сигизмундъ I рѣшилъ въ противоположномъ смыслѣ, выставивъ принципъ о принадлежности правъ на церковь по землевладѣнію [1]) (ниже мы анализируемъ этотъ фактъ подробнѣе). Вел. князь Александръ, очевидно, держался древнихъ воззрѣній о правѣ государя заботиться о церквахъ, какъ общественныхъ учрежденіяхъ, на чьей бы землѣ онѣ ни были; а кор. Сигизмундъ сталъ уже на новую частную точку зрѣнія.

Только къ частнымъ ктиторамъ (а отнюдь не къ органамъ государства) могло-бы быть примѣнено право церковной власти лишать права ктиторства за нарушенія съ ихъ стороны этого права. Въ „свиткѣ Ярослава“ (памятникѣ, на которомъ основала свое право православная церковь въ Литвѣ), между прочимъ выражено, что въ случаѣ противодѣйствія власти епископа надъ священниками, князья и бояре могутъ утратить права ктиторства. Эта угроза апокрифическаго закона оставалась мертвою буквою. Впрочемъ мы знаемъ одинъ случай лишенія права „колляторства“ за проступки коллятора, именно расхищеніе церковнаго имущества; но этотъ случай относится уже къ уніатской церкви къ нач. XVIII в. и къ сѣверозападному краю. Дѣло происходило въ 1698—1702 г. о нѣкоемъ Песлякѣ, унаслѣдовавшемъ

[1]) Лит. Метр. изд. 1903 г., стр. 755—757.

коллягорскія права отъ своего дяди—основателя Борунскаго монастыря; онъ своимъ поведеніемъ относительно монастыря заставилъ митрополита (уніатскаго) лишить его колляторства, но не подчинился власти митрополита. Дѣло окончательно рѣшено свѣтскими судами—и наконецъ главнымъ трибуналомъ въ смыслѣ отнятія у Песляка его права[1]). Правда, ктиторы уже съ давнихъ временъ, въ своихъ грамотахъ въ пользу церкви, отдаютъ исполненіе своихъ поданій подъ надзоръ епархіальной власти, но этотъ надзоръ простирается только на случаи отнятія имущества у церкви преемниками ктитора, о чемъ упомянемъ въ своемъ мѣстѣ.

Каковы бы ни были первоначальныя ограничительныя условія частнаго патронатства, во всякомъ случаѣ въ концѣ концовъ, когда безусловныя права землевладѣнія утвердились за частными лицами, т. е. освобождены окончательно отъ вліянія государственной власти, то и въ отношеніи къ праву поданья произошелъ неизбѣжный переворотъ, именно оно вполнѣ сливается съ правомъ землевладѣнія (за ничтожными исключеніями); патрономъ церквей всякаго имѣнія необходимо признается землевладѣлецъ. Сфера вліянія вел. князя сократилась: она простирается теперь (въ XVII в.) только на церкви, находящіяся въ государственныхъ имуществахъ, территорія которыхъ сдѣлалась уже ограниченною. Общее начало принадлежности права поданья вел. князю только на коронныхъ имуществахъ выражено въ самомъ началѣ XVIII в. въ слѣд. грамотѣ 1701 г. того-же самаго короля Августа II, который, какъ мы видѣли, въ томъ-же 1701 году, въ другой грамотѣ заявилъ себя „туторомъ и протекторомъ всѣхъ духовныхъ лицъ, и учрежденій“: король даетъ номинату Луцкой епископіи Жабокрицкому привилегію на пожизненное право поданья (jus patranatûs et collationis) надъ всѣми православными партикулярными монастырями и приходскими церквами въ воеводствахъ Кіевскомъ, Волынскомъ и Браславскомъ въ коронныхъ имѣніяхъ *(in bonis nostris quibusvis rega-*

---

[1]) Ак. Вел. ком. т. XI, № 110.

libus znaydujący sh sie, *do dyspozycyey y collacyey naszey krolevskiey należących*"), во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ королевскихъ [1]). Хотя въ этой грамотѣ король поручаетъ Жабокрицкому спеціально только провѣрку правъ настоятелей монастырей и церквей на управляемыя ими учрежденія, но такъ какъ въ грамотѣ право, данное Жабокрицкому, именуется общимъ названіемъ jus patronatûs, то и надо разумѣть его въ обширномъ обще—употребительномъ смыслѣ. Мы же въ этомъ актѣ подчеркиваемъ ту важнѣйшую черту въ исторіи анализируемаго учрежденія, что, по убѣжденію самаго короля, его право простирается уже только на государственныя имущества (bona regalia).

Сущность и элементы права поданья. Въ виду всего сказаннаго выше, надо придти къ выводу, что право поданья не есть византійское ктиторство, т. е. право отдѣльнаго лица на то или другое, основанное имъ учрежденіе. Его значеніе гораздо шире и важнѣе: имъ обозначается отношеніе цѣлаго государства и общества къ церкви. Взятое въ идеѣ, это право представляло бы слѣдующія отношенія: государство и церковь не стремились ко взаимному разрыву; не отдѣленіе церкви отъ государства, а напротивъ тѣснѣйшая связь между ними тогда считалась благомъ какъ для государства, такъ и для церкви: церковь искала поддержки и защиты у государства; государство, даруя эту защиту, пріобрѣтало большое вліяніе на церковь. Въ частности въ Литовскомъ государствѣ православная церковь не стремилась (и не могла стремиться) поработить государство, какъ средневѣковое католичество. Государство (въ XVI в.) считало своею обязанностію покровительствовать церкви не потому, чтобы признавало своею задачею пропагандировать и поощрять восточное вѣроисповѣданіе, что̀ само собою понятно относительно правителей католиковъ. До уніи 1596 г. государство не было и гонителемъ православія, не принимая на себя не подобающей ему роли и не будучи теократическимъ. Цѣль патронатства была

---

[1]) Кіев. Цен. Арх., кн. 1609, л. 209.

государственная, а именно: всякое государство должно поддерживать и гарантировать не только экономическій быть и безопасность населенія, но давать возможность удовлетворенія духовныхъ потребностей его, т. е. научныхъ, художественныхъ и религіозныхъ, отнюдь не создавая само ни науки, ни искусства, ни религіи. Въ тѣ времена, т. е. въ XVI в., умственные и художественные интересы сосредоточивались главнымъ образомъ на религіи. Заботы о великолѣпіи храмовъ, величіи и красотѣ богослуженія и о церковныхъ школахъ замѣняли тогда всѣ современныя намъ вѣдомства и министерства, посвященныя наукѣ и искусству.—Церковь охотно подчинялась велѣніямъ государства и мѣрамъ общества, направленнымъ къ ея же благу: церковныя учрежденія находились въ тѣсной близости и подъ постояннымъ надзоромъ органовъ государства, общества и частныхъ лицъ, а потому злоупотребленія, въ которыя такъ часто впадали представители церкви при ея большихъ богатствахъ, не могли оставаться незамѣченными и чуждыми для мірянъ.

Само собою разумѣется, что мы говоримъ объ *идеѣ патронатства*, а не о тѣхъ нелѣпыхъ формахъ, въ которыя оно нерѣдко выливалось въ дѣйствительности. Однако отнюдь не слѣдуетъ думать, что идея эта на дѣлѣ была всегда пустымъ звукомъ и кромѣ вреда не приносила ничего. Мы уже привели выше тотъ случай, при которомъ великій князь счелъ нужнымъ выразить въ ясныхъ чертахъ, *въ чемъ должно состоять церковное патронатство* и какихъ цѣлей должно достигать оно; мы говоримъ о передачѣ вел. княземъ въ 1584 г. права поданья надъ Троицкимъ монастыремъ въ Вильнѣ городской общинѣ: патронъ (община) обязанъ смотрѣть за имуществомъ и доходами монастыря и хотя архимандритъ избирается также городскою общиною, тѣмъ не менѣе городъ избираетъ двухъ завѣдующихъ монастырскимъ хозяйствомъ изъ числа согражданъ; самые же доходы должны идти, кромѣ содержанія монастырскаго духовенства, на бѣдныхъ монахинь, церковныхъ слугъ, на устройство школъ и обученіе дѣтей. Этотъ (не единственный) примѣръ поучите-

ленъ потому, что здѣсь вел. князь выразилъ *все* значеніе патронатства, *все* то право *свое*, которое онъ передалъ городу; слѣдов. всѣ другія примѣненія этого права, съ которыми ознакомимся сейчасъ, личныя корыстныя выгоды, которыя оно давало особенно частнымъ лицамъ—патронамъ, должны быть признаны искаженіемъ этого права,—искаженіемъ, которое нерѣдко допускали и сами вел. князья. Но злоупотребленія (особенно усилившіяся въ XVII и XVIII в.в.), какъ бы часто они не повторялись, остаются всегда только злоупотребленіями, а не правомъ [1]). Имѣя же въ виду истинное, идеальное значеніе патронатства, мы находимъ въ немъ вѣрный презервативъ какъ противъ злоупотребленій духовенства церковными богатствами, такъ и противъ стремленій къ секуляризаціи и амортизаціоннымъ законамъ; въ самомъ дѣлѣ, если имущество церкви состоитъ подъ управленіемъ общественныхъ группъ или уполномоченныхъ свѣтскихъ лицъ и должно быть употребляемо на дѣла благочестія, благотворительности и просвѣщенія, то какая цѣль отнимать эти имущества?

Переходя къ изображенію дѣйствительности, мы должны разсмотрѣть права, входящія въ понятіе патронатства, каждое въ отдѣльности.

Чистовичъ [2]) говоритъ: „частными формами патронатскаго права были: 1, право покровительства (jus patronatûs) или попеченія о патронируемыхъ учрежденіяхъ, снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ и охраненія при всякихъ случаяхъ.

---

[1]) Король считаетъ своею обязанностью заботиться о благоустройствѣ православной церкви такъ же, какъ и католической: Сигизмундъ-Августъ въ 1546 г. далъ такую грамоту Кіевскому митрополиту Макарію: „узнавъ отъ многихъ князей и пановъ о безпорядкахъ, происходящихъ среди православнаго духовенства, а особенно среди самыхъ владыкъ, какъ напр. на Волыни, и о томъ, что ты (митрополитъ) того знать не хочешь и не прекращаешь.., находимъ необходимымъ, что бы ты собралъ соборъ изо всей твоей митрополіи“. Для созыва собора король самъ назначаетъ срокъ—на праздникъ Вознесенья въ Вильнѣ, и предупреждаетъ, что когда члены собора съѣдутся, то король самъ укажетъ, о чемъ имъ слѣдуетъ разсуждать (Ак. зап. Рос. III. № 3).

[2]) „Очеркъ ист. западно-русской церкви“, стр. № 197.

2, *право подаванья* (jus donandi), или отдачи монастырей и церквей извѣстнымъ лицамъ. 3, *право презенты, представленія* (jus praebendi, jus praesentationis), или рекомендаціи извѣстныхъ лицъ на должности священниковъ и монастырскихъ настоятелей и наконецъ 4, *право управленія и суда* въ опредѣленныхъ границахъ по отношенію къ общей подсудности церквей и монастырей государству и духовной власти". Такъ какъ первое изъ упомянутыхъ здѣсь правъ не есть право, а моральное обязательство, а второе и третье суть одно и тоже (если только подъ „отдачею монастырей и церквей" не разумѣть право отчужденія патронатства), то мы установимъ другую, именно слѣдующую схему элементовъ права подаванья: 1, законодательство (право давать уставы церковному учрежденію), съ чѣмъ соединяется и наблюденье за исполненіемъ устава, т. е. власть управленія; 2, судебная власть и судебное представительство; 3, право назначенія духовныхъ властей (митрополита, епископовъ, настоятелей монастырей и церквей) и 4, право патрона въ отношеніи къ имуществамъ церковнаго учрежденія (для нашей теперешней цѣли самое важное и существенное).

1, Въ каноническомъ отношеніи главнѣйшее значеніе имѣетъ *законодательная и судебная власть патрона;* патронъ обладаетъ правомъ предписанія церковному учрежденію новыхъ уставовъ. По общему порядку каждый патронъ имѣлъ такое право; но иногда государственная власть (вел. князь) жалуетъ кому либо это право, какъ спеціальное, не предоставляя другихъ патрональныхъ правъ. Напримѣръ въ 1511 г. король Сигизмундъ I даетъ князю К. И. Острожскому, по его просьбѣ, право установить въ Жидичинскомъ монастырѣ св. Николая общину „и рядъ справити, по закону греческому". Король даетъ это право, какъ награду, князю за его вѣрную службу и предоставляетъ монастырь „въ его моцъ и опеканье" пожизненно. Общинное устройство, которое установитъ князь Острожскій, должно оставаться нерушимымъ вѣчно [1]). Ни о какихъ другихъ правахъ патронат-

---

[1]) См. этого тома № XXXIV.

ства не упоминается. Наоборотъ одно изъ важнѣйшихъ правъ, т. е. право выбора и рекомендаціи настоятелей прямо въ самой же королевской грамотѣ предоставляется не князю Острожскому, а князьямъ, панамъ и земянамъ Волынской земли вмѣстѣ съ монахами. Впрочемъ никакого нѣтъ сомнѣнія, что въ пожизненное право Острожскаго входитъ надзоръ за соблюденіемъ даннаго имъ устава, ибо только въ этомъ и можетъ заключаться „моцъ и опеканье", предоставленныя ему королемъ, т. е. власть законодательная въ этомъ случаѣ неизбѣжно соединяется съ властію управленія.

Великій князь нерѣдко предоставляетъ выработку уставовъ своимъ намѣстникамъ и воеводамъ, конечно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о церковныхъ учрежденіяхъ, состоящихъ въ непосредственномъ патронатствѣ вел. князя; самъ государь, какъ католикъ, не могъ взять этого на себя.

Что касается до содержанія уставовъ, то они могутъ обнимать всю внѣшнюю жизнь учрежденія (не касаясь собственно церковныхъ порядковъ, напр. богослуженія), причемъ, однако, весьма близко подходятъ къ вопросамъ о монашеской дисциплинѣ и морали; въ этихъ уставахъ патронъ можетъ опредѣлить порядки устройства и управленія даннаго учрежденія, именно установить новыя должности и обозначить кругъ ихъ функцій, предписать обязанности какъ для цѣлаго учрежденія, такъ и для отдѣльныхъ органовъ его управленія, распредѣлить доходъ между отдѣльными категоріями лицъ, составляющихъ учрежденіе, узаконить право наслѣдства послѣ физическихъ лицъ, входящихъ въ него, обозначить порядокъ жизни членовъ учрежденія (въ монастыряхъ—порядки трапезы, правила о выходѣ за стѣны монастыря и пр.); далѣе въ уставъ входятъ постановленія объ имущественныхъ правахъ отдѣльныхъ лицъ и правахъ цѣлой общины, напр. правѣ на келью, занимаемую монахомъ, оставляющимъ монастырь; наконецъ порядки управленія церковными имѣніями и полученія доходовъ съ нихъ. Все это главнымъ образомъ относится къ поданію монастырей, въ которыхъ подобными уставами патроны вводили общину.

Такъ въ 1551 г. въ Печерскомъ монастырѣ [1]) постановленъ подобный уставъ Кіевскимъ воеводою княземъ Фридр. Глѣб. Пронскимъ (отъ имени великаго князя—высшаго патрона этого монастыря). Онъ въ своемъ уставѣ отстранилъ архимандрита отъ завѣдованія экономическою частію и ввелъ для этой послѣдней новыя должности эконома и палатника. Уставъ утвержденъ потомъ королемъ.

Интересный примѣръ осуществленія законодательныхъ правъ подавцы представляетъ исторія Супрасльскаго монастыря. Мы воспользуемся главными фактами этой исторіи; хотя самое учрежденіе стоитъ внѣ нашего специальнаго района, но она даетъ нѣкоторыя характерныя черты для предмета, котораго мы касаемся. Въ ней, между прочимъ, затрогивается вопросъ: имѣетъ ли право ктиторъ (патронъ) давать уставы монастырю безъ согласія высшей церковной власти. Ктиторами этого монастыря были митр. Іосифъ Солтанъ и Александръ Ивановичъ Ходкевичъ („посполиты ктиторы тоя новоцвѣтвующіа ангельскыя ограды"). Поэтому первый уставъ 1510 г. дается монастырю совокупною волею обоихъ ктиторовъ („похотѣхомъ нашою доброю волею и накладомъ соорyжити монастырь инокамъ иноческаго общаго равножительства", т. е. общины). [2]) Но затѣмъ въ 1568 г. уже безъ участія митрополита, ктиторы Григорій и Юрій Ходкевичи даютъ монастырю новый уставъ, касающійся подробностей церковной и хозяйственной жизни монастыря; при этомъ ктиторы отказались отъ всякихъ доходовъ съ монастырскихъ имуществъ и пользованія работами монастырскихъ крестьянъ, а также отъ вмѣшательства въ финансовое управленіе дѣлами монастыря, предоставляя все это архимандриту съ братіею [3]). Ктиторомъ, какъ видно изъ этого акта, считался не одинъ старшій представитель фамиліи Ходкевичей, но вся

[1]) Ак. зап. Рос. III. № 10. Измѣненія, дополненія и отмѣны въ уставѣ Печерскаго монастыря повторялись много разъ волею великокняжескихъ Кіевскихъ намѣстниковъ и воеводъ.

[2]) Арх. Сборн. т. IX, № 5.

[3]) Археогр. Сборн. IX, № 22.

фамилія въ совокупности. Однако между членами фамиліи всегда былъ старшій, который иногда и выступаетъ единолично въ качествѣ законодателя для монастыря. Именно въ 1603 г. Іеронимъ Ходкевичъ, „панъ Виленскій староста Берестейскій, подавца и ктиторъ монастыря Супрасльского", заявляетъ, что онъ, „будучи старшимъ ктиторомъ церкви Божіи и всего монастыря Супрасльского", даетъ монастырю новый уставъ. Мотивомъ для этого послужило то обстоятельство, что „монахи своевольно жили и мѣшкали"; своимъ уставомъ онъ имѣетъ въ виду „злые обычаи направить и постановленія давнія ослабѣвшія подкрѣпить". Это не означаетъ однако, что ктиторъ хочетъ только возстановить и повторить старый уставъ [1]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ участія митрополита ни въ качествѣ высшей церковной власти, которая, повидимому, должна бы наблюдать за соотвѣтствіемъ монастырскихъ уставовъ канонамъ, ни въ качествѣ соучастника въ ктиторствѣ Супрасльскаго монастыря. Но когда въ 1627 г. Христофоръ Ходкевичъ далъ свои постановленія спеціально объ отношеніи ктитора къ митрополиту и о внутренней жизни монастыря, то Кіевскій (уніатскій) митрополитъ Іосифъ Рутскій предалъ суду архимандрита Супрасльскаго Велинонтія за то, что онъ своею подписью изъявилъ согласіе исполнять уставъ, данный противно церковнымъ канонамъ. Судебное дѣло, начатое митрополитомъ противъ самого Ходкевича, разсматривалось въ обыкновенныхъ общихъ судахъ (земскомъ, гродскомъ и Виленскомъ трибуналѣ) и, наконецъ, рѣшено самимъ королемъ въ пользу духовной власти [2]). Но рѣшенія этихъ судилищъ совсѣмъ не поучительны для принципіальныхъ выводовъ объ отношеніи ктитора къ духовной власти, ибо въ такого рода вопросахъ подобныя судилища совсѣмъ не компетентны при совершенномъ отсутствіи какихъ либо указаній въ свѣтскомъ законѣ.

---

[1]) Археогр. Сборн. IX, № 36.

[2]) Ibid. Всѣ вышеприведенныя цитаты относительно Супрасльскаго монастыря взяты изъ такъ называемой Супрасльской лѣтописи.

2, Право *судебнаго представительства* и защиты церковныхъ учрежденій отъ правонарушеній, совершаемыхъ сторонними лицами, принадлежитъ патрону (вмѣстѣ съ лицами, начальствующими въ учрежденіи—настоятелями), хотя бы правонарушеніе совершено было лицомъ, облеченнымъ высшею епархіальною властію; напр. въ 1596 г. жалоба о нападеніи на Ильинскій монастырь владыки Ипатія Потѣя занесена была въ гродскомъ Владимірскомъ судѣ Загоровскою, патронессою этого монастыря[1]). Въ 1593 г. жалоба на пана Лодзинскаго о нападеніи на монастырь Дорогобужскій заявлена въ Луцкомъ гродскомъ судѣ архимандритомъ этого монастыря Феофаномъ Бабацкимъ отъ себя „и именемъ княжати Константина Острожскаго..., яко фундатора церкви святое Пречистое монастыря Дорогобужскаго“[2]).

Для насъ въ особенности интересно право судебной власти самого вел. князя, истекающее изъ его патрональныхъ правъ. Послѣ уніи 1569 года права эти урѣзывались и общими законами (статутами) и частными сеймовыми конституціями. Такъ великій князь, какъ патронъ и „оборонца“ церкви, прежде принималъ къ своему суду всякіе споры и жалобы о церковныхъ имуществахъ, напр. о захватѣ такихъ имѣній кѣмъ-либо изъ стороннихъ лицъ; теперь шляхетство ревниво оберегаетъ свое право судиться предъ обыкновенными, вновь установленными органами суда, т. е. судами земскими и шляхетскимъ трибуналомъ; это объясняется нетолько стремленіемъ къ огражденію шляхетскихъ правъ вообще, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что захватчиками были, обыкновенно люди шляхетскаго сословія; а общегосударственные органы суда, по составу своему, были именно шляхетскими. Въ 1579 г. архимандритъ Кіево-Печерскій Мелетій Хребтовичъ (который вообще энергично отстаивалъ имущественныя права своего монастыря) обратился къ королю съ жалобою сразу противъ двухъ князей, захватившихъ Печерскія земли, а именно князя Полубенскаго, завладѣвшаго се-

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 121.

[2]) Ibid № 93.

ломъ Волницы съ приселками Межилѣсьемъ, Дубровою и Положевичами, и противъ князя Ярослава Ярославича Микитинича о захватѣ земли и людей въ Любнащахъ. Повѣреннымъ обоихъ князей явился одинъ—нѣкій Адамъ Мархачъ, который и предъявилъ отводъ о некомпетентности великокняжескаго суда, помимо установленныхъ органовъ; съ тѣмъ согласился и король [1]).—На какой законъ могъ сослаться Мархачъ въ 1579 г., мы не знаемъ; но потомъ вопросъ *о процессуальныхъ особенностяхъ (возникшихъ отчасти изъ права подання)* рѣшенъ въ 1584 г. (дек. 24) на главномъ съѣздѣ въ Волковыйскѣ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ; тамъ было составлено нѣсколько артикуловъ для новаго статута, касающихся спеціально духовныхъ лицъ и учрежденій и ихъ имуществъ. Эти артикулы были представлены для утвержденія короля кардиналомъ бискупомъ Виленскимъ Юріемъ Радивиломъ. Въ артикулѣ 33-мъ (по порядку статута) содержится постановленіе о порядкѣ тяжебныхъ дѣлъ по имуществамъ между свѣтскими лицами и церковными учрежденіями, а именно: если дѣло идетъ о духовныхъ имѣніяхъ, которыя пожалованы королями и службѣ земской военной не подлежали, то искъ долженъ быть направленъ къ королю, который и поручаетъ разсмотрѣніе дѣла своимъ комиссарамъ (это, впрочемъ, было установлено еще въ 1568 г., по пунктамъ митр. Іоны: п. 7 [2]). Если-же имѣнія церковныя пожертвованы князьями, панами и земянами-шляхтою, то обиженный долженъ искать въ обыкновенныхъ судилищахъ (земскихъ); судъ земскій долженъ отослать жалобу мѣстному подкоморію; подкоморій имѣетъ право послать вызовъ къ суду какъ къ тому духовному лицу, которому принадлежитъ имѣніе, такъ и къ „подавцу“ (патрону). Давность исковъ между церковными и свѣтскими имѣніями полагается такая-же, какъ между государственными и шляхетскими имѣніями [3]). Въ этомъ узаконеніи установлена очень важная разница между

---

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 111.

[2]) Ак. з. Рос. III, № 43.

[3]) Ак. з. Рос. III, № 161.

церковными имуществами по ихъ источникамъ: дѣла по имуществамъ, пожалованнымъ государственною властію, рѣшаются государемъ; здѣсь нѣтъ рѣчи о патронахъ, ибо въ такомъ случаѣ верховнымъ патрономъ былъ самъ вел. князь. Имущества, пожертвованныя частными лицами, которыя и считаются патронами, подлежатъ обыкновеннымъ судамъ; патроны-же являются, вмѣстѣ съ владѣльцами церковныхъ имуществъ, сторонами въ процессѣ, т. е. или истцами, или отвѣтчиками.

Что касается до правъ частныхъ патроновъ судить и наказывать духовныхъ лицъ, состоящихъ въ ихъ патронируемомъ учрежденіи, то въ Литовскомъ государствѣ церковная власть всегда относилась къ этому отрицательно, а между тѣмъ патроны весьма нерѣдко осуществляли это право; мы уже видѣли, какъ намѣстники княгини Слуцкой судили поповъ, сажали ихъ въ замковую тюрьму и брали съ нихъ штрафы. Мы говорили также, что митрополитъ, при обсужденіи правъ Виленской городской общины на подаванье Виленскихъ церквей, не согласился предоставить право суда надъ духовенствомъ городскимъ властямъ и далъ имъ только право представлять виновныхъ на судъ его—митрополита. Въ общемъ постановленіи 1499 года было спеціально выражено, что власть митрополита и епископовъ судить церковныхъ людей не должна встрѣчать противодѣйствія ни со стороны коронныхъ чиновниковъ, ни со стороны католическаго духовенства, свѣтскихъ пановъ и органовъ городского самоуправленія. Но на практикѣ, какъ видно изъ представленныхъ сейчасъ фактовъ, такое постановленіе постоянно нарушалось, не смотря на неоднократное подтвержденіе его вел. князьями. Избѣжать примѣненія патрональнаго суда надъ священниками въ сельскихъ приходахъ было тѣмъ труднѣе, что въ Литовскомъ государствѣ дѣйствовалъ и былъ признанъ закономъ панскій судъ надъ всѣми лицами, принадлежащими къ имѣнію, хотя въ отношеніи къ духовнымъ лицамъ право такого суда могло опираться только на право поданья, а не вотчинное.

Что касается спеціально монастырей, то мы не имѣемъ фактовъ примѣненія судебной власти патрона, именно власти судить и наказывать монашествующихъ за нарушеніе устава и монастырской дисциплины, но должны непремѣнно предполагать его въ виду тѣсной связи законодательной власти съ управленіемъ, какъ указано выше.

Имущественныя тяжбы, возникающія въ сферѣ патронатства, рѣшаются безусловно патрономъ. Такъ рѣшена въ 1548 г. кн. Сангушкою—Ковельскимъ тяжба между священникомъ и прихожанами церкви, во владѣніи князя, о землѣ; рѣшеніе дано формальное, письменное [1]).

Указанныя права, входящія въ составъ права поданья, въ особенности же тѣ, о которыхъ будемъ говорить сейчасъ, повидимому, далеко отстоятъ отъ нашей прямой задачи (т. е. уясненія имущественныхъ правъ церкви); но между ними и этимъ послѣднимъ предметомъ есть тѣснѣйшая связь: законодательныя и судебныя права патроновъ касаются функцій церковныхъ учрежденій, главнымъ образомъ имущественнаго характера: назначеніе лицъ на церковныя должности опредѣляетъ личный составъ этихъ учрежденій, которому вручаются имущественныя права ихъ.

3, Существеннымъ правомъ патрона является *назначеніе лицъ на церковныя должности*: митрополита и владыкъ—вел. княземъ, а настоятелей монастырей или церквей также вел. княземъ, или частными владѣльцами (въ томъ числѣ и лицами духовными) смотря по принадлежности.

Прежде всего остановимся на назначеніи владыкъ вел. княземъ, такъ какъ это явленіе особенно обращаетъ на себя вниманіе по исторической важности для судьбы русскаго населенія въ западной Россіи и судьбы главнѣйшихъ имуществъ церкви.

Это право вел. князей Литовскихъ наслѣдовано ими (какъ замѣчено уже нами) отъ древнихъ Рюриковичей [2]).

---

[1]) См. этого тома № LXIX.

[2]) Чистовичъ (стр. 203) говоритъ: „*въ первое время* епископы избираемы были духовною властію и народомъ и утверждались королемъ. Но *потомъ*

Въ Литовскую эпоху, когда вел. князь отдѣлился отъ господствующаго населенія вѣроисповѣданіемъ, тоже явленіе получило иную окраску.

А потому насъ не должны удивлять такіе факты, которые съ перваго взгляда могутъ показаться вполнѣ безобразными. Не имѣя въ виду представлять полную и связную исторію высшей іерархіи западно-русской церкви, напомнимъ лишь немногіе факты, относящіеся къ южно-русской церковной исторіи.

Со времени отдѣленія западно-русской митрополіи отъ сѣверно-русской, границы первой (т. е. Кіевской) уже совпадали съ границами великаго княжества Литовскаго (переходя отчасти за эту черту въ Галиціи, принадлежавшей Польшѣ). Съ тѣхъ поръ вел. князь распоряжался назначеніемъ Кіевскихъ митрополитовъ такъ-же, какъ Московскій вел. князь назначеніемъ Московскихъ митрополитовъ. Право монарха католика, повидимому должно-бы уступать подобному праву благовѣрныхъ великихъ князей Московскихъ, но право это поддерживалось именно полномочіями вел. князя жаловать имущества митрополіи, т. е. принадлежащимъ вел. князю верховнымъ правомъ подаванья.

Поданье, въ смыслѣ выбора представителей церковныхъ учрежденій, есть собственно *рекомендація* избраннаго лица, а не назначеніе,—рекомендація высшей духовной власти, отъ которой зависитъ посвященіе кандидата. Вел. князья Литовскіе держались этого понятія гораздо строже, чѣмъ вел. князья Московскіе. Въ Литвѣ (при назначеніи митрополита) *не возникало мысли объ отдѣленіи православной церкви отъ Константинопольскаго патріарха* (помимо уніи съ Римомъ), между тѣмъ, какъ въ Москвѣ, какъ извѣстно, уже въ XV в.

короли Сигизмундъ Стар., Сигизмундъ-Августъ и особенно Баторій... *присвоили* себѣ назначеніе епископовъ и мало по малу обратили епископскія кафедры въ свои бенефиціи, которыми награждали за заслуги военныя и гражданскія". Но уже *въ XIV в.* ищущіе епископіи предлагаютъ королю деньги за назначеніе. Вел. князь Московскій также распоряжался епископскими кафедрами; съ другой стороны и при Сигизмундахъ голосъ населенія имѣлъ вѣсъ при выборѣ кандидатовъ на кафедры.

сѣверно-русская церковь стала автокефальною. Лишь одинъ разъ, именно въ 1497 г., былъ случай избранія и посвященія въ митрополиты (Макарія) соборомъ русскихъ епископовъ безъ предварительнаго сношенія съ Константинополемъ. Но случай этотъ не ознаменовалъ стремленія къ отдѣленію отъ патріархата и не повторился. При избраніи предшественника Макарія—Іоны Глѣзны въ Царьградъ была послана торжественная рекомендація всѣхъ православныхъ русскихъ князей. И послѣ Макарія неизмѣнно продолжается обращеніе къ патріарху при каждомъ преемствѣ Кіевскихъ митрополитовъ; въ 1576 г. митрополитъ Іона сдалъ свои обязанности королевскому дворянину Ильѣ Кучѣ, который управлялъ митрополіею цѣлый годъ, а когда умеръ въ 1577 г. Іона, то король отправилъ грамоту патріарху Іереміи, въ которой Илья именуется уже владыкою и патріархъ извѣщается, что онъ (Илья) уже „отъ насъ господаря паданъ и преложонъ на тое достоинство“; патріарха просятъ благословить его „по закону вашему“.— Очевидно, что право вел. князя при назначеніи митрополита и епархіальныхъ владыкъ состоитъ во врученіи избранному лицу имуществъ митрополіи (или владычества), что и дѣлается обыкновенно раньше посвященія избраннаго въ соотвѣтствующій санъ. Такъ какъ патріархи не противодѣйствовали въ этомъ великому князю Литовскому, то здѣсь и не могло произойти явленій, сходныхъ съ западно-европейской борьбою за инвеституру.

Отсюда же проистекаютъ всѣ дальнѣйшія условія выбора и назначенія митрополитовъ и владыкъ.

Великій князь могъ сдѣлать выборъ *лично по своему усмотрѣнію*, сообразуясь или съ цѣлями государственнаго блага, какъ онъ понималъ его, или съ личными выгодами. Такъ какъ дѣло шло о дарованіи пожизненнаго владѣнія имуществами, то ничего нѣтъ удивительнаго, если выборъ будетъ подчиненъ денежнымъ интересамъ: въ 1398 г. Луцкій епископъ Іоаннъ, прося короля Владислава дать ему митрополію, обѣщаетъ уплатить за то королю 200 гривенъ и 30 коней [1]).

---

[1]) Ак. зап. Рос. I, № 42.

Нельзя разсматривать этотъ фактъ, какъ простой подкупъ, или симонію; король никого не производитъ ни въ епископы, ни въ митрополиты; онъ получилъ бы 200 грив. за экономическую сдѣлку—передачу имущественныхъ правъ. Дѣло духовной власти—подчиниться, или не подчиниться выбору короля. Когда дѣло шло о выборѣ прихожанами простаго священника, то митрополитъ и владыки ставили условіемъ: если представленный имъ годенъ, то посвятятъ, если не годится, то нѣтъ.—Само собою разумѣется, что главѣ государства не приличествовало, изъ за денежныхъ интересовъ, насиловать волю представителей церкви, зная, что они не легко могутъ противодѣйствовать его выбору; мы и не знаемъ, какъ поступилъ король Владиславъ въ приведенномъ случаѣ и другихъ фактовъ открытой продажи епископій не знаемъ. Но окружающіе короля сановники и королевская канцелярія несомнѣнно получали доходы отъ назначеній епископовъ.

Въ лучшихъ и (полагаемъ) болѣе частыхъ случаяхъ воля великаго князя предрасполагалась при выборѣ епископовъ и митрополитовъ—*избраніемъ кандидатовъ со стороны населенія.* Такъ при назначеніи митрополитомъ Іоны Глѣзны, въ грамотѣ къ патріарху было написано отъ имени русскихъ (т. е. православныхъ) князей слѣд.: „взысканію многу бывшу во всѣхъ странахъ державы господаря нашего, обрѣтохомъ мужа свята, имѣющаго въ разумныхъ правителя христіанству, достойна вѣры, въ писаніяхъ сугубо наказаннаго, могущаго иныхъ пользовати и противящимся закону нашему славнаго взбранителя и устъ таковымъ затыцателя“ [1]).

Выше, говоря о субъектахъ права патронатства вообще, мы уже приводили фактъ (1562 г.), когда великій князь даетъ архіепископство Полоцкое Арсенію, „по челобитью бояръ, шляхты, мѣщанъ и всего посполъства земли Полоцкой“. Полагаемъ, что вообще не соборъ епископовъ былъ главнымъ органомъ, дѣйствующимъ при выборѣ владыкъ,

¹) Арх. Сборн. I, № 2.

а именно земства, согласно съ характеромъ православной церкви, въ которой не одна іерархія составляетъ церковь.

Когда дѣятельность земствъ ослабѣла, то рекомендація на должность владыкъ шла отъ отдѣльныхъ лицъ, пользовавшихся наибольшимъ значеніемъ въ государствѣ; такъ митр. Іона II былъ назначенъ по настоянію королевы Елены Ивановны (въ 1503 г.); Пафнутій получилъ Луцкую каѳедру по рекомендаціи кн. К. И. Острожскаго (въ 1526 г.).

Такъ какъ назначеніе на епископію означало (съ точки зрѣнія государственной) передачу имущественныхъ правъ, то отсюда явилась возможность такихъ способовъ назначенія, которыя имѣютъ характеръ гражданскихъ сдѣлокъ, а именно *переуступки правъ кому-либо правящимъ владыкою*, съ утвержденія вел. князя; уступающій отрекается отъ пользованія своими пожизненными правами по день смерти, а великій князь утверждаетъ не только эту частную сдѣлку, но и даетъ права на всю жизнь пріобрѣтающаго. Уступка владычества дѣлается самымъ распространеннымъ способомъ назначенія епископовъ: м. Макарій II (1534—1555 г.) испросилъ себѣ у короля „хлѣбъ духовный“ на основаніи уступочнаго акта предшествующаго митрополита (Іосифа III); Сильвестръ Бѣлковичъ получилъ право на митрополію при жизни Макарія. Для насъ особенно интересна передача правъ на митрополію м̃. Іоною Протасовичемъ (1568—1577 г.) королевскому дворянину Ильѣ Якимовичу Кучѣ; она выражена въ такой формѣ: „находясь въ преклонномъ возрастѣ и не имѣя возможности исполнять службу Божію, какъ слѣдовало бъ, я уступилъ („спустилъ“) архіепископство Кіевское Ильѣ Кучѣ, оставивши за собою пожизненно только духовныя дѣла“; король, на основаніи этой уступочной записи и по ходатайству пановъ-радъ, далъ Ильѣ Кучѣ митрополію Кіевскую съ тѣмъ, что при жизни Іоны, онъ будетъ управлять ею, а по смерти митрополита получитъ всю его власть [1]). Мы уже упомянули, что въ слѣдующемъ году Илья получилъ

---

[1]) Ак. зап. Рос. III. № 71.

отъ патріарха „благословеніе“. Нѣтъ ничего удивительнаго, что вел. князь охотно соглашался на подобныя уступки, ибо запись митрополита—предшественника означала рекомендацію лица весьма компетентнаго; извѣстно, что народъ въ В. Новгородѣ часто слѣдовалъ *завѣщательнымъ указаніямъ* предшествовавшаго владыки.

Но эти уступочныя записи при жизни правящаго владыки могли сопровождаться и сопровождались денежными интересами; уступающій выговаривалъ себѣ на всю жизнь пользованіе имуществами церкви; такъ въ 1580 г. владыка Луцкій Феодосій „тое владыцтво за дозволеніемъ славной памяти кор. Стефана... велебному Мелентию Хребтовичу... спустилъ“ [1]), заключивъ съ нимъ арендный контрактъ, по которому новый (нареченный) владыка отдалъ въ арендное содержаніе прежнему епископу „владычество“ (т. е. церковныя имѣнія) до конца жизни Феодосія, съ полученіемъ арендной платы впередъ, именно 1000 злот. польскихъ [2]). Сдѣлки такого рода, не смотря на ихъ неблаговидность, повидимому, не затрогиваютъ существенныхъ интересовъ церкви: уступающій владыка не можетъ передать своему преемнику *всей* власти, ибо получившій уступочную запись, не только свѣтское лицо (какъ Илья Куча), но и архимандритъ (какъ Мелетій Хребтовичъ), не имѣя епископскаго сана, не могъ исполнять функцій, соединенныхъ съ этимъ саномъ. Правящій владыка оставляетъ за собою „духовныя дѣла“; будущій преемникъ его есть пока только управляющій имѣніями и можетъ быть помощникъ при разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ. Этимъ замѣняется институтъ викаріатства, какъ извѣстно, отсутствовавшій въ древне-русской церкви (единичный фактъ о „*дворномъ епископѣ*“ владыки Владимірскаго, упомянутый выше, требовалъ бы особаго уясненія, которое здѣсь не у мѣста).

Но „уступки“ проложили путь такимъ мѣрамъ назначенія владыкъ, которыя несомнѣнно были уже злоупотребленіями власти великихъ князей; а именно:

---

[1]) Кіевск. Центр. Арх., кн. 927, л. 308 на об.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 23.

Вел. князь назначаетъ преемниковъ владыкъ при жизни этихъ послѣднихъ, безъ сдачи или раздѣла власти. Это такъ сказать „владыки in spe"; такъ Пафнутій, при жизни Луцкаго епископа Кирилла получилъ (въ 1526 г.) право на епископію Луцкую по смерти этого послѣдняго [1]. Это не помощники и не „нареченные" епископы, а кандидаты, ждущіе смерти владыки. Понятно, какъ этимъ предупреждается всякій правильный выборъ преемника владыки. Право на владычество дается не по ходатайству и указанію предшественника, а по собственной просьбѣ искателя, чѣмъ открывается дорога для всяческихъ незаконныхъ подступовъ и выпрашиваній. Правда, и при этомъ возможно ходатайство и рекомендація стороннихъ лицъ, напр. въ преемники Пафнутія назначается на Луцкую кафедру Макарій, владыка Туровскій, по ходатайству Рады [2]; но это уже ходатайство за извѣстное лицо, а не выборъ между многими достойными. Назначеніе на будущія вакансіи повторялось въ XVI в. постоянно; между тѣмъ уже въ самомъ началѣ XVI в., именно на соборѣ 1509 г. было постановлено: „не искать мѣста при жизни епископа, игумена или священника и не назначать на мѣста живыхъ".

Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ того же явилась возможность для вел. князя *назначенія свѣтскихъ лицъ на должность епископа.* Если самъ митрополитъ можетъ уступить свою должность какому нибудь королевскому дворянину, то тѣмъ болѣе можетъ это сдѣлать великій князь. Ниже мы укажемъ существованіе свѣтскихъ лицъ игуменами монастырей; тоже было и съ епископіями. Въ сущности вел. князья могли не считать это вопіющимъ злоупотребленіемъ: король въ правѣ дать „хлѣбъ духовный" кому хочетъ; духовная власть должна смотрѣть, чтобы это лицо выполнило и каноническія условія назначенія. Предполагалось, что свѣтское лицо, получивши пожалованіе отъ вел. князя, вступитъ потомъ въ монашескій и епископскій санъ; пока же оно есть только *наре-*

---

[1]) Ак. зап. Рос. II, № 146.
[2]) Ак. зап. Рос. II, № 151.

ченный епископъ. Въ такомъ качествѣ оно есть законный владѣлецъ церковныхъ имуществъ и можетъ не спѣшить съ выполненіемъ каноническихъ условій-посвященія. Какъ извѣстно, нареченное епископство существовало и въ другихъ краяхъ православнаго міра, напр. В. Новгородѣ. Такъ вел. князь назначилъ свѣтскихъ лицъ Марка Жоравницкаго на Луцкую кафедру, а Ивана Борзобогатаго-Красенскаго—на Владимірскую. Оба они долго оставались свѣтскими епископами, а Иванъ Борзобогатый пребывалъ въ такомъ званіи до самаго перевода своего на Луцкое владычество и затѣмъ съ трудомъ уступилъ настояніямъ митрополита, принявъ монашескій и епископскій санъ. Какія епископскія функціи могъ отправлять свѣтскій владыка, насъ не касается; но онъ несомнѣнно былъ правомочнымъ субъектомъ церковныхъ имуществъ (которыми Иванъ Борзобогатый и распоряжался весьма свободно и во Владимірѣ и въ Луцкѣ).

Но такое назначеніе свѣтскихъ лицъ на епископіи могло повлечь за собою новыя послѣдствія, которыя съ канонической точки зрѣнія являются уже рѣшительнымъ беззаконіемъ. А именно: вел. князь можетъ вручить епископскія (собственно имущественныя) правà лицу другого вѣроисповѣданія, не обусловивши пожалованія перемѣною религіи. Имѣемъ въ виду слѣдующій случай: еще въ 1564 г. имѣлъ какое-то отношеніе къ церковному имѣнію Квасовъ (епископіи Владимірской) нѣкто Станиславъ Жолковскій, польскій шляхтичъ Бѣльскаго повѣта. Судя какъ по имени, такъ и по происхожденію это былъ католикъ; тѣмъ не менѣе король (вѣроятно Сигизмундъ-Августъ) пожаловалъ ему „право на епископію Владимірскую". Дѣйствительнымъ (наличнымъ) епископомъ былъ еще Феодосій. Мы не знаемъ какъ Жолковскій осуществлялъ свое право; но еще при жизни Феодосія нареченнымъ епископомъ Владимірскимъ пожалованъ былъ отъ короля архим. Печерскій—извѣстный Мелетій Хребтовичъ. Тогда, именно въ 1580 г., между сыномъ Жолковскаго (также Станиславомъ) и Мелетіемъ Хребтовичемъ состоялась сдѣлка, по которой новый нареченный епископъ отдаетъ

младшему Жолковскому имѣніе Квасовъ въ пожизненное владѣніе, а Жолковскій съ своей стороны (отъ имени отца) уступаетъ Хребтовичу право на епископію Владимірскую, пожалованное старшему Жолковскому королемъ. Для этого составленъ былъ сторонами особый актъ, по которому младшій Жолковскій „все право, листы и привиля его корол. мил., ему на владычество Владимирское и Берестейское даные, уморилъ, скасовалъ и ни во што обернулъ“, такъ что ни онъ самъ, ни дѣти его не имѣютъ уже права претендовать на владычество Владимірское. При этомъ право пожизненнаго владѣнія Жолковскаго церковнымъ имѣніемъ должно быть прекращено смертію Мелетія Хребтовича, если онъ умретъ раньше правящаго владыки, Феодосія[1]). Мы не будемъ настаивать на своемъ предположеніи о томъ, что Станиславъ Жолковскій, нареченный епископъ, былъ католикъ (по аналогіи фактовъ на счетъ монастырей въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго). Во всякомъ случаѣ очевидно, что пожалованіе Жолковскому не было обусловлено никакими каноническими требованіями. Иначе невозможны были бы дальнѣйшія явленія, вполнѣ анти-каноническія; а именно: *право на епископію могло перейти по наслѣдству* (конечно, въ мужскомъ поколѣніи), ибо въ анализируемомъ фактѣ отказъ отъ права совершенъ *сыномъ* привилегіата, и этотъ сынъ отрекается за себя и *дѣтей* своихъ. Во вторыхъ право это могло быть *уступлено третьему лицу* посредствомъ имущественной сдѣлки, за эквивалентъ (въ данномъ случаѣ—арендный контрактъ на церковное имущество).

Понятно, что представители православной церкви не могли не протестовать противъ безусловнаго права вел. князя на назначеніе свѣтскихъ лицъ владыками, когда оно могло привести къ столь беззаконнымъ послѣдствіямъ. Въ 1568 г. Кіевскій митрополитъ Іона представилъ на Гродненскомъ сеймѣ рядъ просьбъ, касающихся православной церкви; въ первой изъ нихъ содержится желаніе, чтобы въ Литовскомъ великомъ княжествѣ и въ тѣхъ областяхъ съ православнымъ

---

[1]) Кіевск. Центр. Арх. № 921, л. 165—167 на об.

населеніемъ, которыя принадлежатъ Польшѣ, духовныя должности не даваемы были людямъ свѣтскимъ; а если бы какому-либо свѣтскому человѣку и дана была духовная должность, то онъ обязанъ принять духовный санъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ; въ случаѣ неисполненія этого условія епископы и митрополитъ имѣютъ право отобрать отъ него „хлѣбъ духовный“ и дать духовному лицу. Этимъ существенно ограничивалось бы право вел. князя на подаванье. Но вел. князь, соглашаясь въ принципѣ съ такимъ требованіемъ, добавилъ, однако, что отбирать назадъ духовный хлѣбъ могутъ не митрополитъ и епископы, а только самъ вел. князь [1]). Но и самый принципъ не всегда удерживался, какъ мы видимъ на примѣрѣ Владимірской епископіи.

Тотъ же примѣръ указываетъ на злоупотребленіе другого рода, именно на выдачу изъ королевской канцеляріи *двухъ привилегій разнымъ лицамъ на одно и тоже владычество;* споръ двухъ равноправныхъ лицъ, по обычаямъ Литовскаго государства, разрѣшался *открытою силою.* Въ 1565 г. вел. князь пожаловалъ Владимірскую епископію Ивану Борзобогатому-Красенскому и въ тоже время епископу Холмскому Феодосію. Между двумя претендентами произошла открытая война. Предварительно стороны, повидимому, не обращались къ суду; до насъ дошла только жалоба противной стороны и вызовъ Феодосія къ суду короля послѣ событія, а именно: когда его соперникъ Борзобогатый-Красенскій опередилъ его и завладѣлъ епископскимъ замкомъ во Владимірѣ, то Феодосій вооружилъ пѣшее и конное войско съ пушками и взялъ зáмокъ штурмомъ. Обыкновенно это ставятъ въ большую вину Феодосію и, конечно, фактъ не мирится съ нашими понятіями о епископскомъ и монашескомъ санѣ. Однако не слѣдуетъ упускать изъ виду порядковъ Литовскаго государства XVI в. Напр. въ 1580 г. владыка Луцкій Іона Красенскій занесъ въ гродскомъ Луцкомъ судѣ жалобу на кн. Константина Острожскаго о томъ, что онъ „забывши верховную власть государя, миръ, предписанный закономъ,

---

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 43.

вольности шляхетскія и сеймовыя конституціи, наѣхалъ насильственнымъ образомъ и гвалтомъ на монастырь, дворъ и на имѣніе епископа Жидичинъ, а также на дворъ и села Буремецъ, Подгайцы, Боголюбовъ, забралъ все движимое имущество: золото, серебро, коней, скотъ, хлѣбъ; крестьянъ взялъ подъ свою власть; по дворамъ разставилъ на постой своихъ поганцевъ татаръ". Ознакомившись съ этой жалобой, всякій подумаетъ, что кн. Острожскій учинилъ разбойничій набѣгъ и завладѣлъ церковнымъ имуществомъ безъ всякаго права. Но къ счастью, сохранился актъ судебнаго производства по этому дѣлу; на судѣ оказалось, что король отнялъ (за хищническое управленіе) монастырь Жидичинскій и его имѣнія у епископа Іоны и отдалъ этотъ монастырь епископу Ѳеофану Меглинскому; когда же Іона воспротивился королевскому приказанію и не уступалъ монастыря, то кн. Острожскій, въ качествѣ маршалка Волынской земли, привелъ королевское повелѣніе въ исполненіе силою [1]). Въ тѣ времена такъ было обычно: исполненія судебнаго рѣшенія или распоряженія высшей власти совершались большею частью открытою силою, даже посполитымъ рушеніемъ. Но неправый отвѣтчикъ всегда придавалъ дѣйствію этой силы значеніе наѣзда и грабежа и заносилъ жалобу.—Въ данномъ случаѣ, если уже винить епископа Феодосія, то не менѣе подлежитъ осужденію и нареченный владыка Красенскій, который также противился силою. Обѣ воюющія стороны признавали себя правыми [2]).

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 27, 28.

[2]) Вообще мы полагаемъ, что личность епископа Феодосія оцѣнена историками недостаточно правильно, особенно по сравненію съ его современниками (напр. Кирилломъ Терлецкимъ). Человѣкъ, который счелъ нужнымъ отказаться отъ всѣхъ доходовъ всѣхъ церковныхъ имѣній на три года съ тѣмъ, что бы обратить эти доходы на учрежденіе школы, богадѣльни церковныхъ проповѣдниковъ и на возстановленіе соборной церкви, и это тогда, когда престарѣлый епископъ заплатилъ впередъ новому владыкѣ (Мелетію Хребтовичу) арендныя деньги за пожизненное пользованіе церковными имѣніями,—человѣкъ который, сознавая наступленіе дряхлости и болѣзней, самъ уступилъ свои епископскія права другому и обратился, задолго до своей смерти (за 12 л.) къ королю съ просьбою принять мѣры, въ

При соперничествѣ двухъ кандидатовъ, получившихъ пожалованіе правъ на одну и ту-же епископію, когда вопросъ не рѣшенъ открытою силою, споръ обращался въ граждански-исковую тяжбу; два претендента, основываясь на изъявленіи воли вел. князя, ведутъ между собою *тяжбу о епископской должности* точно такъ же, какъ два лица вели бы ее предъ судомъ о какомъ либо имуществѣ; тяжбы подаютъ поводъ къ возникновенію гражданскихъ сдѣлокъ, именно: сдѣлокъ займа, заставы (залога) церковныхъ имѣній, установленія пожизненнаго владѣнія на нихъ и мировыхъ сдѣлокъ. Такъ было и при упомянутой тяжбѣ владыкъ Феодосія и Іоны; въ 1567 г. священникъ церкви св. Николы въ м. Бужскѣ Нифонтъ предъявилъ искъ къ епископу Владимірскому Феодосію о взысканіи съ послѣдняго недоплаченной ему части долга, именно 111 золотыхъ и 20 гр.; долгъ этотъ образовался тогда, когда епископъ Феодосій велъ предъ королемъ тяжбу („правовался“) съ Иваномъ Борзобогатымъ о владычествѣ Владимірскомъ. При этомъ 100 золотыхъ червоныхъ занялъ у священника (истца) непосредственно владыка, а 34 зол. перевелъ въ видѣ долга своего подканцлеру коронному [1]).

Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ взгляда на подаванье епископіи, какъ передачу имущественныхъ правъ, является возможность *отдачи епископіи въ аренду* (фактъ мы уже приводили, говоря о сдѣлкахъ епископа Феодосія и Мелетія Хребтовича) и *довѣренности на управленіе владычествомъ:* тотъ

случаѣ его смерти, къ огражденію церковныхъ имуществъ отъ обычнаго въ такихъ случаяхъ разграбленія,—едва ли такой человѣкъ можетъ быть признанъ образцомъ безнравственности и корыстолюбія. И это только на основаніи неразобранныхъ судомъ жалобъ такихъ людей, каковъ былъ Іона Красенскій, несомнѣнно человѣкъ стоявшій ниже Феодосія по своему нравственному облику, и на основаніи одной жалобы какого-то Лысаковскаго, также не разсмотрѣнной судомъ; такія жалобы всегда были односторонни и клеветливы (см. Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 6). Что Феодосій не отличался монашескимъ смиреніемъ (подобно всѣмъ людямъ XVI в.), въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

[1]) Кіевск. Цент. Арх. 934, л. 96.

же Мелетій, получивъ отъ Феодосія уступочную запись на Владимірскую епископію и устроивши дѣло съ Станиславомъ Жолковскимъ о ней же, далъ довѣренность брату своему Семену и Владимірскому войту Михаилу Дубницкому на управленіе владычествомъ, такъ какъ онъ самъ, оставаясь архимандритомъ Печерскимъ, жилъ постоянно въ Кіевѣ, а „епископію Володимерскую и Берестейскую его мил. о Феодосію до живота его мил. арендовалъ"; въ случаѣ смерти Феодосія, повѣренные Хребтовича должны были немедленно взять „въ свою моцъ и держанье ту епископію Володимерскую" [1]).—Въ XVI в. вел. князь могъ давать *одному лицу два духовныхъ уряда*, именно епископію и архимандритство въ какомъ-либо монастырѣ. Давая такую привилегію, вел. князь обыкновенно оговаривалъ: „што потомъ по животѣ его (получившаго привилегію), въ пошлину ити не может, але мы и потомки наши маемъ и волни будемъ тыми урядами духовными, водле воли и ласки нашое шафовати и оные порозну давати" [2]) (рѣчь идетъ о пожалованіи владычества Владимірскаго и архимандритства Кіево-Печерскаго). Подобнымъ образомъ вел. князь Сигизмундъ-Августъ далъ владыкѣ Луцкому Іонѣ архимандрію Жидичинскую, но потомъ отобралъ ее назадъ у него.

Такова была власть вел. князя на подаванье епископій и таковы разнообразныя послѣдствія возникавшія изъ того. Достигнуть соглашенія между этою властію и канонами церкви было такъ же нелегко, какъ трудно было найти компромиссъ между папствомъ и имперіею въ борьбѣ за инвеституру. „Хлѣбъ духовный" безспорно подлежалъ распоряженію главы государства; митрополиты и соборы старались внести кое-какія ограниченія въ это право.

Уже въ XVII в. возникли нѣкоторыя ограниченія,—не по настояніямъ церковной власти, а по велѣнію всемогущей тогда силы сейма соединенныхъ государствъ. Въ 1607 г. конституціею Варшавскаго сейма „o religiey greckiey", по-

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 22.
[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 19.

становлено, что король долженъ раздавать должности и церковныя имущества православной церкви не иначе, какъ согласно съ ихъ фундаціями и старымъ обычаемъ, т. е. *людямъ шляхетскимъ* русской національности и православной вѣры; двухъ бенефицій (напр. владычества и архимандритства) одному лицу не давать; имущества церковныя, отчужденныя отъ церкви, духовныя власти имѣютъ право отыскивать (возвращать назадъ по суду); „однако державы Квасова, Тариковъ, Яневичъ, Липлянъ, Буремца, Водерадъ, Теремнаго, остаются при прежнемъ положеніи (przy prawie swym)“ [1]). Приведенная конституція важна какъ образчикъ сеймоваго законодательства соединенныхъ государствъ по нашему вопросу; но она, очевидно, имѣетъ въ виду не интересы православной церкви, а чисто сословно-шляхетскіе, именно, вопервыхъ, чтобы шляхетскія права не терпѣли изъятій въ пользу плебеевъ, которымъ могли быть присвоены шляхетскія имущественныя права чрезъ возведеніе въ духовный санъ и чрезъ то дарованіе имъ значительныхъ земскихъ имуществъ; во вторыхъ чтобы обезпечить большему числу шляхетства доступъ къ такимъ имуществамъ и правамъ, уничтоживъ совмѣщеніе сановъ въ одномъ лицѣ; въ третьихъ чтобы нѣкоторыя лица шляхетскаго сословія, уже завладѣвшія церковными имуществами, не были обижены отнятіемъ ихъ.

Нѣкоторыя изъ изложенныхъ выше постановленій относительно правъ вел. князя назначать представителей духовныхъ учрежденій относятся не только къ епископіямъ, но и *монастырямъ и церквамъ*. Дѣйствительно великому князю принадлежитъ право назначенія настоятелей всѣхъ монастырей, кромѣ частно-владѣльческихъ (часто замѣнявшихъ собою приходскія церкви и вообще монастырей, принадлежащихъ къ имѣнію). Право это нужно признать извѣчнымъ; иначе трудно объяснить, откуда бы оно взялось у католическаго монарха? Правда, выраженія нѣкоторыхъ актовъ могутъ иногда

---

[1]) Vol. leg. II, 438—439.

показаться сомнительными, т. е. наводящими на мысль, что вел. князь специально пріобрѣталъ право назначенія настоятелей нѣкоторыхъ монастырей, наравнѣ съ частными лицами. Напр. въ 1496 г. у вел. кн. Александра кіевлянинъ Григорій Григорьевичъ Поповичъ просилъ монастыря Михайловскаго Златоверхаго, заявляя, что тотъ монастырь издавна находится въ поданьи вел. князя, но что Кіевскій воевода кн. Дмит. Путятичъ отдалъ этотъ монастырь въ держаніе какому то простому старцу Ивану Смолнянину, безъ воли вел. князя, а онъ разорилъ („надказилъ“) тотъ монастырь. Вел. князь справился у Полоцкаго намѣстника Юрія Пацевича, дѣйствительно ли этотъ монастырь есть поданье вел. князя; Пацевичъ подтвердилъ, что онъ издавна есть поданье вел. князя. Вел. князь распорядился, что если дѣйствительно Михайловскій монастырь—его поданье и воевода далъ его черницу безъ вѣдома господаря, то онъ вел. князь жалуетъ тотъ монастырь Гришку Поповичу до его живота; а Поповичъ обязанъ постричься какъ можно скорѣе. Вводъ во владѣніе монастыремъ порученъ князю Ивану Дашкевичу (Глинскому)[1]. Вопросъ вел. князя о его собственныхъ правахъ на поданье Михайловскаго монастыря означаетъ справку не о томъ, пріобрѣтено ли это право вел. княземъ, а о томъ, не отчуждено ли оно уже имъ кому-либо другому. Что это такъ, доказывается актомъ 1523 г.[2]), который свидѣтельствуетъ, что Михайловскій монастырь запустѣлъ давно, „отъ вынятя Кіевскаго“, т. е. отъ разоренія Кіева Менгли Гиреемъ; право поданья на несуществующій монастырь въ сущности не могло принадлежать уже никому и лишь по фикціи принадлежало государю, какъ res nullius (упоминаемые здѣсь старецъ Иванъ и Григорій Поповичъ, очевидно, не могли возстановить его).—Въ 1496 г. вел. кн. Александръ, по просьбѣ Овруцкаго намѣстника кн. Григорія Глинскаго, даетъ матери его монастырь св. Іоакима и Анны (въ Овручѣ), который держала земянка Овруцкая Ленкова; намѣст-

---

[1]) Ак. зап. Рос. I, № 141.

[2]) Ак. зап. Рос. II, № 121 и 122.

никъ объяснилъ, что эта Ленкова „два монастыря (въ Овручѣ) отъ вел. князя держитъ: одинъ монастырь св. Пречистой, а другой монастырь св. Іоакима и Анны". Вел. князь заявилъ, что „досыть (довольно) ей того одного монастыря отъ насъ держати св. Пречистоѣ"; а другой монастырь пожаловалъ княгинѣ Глинской до ея живота[1]). О томъ же монастырѣ вновь возникъ вопросъ при королѣ Сигизмундѣ I: именно: въ 1531 г. земянка Кіевская Олехна Немировна просила великаго князя дать ей монастырь Пречистой въ Овручѣ „который-де монастырь издавна есть поданье наше господарское"; король даетъ ей пожизненное право управленія монастыремъ[2]). Откуда проистекаетъ это „издавнее" право поданья для вел. князя? Никакой нѣтъ вѣроятности, чтобы вел. князья спеціально пріобрѣли себѣ это право на очень не важное церковное учрежденіе въ городѣ совсѣмъ непервостепенномъ. Думать надо, что здѣсь разумѣется извѣчное право государя на назначеніе настоятелей и на право поданья всякаго учрежденія, не состоящаго въ частномъ патронатствѣ.

Возмемъ примѣръ важнѣйшаго изъ учрежденій западной Россіи — Кіевскаго Печерскаго монастыря за нѣсколько лѣтъ XV и XVI в. Въ 1494 г. вел. князь Александръ даетъ жалованную грамоту архимандриту Филарету съ подтвержденіемъ его въ должности архимандрита, пожалованной ему королемъ Казимиромъ: „нехай онъ тотъ монастырь держитъ со всимъ по тому, какъ при отцы нашомъ его держалъ ажъ до смерти своее"[3]). Въ 1524 г. вел. князь, даетъ архимандритство Печерское Антонію[4]), а въ 1525 г. архимандриту Игнатію, потому что Антоній, по показанію старцевъ монастырскихъ, оказался нерадивымъ въ соблюденіи общинныхъ порядковъ. Впрочемъ, по заявленію Игнатія, Антоній, „ему ту архимандрію спустилъ" (т. е. уступилъ). Вел. князь до-

---

[1]) Ак. зап. Рос. I, № 140.
[2]) Ак. зап. Рос. II, № 170.
[3]) Ак. зап. Рос. I, № 117.
[4]) Ак. зап. Рос. II, № 125.

бавляетъ, чтобы новый архимандритъ не поддерживалъ монаховъ, которые возставали противъ общины, а исполнялъ бы въ точности общинный уставъ, иначе „знай навѣрно, что не только тотъ монастырь изъ твоихъ рукъ отнимемъ, но прикажемъ выслать изъ него тебя самого и тѣхъ монаховъ, и дадимъ его такому архимандриту, который будетъ править согласно „хвалѣ Божіей и нашего господарскаго приказанія“ [1]). Однако въ 1528 г. архимандритъ Антоній просилъ, чтобы король, пожаловавшій ему вновь архимандритство Печерское, не отнималъ у него; король пожаловалъ его пожизненно [2]). Въ 1535 г. король далъ кн. Юрію Семеновичу Слуцкому привилегію „на подаванье монастыря Печерскаго въ Кіевѣ на одну особу“ [3]) т. е. на назначеніе и выборъ лишь одного архимандрита (а можетъ быть пожизненно для одного Юрія Слуцкаго?). Это было при архимандритѣ Печерскомъ Геннадіи; въ 1536 г. Геннадій, будучи боленъ, „спустилъ тую архимандрию Печерскую игумену монастыря Выдубицкаго Якимью (Іоакиму) и на закладъ свой взялъ у него полтораста копъ грошей“. За утвержденіе такой сдѣлки хлопоталъ воевода Виленскій Ольбрихтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, прося оставить Якимья на Печерской архимандріи пожизненно, что король и исполнилъ [4]). Когда въ томъ же году Іоакимъ скончался, то король жалуетъ архимандрію брату митрополита Макарія (по просьбѣ этого послѣдняго и королевы Боны)—Пацку (по мнѣнію С. Т. Голубева—Яцку, т. е. Іоакинфу).—Въ 1541—42 г. король въ своей грамотѣ заявляетъ, что онъ далъ было архимандриту Софронію Печерскій монастырь по ходатайству нѣкоторыхъ пановъ, но Софроній оказался плохимъ управителемъ какъ для монастыря, такъ и для крестьянъ монастырскихъ, и человѣкомъ корыстнымъ; а потому, по ходатайству митрополита и нѣкоторыхъ

---

[1]) Ак. зап. Рос. II, № 135.

[2]) Ак. зап. Рос. II, № 154.

[3]) „Матеріалы для исторіи Кіевской митрополіи“ (Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1873 г.).

[4]) Ibid. Ср. „Матер. для ист. западно-русской церкви“ С. Т. Голубева, вып. I, стр. 4.

князей и пановъ, король даетъ архимандритство Вассіану [1]). Въ 1546 г. по смерти архимандрита Вассіана король, по просьбѣ священника Виленской Покровской церкви Іоанна, подкрѣпленной ходатайствомъ воеводы Виленскаго Юр. Юр. Глѣбовича, а также князей, пановъ и земянъ Кіевскихъ, пожаловалъ Печерскую архимандрію просителю съ краткимъ обозначеніемъ правъ и обязанностей его [2]). Здѣсь обошлось дѣло безъ выбора со стороны братіи; а потому въ 1550 г. король уничтожаетъ эту привилегію, какъ незаконную и утверждаетъ архимандритомъ Иларіона, правильно избраннаго монахами и обывателями земли Кіевской.

Примѣръ Печерскаго монастыря показываетъ, что иногда самъ вел. князь обусловливалъ свое право назначенія настоятелей предварительнымъ избраніемъ братіи и православнаго населенія округа. Но въ другихъ случаяхъ онъ обходился безъ этого условія. Такъ въ 1569 г. король Сигизмундъ-Августъ, по просьбѣ владыки Луцкаго Іоны Борзобогатаго-Красенскаго, пожаловалъ ему вакантное архимандритство Жидичинское съ правомъ пользоваться доходами „съ дворовъ, съ имѣній, и съ фольварковъ, съ селъ и съ гуменъ, и што колвек къ той архимандритьи Жидичинской здавна належитъ“ [3]). Въ 1571 г. король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ дьяку коронной канцеляріи Евтиху Васильевичу Высоцкому, за вѣрную службу въ канцеляріи, пожизненно монастырь Межигорскій, „церковь русскую вѣры и закона греческаго, при замку нашомъ Кіевскомъ“ и сверхъ того землю пустую Вышгородную, съ землями пашными, съ млиномъ, который принадлежитъ монастырю, съ лѣсами и пасѣками, съ данью медовою, озерами и пр. [4]).

Изъ многочисленныхъ фактовъ сѣверо-запада приведемъ одинъ: въ 1581 г. король Стефанъ Баторій пожаловалъ

---

[1]) Ак. зап. Рос. II, № 216. Сл. „Матеріалы для исторіи западно-русской церкви“. Вып. I, С. Т. Голубева, стр. 1—3.

[2]) „Матеріалы“ С. Т. Голубева, стр. 10, (актъ изъ Метрики Литовской).

[3]) Ак. зап. Рос. III, № 47.

[4]) Ак. зап. Рос. III, № 53.

(„з ласки нашое господарской“) дворянину господарскому Ждану Левоновичу монастырь Браславскій, который держалъ Семенъ Марковичъ Воловичъ (повидимому остававшійся до смерти въ свѣтскомъ званіи). Новый владѣлецъ получаетъ, въ пожизненное владѣніе монастырь „съ дворцомъ его, людьми, грунтами“ и пр., съ условіемъ принять духовный санъ [1]).

Таковы широкія права вел. князя относительно назначенія настоятелей монастыря.

По поводу приведенныхъ примѣровъ намъ надо остановиться на слѣдующемъ, очень важномъ, обстоятельствѣ: иногда весьма трудно различить, что̀ дается при томъ или другомъ пожалованіи монастыря—право-ли патронатства, или право настоятельства, особенно когда получающій пожалованіе есть лицо свѣтское. Для нашей цѣли (для опредѣленія имущественныхъ правъ, церковныхъ учрежденій) необходимо тщательно отличать пожалованіе права поданья и пожалованіе должности настоятеля. Послѣднее есть также пожизненное пожалованіе монастыря; оно имѣетъ такое-же значеніе, какъ пожалованіе епископіи. Впрочемъ между епископіею и монастыремъ въ этомъ отношеніи та разница, что для епископіи не можетъ быть назначенъ спеціальный патронъ; что-же касается до монастырей, то, по общему порядку, полученіе настоятельства отнюдь не исключаетъ возможности назначенія надъ монастыремъ особаго патрона (свѣтскаго или духовнаго).

Отличеніе двухъ видовъ пожалованія совершенно необходимо для надлежащихъ выводовъ о правѣ патронатства, потому что представитель монастыря настоятель есть дѣйствительный хозяинъ и владѣлецъ; приписать ему такія права, какъ патрону, значитъ вполнѣ исказить понятіе о патронатствѣ. Между тѣмъ и смѣшать эти двѣ роли очень легко, потому что часто вел. князья (до закона 1568 г.) жалуютъ *права настоятельства свѣтскимъ людямъ*, не обусловливая пожалованія принятіемъ духовнаго сана и, по злоупотребле-

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 129.

нію, иногда даже иновѣрцамъ. Признать такія лица за настоятелей нелегко, и скорѣе можно подумать, что это патроны, что и ведетъ къ указанной ошибкѣ въ понятіи о патронатствѣ. Уяснимъ дѣло примѣрами: самый характерный примѣръ представляютъ акты о правѣ Оранскихъ на монастырь св. Спаса въ г. Владимірѣ (хранящіеся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ и уже раньше изданные Коммиссіею)[1]. Король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ въ пожизненное владѣніе Павлу Григорьевичу Оранскому, своему дворянину, означенный монастырь за заслуги, не имѣющія никакого отношенія къ церкви, именно за хорошее исправленіе должности королевскаго дворянина. Въ 1563 г. Павелъ Оранскій просилъ вел. князя расширить данное право, именно пожаловать монастырь въ пожизненное владѣніе не только ему, но и тремъ сыновьямъ его: Михаилу, Григорію и Ильѣ; вел. князь пожаловалъ. Одною изъ привилегій этого пожалованія была возможность для Оранскихъ владѣть монастыремъ, *не посвящаясь въ духовный санъ*, а имѣть лишь вмѣсто себя *викарія*—духовное лицо, знающее священное писаніе, для отправленія духовныхъ дѣлъ, т. е. богослуженія; ибо самое управленіе несомнѣнно принадлежало Оранскимъ; вел. князь приказываетъ старостѣ Владимірскому кн. К. К. Острожскому наблюдать, что-бы владыка Владимірскій не принуждалъ Оранскаго принимать духовный санъ, о чемъ онъ и самъ писалъ непосредственно владыкѣ. Очевидно всѣ права игумена принадлежали свѣтскому владѣтелю монастыря, если его замѣститель именуется *викаріемъ;* тоже видно и изъ прочихъ условій пожалованія, а именно: владѣлецъ обязанъ управлять монастыремъ „слушне и порадне, сообразно съ правилами закона греческаго (православнаго вѣроисповѣданія) и размножать хвалу Божію". Это уже функціи вполнѣ духовныя (только не богослужебныя). Что касается до имущественныхъ правъ, то ему предоставляется получать *всѣ пожит-*

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. 921, л. 180, 179, 182. Сл. Памятники, изд. К. Арх. Ком. т. I.

ки и доходы, принадлежащіе монастырю („всякихъ пожитковъ и доходовъ, тому монастыру належачихъ уживати"); во власть владѣльца передается и самый монастырь въ г. Владимірѣ, и его имѣнія (Яново и двѣ земли Подгайцы и Народожичи съ людьми). Несомнѣнно, что доходы составляли личную собственность Оранскаго (ибо въ этомъ и заключается интересъ пожалованія или награды); хотя несомнѣнно также, что часть этихъ доходовъ, по усмотрѣнію его, должна быть употребляема на нужды монастыря, т. е. содержаніе церкви, викарія и монаховъ. Однако, при этомъ не дается никакихъ правъ распоряженія; напр. въ 1570 г. Павелъ Оранскій задумалъ при жизни своей передать владѣніе монастыремъ старшему сыну своему Михаилу; но не счелъ себя въ правѣ осуществить это безъ воли короля; кор. Стефанъ, къ которому онъ обратился, соизволилъ на то. Духовная власть (владыки) совершенно отстраняется отъ управленія монастыремъ. Судебная защита владѣнія монастырскими имѣніями принадлежитъ свѣтскому привилегіату: въ 1585 г. земянинъ Михаилъ Оранскій жаловался Владимірскому гродскому уряду на Григорія Киселя-Низкиницкаго о безправномъ завладѣніи грунтомъ Подгайцами, который „принадлежитъ церкви св. Спаса въ гор. Владимірѣ и пожалованъ ему (Оранскому) отъ короля". Рѣшеніе суда въ пользу Оранскаго почему-то долго не приводилось въ исполненіе, такъ что истцу пришлось обратиться съ жалобою къ королю; Стефанъ Баторій, предписывая мѣстному уряду немедленно исполнить это рѣшеніе, такъ опредѣляетъ въ своей грамотѣ юридическія свойства имущества, о которомъ идетъ рѣчь: „о гвалтовное выбите з спокойного держаня кгрунту *его* (т. е. Оранскаго), прозываемаго Подчаецъ, *приналежачого до церкви монастыря* св. Спаса въ Володимери, который онъ, за даниною нашою, отъ часу немалого спокойне *держалъ и уживалъ*" [1]).

Не сомнѣваемся, что здѣсь мы имѣетъ дѣло со свѣтскимъ настоятельствомъ монастыря (что покажутъ сейчасъ и другіе примѣры того же). Если такъ, то имѣемъ здѣсь

[1]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 943, л. 114.

очень интересный случай установленія волею вел. князя *наслѣдственнаго настоятельства* въ опредѣленномъ кругѣ ближайшихъ преемниковъ мужскаго пола, что не должно насъ удивлять послѣ того, что мы видѣли нѣчто подобное относительно епископій.—Фактъ врученія Оранскимъ настоятельства произошелъ до Гродненскаго сейма 1568 г., когда была узаконена необходимость для настоятелей принимать монашество въ извѣстный срокъ.

Для большей ясности дѣла представимъ примѣръ изъ однородныхъ фактовъ, относящихся къ сѣверо-западной Россіи. Въ 1577 г. вел. кн. Стефанъ Баторій даетъ грамоту, въ которой пишетъ, что онъ недавно пожаловалъ дворянину своему Богушу Невельскому монастырь Вознесенія Христова въ Минскѣ, но Невельскій пожелалъ уступить этотъ монастырь земянину Минскому Стефану Достоевскому, о чемъ и просилъ короля. Король согласился и пожаловалъ Достоевскому пожизненно упомянутый монастырь „съ фольварками, съ пашнею монастырскою, со всѣми селами, людьми, грунтами и доходами, которые онъ Достоевскій будетъ получать въ свою пользу и устроять всякіе духовные обряды съ помноженіемъ хвалы Божіей“ [1]).—Какъ Невельскій, такъ и Достоевскій были люди свѣтскіе; но при пожалованіи монастыря первому изъ нихъ было поставлено условіемъ принятіе монашества; стало быть онъ получилъ монастырь не какъ патронъ, а какъ настоятель; это видно не только изъ правъ, предоставленныхъ грамотою, но и изъ послѣдующихъ событій; Невельскій исходатайствовалъ позволеніе переуступить монастырь Достоевскому, когда король былъ въ Варшавѣ; благодаря этому въ новую грамоту короля проскользнули пункты, которыхъ въ прежней грамотѣ не было, именно условіе о принятіи духовнаго сана изчезло. Кіевскій митрополитъ Илья, Минскій каштелянъ Янъ Глѣбовичъ и чиновники и шляхта Минскаго повѣта писали королю въ Варшаву, что какъ Невельскій не хотѣлъ принимать духовнаго

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 89.

сана, такъ и Достоевскій есть не только человѣкъ свѣтскій, но и *не православной вѣры* (какой именно—не сказано, вѣроятно католикъ), что онъ владѣетъ монастыремъ только для своей выгоды, а хвала Божія никогда въ монастырѣ не исполняется; поэтому митрополитъ и Минскіе обыватели напоминаютъ королю, чтобы онъ, наравнѣ съ другими правами, не нарушалъ и правъ духовныхъ и рекомендуютъ въ настоятели земенина Минскаго повѣта Михаила Рагозу, человѣка благовоспитаннаго, богобоязненнаго и свѣдущаго въ святомъ писаніи, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ монашество. Король сознался, что прежнее его пожалованіе сдѣлано было вопреки постановленію Гродненскаго сейма при Сигизмундѣ-Августѣ, о томъ, что „если кому будетъ данъ хлѣбъ духовный, а онъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не принялъ духовнаго сана, то у него дарованное отнимается“; сообразно съ этимъ король въ 1579 приказалъ взять монастырь у Достоевскаго и передать Михаилу Рагозѣ (въ послѣдствіи извѣстному митрополиту Кіевскому), съ тѣмъ, чтобы онъ, ставши монахомъ и архимандритомъ, держалъ монастырь по обычаю вѣры греческой и пользовался всѣми доходами монастыря, которыми пользовались прежніе архимандриты [1]).—До постановленія 1568 года права великаго князя въ назначеніи свѣтскихъ настоятелей не были ограничены; напримѣръ нами выше былъ упомянутъ фактъ пожалованія кор. Сигизмундомъ-Августомъ въ 1562 г. монастыря Іоанна Предтечи королевскому дворянину Боркулабу Корсаку; Корсакъ долженъ держать монастырь, какъ „прежніе держали“. Въ грамотѣ квалификація этихъ „прежнихъ“ не обозначена (очевидно преднамѣренно): настоятели ли это (игумены), или патроны; умолчать объ этомъ приходилось поневолѣ, ибо Корсакъ есть лицо свѣтское, и останется таковымъ, а между тѣмъ онъ несомнѣнно становится настоятелемъ: онъ обязанъ *имѣть при себѣ* особу духовную, человѣка ученаго, который бы умѣлъ исправлять дѣла духовныя по закону греческому. Самому же Корсаку дается власть имѣть въ своемъ завѣдо-

[1]) Ак. зап. Рос. II. № 110.

ваніи („справѣ“) поповъ, черницъ и черцовъ и весь станъ духовный, который издавна былъ обязанъ повиноваться *настоятелю* того монастыря [1]). Такъ, въ концѣ концовъ прямо и назвалъ свѣтскій владѣлецъ монастыря.

Какъ видно изъ предыдущаго примѣра, назначеніе свѣтскихъ настоятелей случалось и послѣ постановленія Гродненскаго сейма.

Кромѣ свѣтскихъ лицъ, настоятелями могли быть *лица изъ бѣлаго духовенства*. Такъ Могилевскимъ Спасскимъ монастыремъ управлялъ нѣкогда Иванъ протопопъ Могилевскій, по пожалованію кор. Сигизмунда-Августа [2]). Имѣя въ виду, что монастыри весьма часто служили приходскими церквами въ городахъ и селахъ, въ настоятельствѣ лицъ бѣлаго духовенства нельзя видѣть такого противозаконія, какъ въ настоятельствѣ лицъ свѣтскихъ и даже иновѣрцевъ. Однако, (какъ само собою разумѣется) и это противорѣчитъ монастырскимъ уставамъ, а потому при случаѣ такое противорѣчіе ставилось на видъ. Такъ въ 1578 г. архіепископъ Полоцкій Ѳеофанъ-Богданъ, стремясь подчинить себѣ всѣ монастыри своей епархіи, донесъ королю Стефану Баторію, что монастыремъ св. Николы въ Мстиславлѣ владѣетъ попъ Мстиславскій Елпатій, а монастыремъ Пустынскимъ близъ Мстиславля—сынъ того же попа Матвѣй, по пожалованію будто бы Сигизмунда-Августа. Архіепископъ находитъ что оба эти лица, давно владѣя монастырями, не приняли однако доселѣ монашества и тѣмъ якобы нарушили постановленіе Гродненсейма (о лицахъ свѣтскихъ). Король согласился съ такимъ толкованіемъ закона, отобралъ монастыри и передалъ ихъ владыкѣ [3]).

Такъ широка была власть вел. князя въ назначеніи епископовъ и настоятелей монастырей. Эту власть раздѣляли съ нимъ подчиненные органы государственнаго управленія: Рада, которая, какъ мы видѣли назначала, во время отсут-

---

[1]) Ак. зап. Рос. Ш. № 29.

[2]) Ак. зап. Рос. Ш. № 94.

[3]) Ак. зап. Рос. Ш. № 98.

ствія вел. князя, епископовъ, намѣстники вел. князя (напр. въ упомянутомъ выше фактѣ, замѣститель Кіевскаго воеводы отдалъ Михайловскій монастырь нѣкоему Подоприсвѣту). Затѣмъ вел. князь делегируетъ свое право городскимъ общинамъ (какъ сдѣлалъ это вел. князь въ 1584 г. передавъ право избранія архимандрита Троицкаго монастыря Виленской городской общинѣ).

Ознакомившись съ представленными фактами, мы будемъ имѣть надлежащій критерій для различенія закономѣрныхъ дѣйствій власти отъ злоупотребленій; а именно: если избранное вел. княземъ лицо (точнѣе получившее пожалованіе имуществъ церковныхъ) можетъ удовлетворить и *каноническимъ* требованіямъ посвященія, то дѣйствіе власти не можетъ быть признано незаконнымъ, ибо поданіе церковныхъ имуществъ зависитъ отъ этой власти. Но лицо, удовлетворяющее формальнымъ требованіямъ каноническаго права, тѣмъ не менѣе можетъ быть недостойно высокаго духовнаго сана (по личнымъ свойствамъ); тогда фактически можетъ явиться трудно разрѣшимая коллизія. Нельзя напр. представить себѣ, чтобы церковная власть, не находя великокняжескаго кандидата достойнымъ, избрала бы своего, предоставивъ первому владѣнье имуществами, пожалованными вел. княземъ, ибо это означало бы полное отчужденіе имущества отъ церковнаго учрежденія, чего не могъ позволить себѣ ни вел. князь, ни церковныя власти. Нельзя, съ другой стороны, представить себѣ вел. князя простымъ раздатчикомъ имуществъ по указанію и велѣнію сторонней власти, ибо это значило бы совершенное лишеніе его патрональныхъ правъ (какъ объ этомъ и замѣтилъ кор. Сигизмундъ-Августъ въ 1568 г.). Таковы неизбѣжныя затрудненія, вытекающія изъ имущественныхъ правъ церкви и патрональныхъ правъ государства. Но если вел. князь избираетъ лицо, которое завѣдомо не можетъ удовлетворить каноническимъ требованіямъ, напр. иновѣрца, или такого, который не желаетъ вступить въ духовный санъ, то это, конечно, злоупотребленіе, которое и отстранялось духовными властями посредствомъ общихъ постановленій, или частныхъ жалобъ.

Тѣ же замѣчанія имѣютъ силу и относительно правъ частныхъ патроновъ.

Право частныхъ владѣльцевъ на избраніе духовныхъ лицъ, настоятелей монастырей и церквей и увольненіе ихъ возбуждало весьма сильныя пререканія между патронами и епархіальною властію, что вызвало нѣсколько правительственныхъ и церковныхъ постановленій, не вполнѣ достигающихъ, однако, цѣли. Вел. князь Александръ въ 1499 г., по просьбѣ митрополита Іосифа, подтвердилъ древнія права православной церкви („свитокъ Ярослава") и между прочимъ узаконилъ, чтобы власть митрополита и епископовъ судить церковныхъ людей не встрѣчала препятствій ни со стороны коронныхъ чиновниковъ, ни со стороны католическаго духовенства и свѣтскихъ пановъ и органовъ городскаго самоуправленія. „Тѣ православныя церкви, которыя, находясь въ имѣніяхъ князей и пановъ римской вѣры, издавна были въ поданьи митрополита или владыки, остаются по старому; а тѣ, которыя состоятъ въ поданьи „державца" (владѣльца) остаются въ его зависимости, но владѣлецъ не можетъ удалить священника безъ воли митрополита" [1]). Въ приложенномъ къ великокняжеской грамотѣ „свиткѣ Ярослава" между прочимъ означено, что тотъ изъ князей и бояръ, который бы противодѣйствовалъ власти епископа надъ священникомъ въ имѣніи князя или боярина,—тотъ рискуетъ „потерею ктиторства". Тоже, почти буквально повторено въ грамотѣ кор. Сигизмунда I, 1511 г. [2]). Выписка изъ свитка Ярослава объ отнятіи ктиторства у владѣльца взята изъ стараго Византійскаго права и отнюдь не могла имѣть практическаго примѣненія въ западной Россіи, какъ оказалось изъ послѣдующей исторіи вопроса.

Виленскій соборъ 1509 года, подъ предсѣдательствомъ митрополита Іосифа Солтана, подробнѣе и точнѣе изложилъ затронутые здѣсь вопросы, а именно: князьямъ и панамъ,

---

[1]) Акты зап. Россіи т. I, № 166. Сл. „Волынь", Батюшкова, стр. 98, и „Русская исторія" К. М. Бестужева-Рюмина, т. II, вып. I, стр. 132—133.

[2]) Ак. зап. Рос. II, № 65.

имѣющимъ право поданья, запрещается отнимать у священника церковь, безъ вины и не объявивъ митрополиту; въ случаѣ нарушенія этого постановленія, запрещается ставить въ такую церковь священника. Если князь или панъ три мѣсяца не назначаетъ священника къ церкви, то назначаетъ его митрополитъ; если князь или панъ отнимаетъ что нибудь у церкви, то митрополитъ пишетъ къ нему; непослушнаго подвергаетъ отлученію. Правила эти должны соблюдаться неуклонно. Если же кто-либо, хотя бы самъ господарь, захочетъ ихъ нарушить, то воли его исполнять не слѣдуетъ, а подавъ челобитную господарю, непоколебимо стоять, что бы не была нарушена православная вѣра. Постановленіе собора 1509 г. получило отчасти подтвержденіе въ упомянутой выше грамотѣ Сигизмунда I 1511 г., данной на Брестскомъ сеймѣ [1]). Объ отнятіи ктиторства уже ничего не упоминается въ постановленіи 1509 г.

Само собою очевидно, что эти постановленія, гарантированныя однимъ пассивнымъ сопротивленіемъ государственной власти и обращенныя отчасти къ иновѣрнымъ патронамъ (съ угрозою отлученія), не могутъ быть признаны цѣлесообразными.

Во всякомъ случаѣ весьма важны эти попытки установить отношенія церковныхъ учрежденій какъ къ государственной власти, такъ и къ частнымъ владѣльцамъ—католикамъ и православнымъ: къ ихъ праву удалять неугодныхъ представителей церковнаго учрежденія, праву назначать другихъ и къ соотношеніямъ правъ подавцевъ къ власти епископовъ и митрополита.

И въ послѣдующее время (въ теченіи XVI в.) отношеніе права подавцевъ частныхъ—свѣтскихъ владѣльцевъ къ мѣстной епископской власти въ дѣлѣ избранія кандидатовъ на духовныя должности, осталось неопредѣленнымъ. Имѣлъ ли право, и въ какихъ именно случаяхъ владыка не допустить того или другого священника къ церкви, которую подалъ ему мѣстный владѣлецъ? Въ 1548 г. занесена была

---

[1]) Ак. Ист. I, № 289; сл. Христ. Чтеніе 1855 г. ч. I, стр. 136.

жалоба митрополиту Макарію на распоряженіе Луцкаго владыки Феодосія о недопущеніи священника Тимофея къ Клеванской Троицкой церкви, между тѣмъ какъ этотъ Тимофей уже получилъ названную церковь отъ владѣльца Клевани князя Ивана Чорторыйскаго. Митрополитъ нашелъ, что владыка дѣйствуетъ не по какому либо основательному мотиву, а просто потому, что не хочетъ допустить, что-бы священникъ былъ въ имѣніи кн. Чорторыйскаго. Митрополитъ ограничился однако „напоминаніемъ“ владыкѣ, что такъ поступать не слѣдуетъ [1]).

Борьба возбужденная введеніемъ уніи, заставила обратить вниманіе на право подаванья и точнѣе выяснить его сущность, ибо въ интересахъ борющихся сторонъ было опереться на это право при проведеніи уніи, или при отпорѣ ей, смотря по тому, къ какому вѣроисповѣданію принадлежали борцы. А именно: вопросъ объ отношеніи епархіальной власти къ патронамъ въ частно—владѣльческихъ имѣніяхъ, остававшійся прежде не вполнѣ разрѣшеннымъ, поднятъ вновь уніатскимъ епископомъ (а потомъ митрополитомъ) Ипатіемъ Потѣемъ. Конечно, въ интересахъ уніи для уніатской епархіальной власти было рѣшить его въ смыслѣ разширенія правъ епископа. „Ипатій Потѣй (говоритъ одинъ ученый) понималъ свою епископскую и митрополитанскую власть чисто по католически, не обращая вниманія на права основателей и покровителей извѣстныхъ монастырей и церквей на томъ основаніи, что не только „въ имѣніяхъ собственно церковныхъ владычнихъ онъ есть господинъ и надзиратель, но и во всей епархіи его власть предотвращать и не допускать уничтоженія ихъ—принадлежитъ не кому иному, какъ только верховному пастырю, къ чему призываютъ его право божеское и гражданское и право поданія и высокій долгъ духовный и пастырскій [2]). Точка зрѣнія на отношеніе

---

[1]) Ак. зап. Рос. Ш. № 7.

[2]) „Волынь“, Батюшкова, стр. 131—132 и труды Кіев. Духов. Акад. 1869 г. іюнь: статья Н. И. Петрова „объ учрежденіи Ипатіемъ Поцѣемъ уніатской капитулы во Владимірѣ Волынскомъ“.

права патроновъ и мѣстнаго епископа, изложенная здѣсь, отнюдь не можетъ быть названа специально католическою. Мы видѣли, что и византійское право ктиторства давало епископамъ большое значеніе въ отношеніи къ ктиторамъ. Что же касается до проведенія уніи при помощи права поданья, то результатъ выходилъ тотъ же, когда епископская власть принадлежала православному іерарху, а патронъ (частный владѣлецъ) былъ католикъ или уніатъ.

4, Четвертымъ (для насъ самымъ существеннымъ) правомъ поданья были *имущественныя права патроновъ.* Что касается до великокняжескаго права поданья въ отношеніи къ церковнымъ имуществамъ, то оно выражено въ одномъ изъ актовъ 2-й пол. XVI в.[1]) по частному поводу. Въ то время (1571) извѣстный владыка Луцкій Іона Борзобогатый-Красенскій, благодаря запутаности своихъ семейныхъ экономическихъ дѣлъ, велъ многочисленные процессы со многими окрестными владѣльцами. Суды, приговаривая ко взысканію долговъ съ владыки, допускали взысканіе ихъ на церковныхъ имѣніяхъ епископіи Луцкой и Жидичинскаго монастыря (архимандритомъ котораго былъ владыка Луцкій); епископъ Іона обратился съ жалобою къ королю, который въ своей грамотѣ предписываетъ Луцкимъ властямъ не допускать такой противозаконной мѣры, т. е. взысканія долговъ съ чужаго имущества. Мысль эту король выразилъ такъ: „вы (судьи) должны тщательно воспрещать и предупреждать (такое правонарушеніе) ибо *всѣ имѣнія церковныя суть властность (собственность) наша господарская:* на нихъ не только не должно быть взысканій за чужую вину, но мы не желаемъ видѣть ни самого малаго вреда и ущерба для нихъ".

Статутъ 1588 г., говоря о правѣ исковъ по вопросамъ о землевладѣніи, ставитъ „господарскія" имѣнія наряду съ „костельными подаванья нашего" относительно правъ судебной защиты ихъ господаремъ[2]).

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. № 2194, л. 684.

[2]) Стат. Разд. I, арт. 20.

Такое отождестленіе правъ поданья съ правами собственности мы, конечно, не должны принимать буквально: короли не пользовались никакими непосредственными экономическими выгодами съ церковныхъ имуществъ. Выраженіе, допущенное королемъ въ актѣ 1571 года, означаетъ лишь верховное право носителя государственной власти, какъ патрона.

Однако мы увидимъ сейчасъ что, при отчужденіи вел. княземъ своего права частнымъ лицамъ, черта, отдѣляющая ихъ право отъ права собственности, становилась сомнительной.

Но объ имущественныхъ правахъ патроновъ мы не будемъ здѣсь распространяться, ибо весь слѣдующій отдѣлъ нашихъ замѣтокъ будетъ посвященъ уясненію взаимныхъ отношеній разныхъ субъектовъ права на церковныя имущества къ правамъ патроновъ.

ГЛАВА III.

Отдѣльные субъекты правъ на церковныя имущества.

Представленныя нами замѣчанія о сущности и источникахъ права поданья могутъ подать поводъ къ такому выводу: субъектъ права на церковныя имущества, повидимому, очень сложный, а именно, кромѣ церковныхъ учрежденій, непосредственно владѣющихъ ими, право на церковныя имущества (какъ и на самыя учрежденія) признаютъ за собою великій князь (король), земства, городскія и приходскія общины, частные собственники имѣній (паны, шляхетство), и отдѣльныя лица (физическія и юридическія)—ктиторы. Теперь намъ предстоитъ разобраться среди этихъ показаній и удостовѣриться, слѣдуетъ-ли признать патроновъ субъектами права на церковныя имущества, или таковыми должны быть признаваемы церковныя учрежденія. Для этого разсмотримъ права отдѣльныхъ церковныхъ учрежденій.

Въ западной Россіи таковыми были: 1, владычества (епископіи), 2, монастыри и 3, приходскія церкви. Другихъ учрежденій, существовавшихъ на востокѣ, какъ гостинницы, странопріимницы, больницы, здѣсь не было. Такъ называемые „шпитали" (богадѣльни), хотя имѣли значеніе церковныхъ учрежденій, но будучи приписаны къ церквамъ или монастырямъ, не имѣли самостоятельныхъ имущественныхъ правъ.

1. Епископіи (владычества).

Въ юго-западной Россіи были три епископскихъ кафедры: Кіевская митрополія, Луцкое (и Острожское) владычество и владычество Владимірское и Берестейское. Первая занимала территорію Кіевскаго и Браславскаго воеводствъ,

второе—Волынь, за исключеніемъ сѣверо-западной части ея, третье остальную часть Волыни и Подляшье (воеводство Берестейское).

Владычества, въ особенности Луцкое, были весьма привлекательными должностями; на нихъ всѣми (правыми и неправыми) стезями стремились люди, иногда вовсе того недостойные и не чувствовавшіе ни малѣйшаго призванія къ духовной службѣ и дѣятельности. Главною привлекательностію были именно церковныя недвижимыя имущества епископіи.— Какъ увидимъ ниже, владыка былъ полноправнымъ хозяиномъ ихъ.

Правда, по древнему церковному обычаю, права на епископскую юрисдикцію вообще должны были дѣлить съ владыкою такъ называемые *крылошане*—представители мѣстнаго духовенства, главн. обр. духовенство кафедральной церкви, святые патроны которой (Пречистая Богородица и пр.) именовались собственниками имуществъ епископій въ юридическихъ актахъ. Иногда въ акты проторгается формула, свидѣтельствующая о дѣйствительномъ соборномъ управленіи. Такъ актъ 1516 г. разграниченія имѣній Владимірской епископіи отъ земель кн. Чорторыйскаго, начинается такъ: „се азъ смиренный Пафнотей, епископъ Володимірскии, зволившеся зо всею, еже во Христѣ, братію—священниками епископие Володимірское...“ [1]). Несомнѣнно, что въ болѣе древнія времена это не было пустою формою; но въ XVI в. въ юго-западной Россіи мало слѣдовъ дѣйствительнаго участія священниковъ въ епархіальномъ управленіи вообще и въ управленіи церковными имуществами въ частности. По приведенной цитатѣ епископъ „со *всѣми* священниками епископіи“, очевидно, не могъ совѣщаться; дѣйствительное участіе могли принимать только крылошане соборной церкви и церквей кафедральнаго города. Въ послѣдствіи въ концѣ XVI в. замѣчаемъ, что въ церковномъ управленіи, участвуютъ такъ называемые соборяне, или „капитула“; можно-ли видѣть въ этомъ влія-

[1]) См. этого тома № IX, 6.

ніе католичества или отраженіе древнихъ соборныхъ началъ православной церкви, объ этомъ скажемъ ниже. Для уясненія дѣла считаемъ необходимымъ предварительно обратиться къ аналогіи фактовъ изъ другихъ областей государства.

Въ сѣверо-западномъ краѣ въ XVI в. сохранилась еще древняя соборная форма церковнаго управленія. Такъ въ Вильнѣ (около 1511 г.) соборное духовенство представило митрополиту Іосифу (Солтану) „пункты", въ которыхъ требовало, чтобы не монахи (которымъ митрополиты охотнѣе вручали намѣстническую власть и дѣла управленія), а они соборяне распоряжались-бы церковію, именовались-бы капитулою („способомъ давнимъ") и завѣдовали-бы имуществами соборной церкви и церквей приписныхъ къ собору (Пятницкой и Козмодемьянской), чтобы у нихъ хранились дѣла собора и другихъ церквей; соборяне приписываютъ себѣ право суда и „ряда" (не опредѣляя въ точности какого суда, надъ всѣмъ-ли духовенствомъ епархіи, или только надъ членами соборнаго клира и приписныхъ церквей)[1]. Еще раньше этихъ „пунктовъ", именно въ 1496 г. Виленскіе соборяне получили грамоту вел. князя по спору ихъ съ митрополитомъ Макаріемъ о своихъ правахъ[2]). Окончательно права Виленскаго собора, утверждены при митрополитѣ Макаріи II въ 1548 году.

Въ Вильнѣ рѣчь шла объ участіи крылоса вообще въ управленіи всѣми дѣлами церкви и ея имуществами, такъ какъ всѣ епархіальныя имущества давались на имя соборной церкви. Но фактически дѣло было далеко не вездѣ такъ: иногда крылосъ имѣлъ отдѣльныя имущества, назначенныя спеціально для него, и защищалъ ихъ противъ попытокъ епископа подвести такія имущества подъ общій уровень епископскихъ и распоряжаться ими. Такъ въ Полоцкѣ въ 1499 г. возникъ споръ между владыкою Лукою и крылошанами св. Софіи о правѣ владѣнія нѣсколькими селами, пожалованными кн. Скиргайломъ. На сторону крылоса стали городскія

[1]) Археогр. Сборн. т. VI, № 3.
[2]) Ак. зап. Рос., т. I, № 152.

власти—бояре, войтъ и мѣщане; по ихъ свидѣтельству, кн. Скиргайло далъ эти земли именно крылосу, и потому они отняли ихъ у епископа и передали крылошанамъ. Въ пользу крылошанъ рѣшилъ дѣло и вел. князь и далъ имъ право взимать дань и производить судъ въ спорныхъ имѣніяхъ;—а „опекатися" этими имѣніями и „боронити" ихъ поручилъ боярамъ, войту, бурмистрамъ, радцамъ и всѣмъ мѣщанамъ [1]).

Въ 1517 г. кор. Сигизмундъ, по просьбѣ кн. К. И. Острожскаго пожаловалъ нѣсколько тяглыхъ службъ въ Новгородскомъ повѣтѣ въ Цыринской волости крылошанамъ соборной Новгородской церкви свв. Бориса и Глѣба [2]).

Что касается до юго-западной Россіи, то нѣкоторые факты по вопросу о правахъ крылоса даютъ отрицательные отвѣты; а именно: при владыкѣ Іонѣ Борзобогатомъ-Красенскомъ церковныя имѣнія Луцкой епископіи подвергались расточенію. Когда новый владыка Кириллъ Терлецкій потребовалъ отчетъ отъ Луцкихъ соборянъ въ этой разтратѣ, то соборяне въ Луцкомъ гродскомъ судѣ и предъ митрополитомъ заявили, что владыка Іона никогда не совѣщался съ ними при заключеніи сдѣлокъ, мѣны, аренды и пр. на церковныя имѣнія и они не подписывались ни подъ какими актами [3]).

Однако и въ Луцкой епархіи, по крайней мѣрѣ послѣ смерти Іоны Борзобогатаго-Красенскаго, замѣчается не одинъ разъ участіе соборянъ, подъ именемъ крылоса, или капитулы, въ дѣлахъ управленія церковными имѣніями: въ 1585 г. въ гродскій Луцкій судъ было внесено заявленіе коморника королевскаго, производившаго опись Луцкой епископіи при вводѣ Кирилла Терлецкаго во владѣніе ею, о растратѣ нѣкоторыхъ церковныхъ имуществъ, произведенной бывшимъ епископомъ и его семействомъ; дѣйствующими лицами при этомъ заявленіи была „вся капитула церкви соборное св.

---

[1]) Ак. зап. Рос. I. № 174. См. обратное рѣшеніе вел. князя 1503 г. ib. № 209.

[2]) Ак. зап. Рос. II, № 99.

[3]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 49.

Іоанна Богослова"; коморнику заявляли объ этой растратѣ „протопопъ, попы и все духовенство церкви соборное" [1]).

Во время епископства Кирилла Терлецкаго, соборное духовенство („крылосъ") или, какъ теперь оно часто называется, капитула, принимаетъ постоянное участіе въ дѣйствіяхъ и актахъ по имуществамъ Луцкаго владычества, напр. при отдачѣ имѣнія Водирадъ въ аренду Кондыбѣ въ 1594 году дѣйствующими лицами были, кромѣ епископа, „*капитула, или крылошаны* церкви головное соборное Луцкое св. Іоана Богослова". Актъ подписанъ епископомъ, „протопопомъ Іоанномъ Вацутою, Григоріемъ—священник. Афанасьевской церкви—крылошаниномъ Луцкимъ, Федоромъ—священ. Пятницкой церкви,—крылошаниномъ Луцкимъ, Козмою—свящ. Михайловскимъ—крылошаниномъ Луцкимъ". Хотя въ явкѣ акта эти участники сдѣлки называются крылошанами „церкви главной соборной", но какъ видно изъ перечисленія, среди нихъ большинство не принадлежитъ къ соборной церкви, а состоитъ изъ приходскихъ священниковъ разныхъ церквей города [2]). Въ 1593 г. подкоморскій судъ разрѣшалъ межевое дѣло между Цыминскимъ съ одной стороны и епископомъ Луцкимъ Кирилломъ Терлецкимъ, и „крылошанами церкви соборное Луцкое св. Іоана Богослова"—съ другой, о возстановленіи правильныхъ границъ между имѣніемъ Цывинскаго Шкленемъ и имѣніемъ церковнымъ Губиномъ. На разборъ дѣла со стороны владыки явился повѣренный его—Иванъ Велятицкій, а отъ крылошанъ соборной церкви—о. Григорій—священникъ Афанасьевскій и о. Парфенъ—священникъ Рождественскій, „*яко дедичи добръ церковныхъ*", именемъ своимъ и всей братіи своей—крылошанъ церкви соборной Луцкой св. Іоанна Богослова. Эти два лица и приносили присягу (въ правотѣ иска): „Я Григорій Офанасовскій, а я Парфенъ Рождественскій—крылошане церкви соборное Иоана Богослова присягаемъ Господу Богу на томъ, ижъ што п. Янъ Цымин-

---

[1]) Арх. юго-зап. Росс. ч. I, т. I. № 43.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 101.

скій кгрунтъ *нашъ* церковный Губинскии отъ кгрунту своего Шкленскаго кривды и вписки отъ часу немалого чинилъ[1]).

Наименованіе собора капитулою, конечно, заимствовано изъ католическаго обихода. Но устройство собора разнится отъ устройства капитулы. Въ католической церкви, капитула состояла изъ особо назначенныхъ лицъ, а соборъ есть собраніе священниковъ и прочихъ членовъ клира соборной и другихъ церквей. По существу дѣла казалось бы, что „клиросъ" долженъ бы ограничиваться однимъ духовенствомъ соборной церкви, ибо имущества жаловались этой церкви (какъ мы видѣли); приходскія же церкви имѣли свои отдѣльныя имущества и права на нихъ. Однако дѣло не ограничивалось лишь духовенствомъ соборной церкви; о томъ свидѣтельствуютъ акты, которые приведены сейчасъ относительно Луцкой епископіи и которые будутъ приведены относительно Владимірской епископіи: въ соборъ включались священники всѣхъ или многихъ церквей главнаго города, а можетъ быть иногда, при болѣе важныхъ актахъ имущественныхъ сдѣлокъ, приглашались и избранные изъ священниковъ епархіи.

Относительно Владимірской епископіи участіе соборянъ находимъ въ грамотѣ короля Стефана Баторія 1588 г. Въ этой грамотѣ король пишетъ, что присылалъ къ нему владыка Владимірскій и Берестейскій Феодосій съ такою просьбою: будучи въ преклонныхъ лѣтахъ и слабаго здоровья, онъ Феодосій озабоченъ судьбою имущества епископіи послѣ его смерти и судьбою своихъ родственниковъ, которымъ были розданы нѣкоторыя имѣнія церковныя во временное владѣніе, а потому проситъ короля принять надлежащія мѣры, въ качествѣ верховнаго владѣльца („звирхного пана"), „подавцы и оборонцы". —Король постановилъ слѣд.: тотчасъ по смерти владыки протопопъ и вся капитула соборной церкви Владимірской должны сдѣлать опись церкви, священныхъ предметовъ въ ней, книгъ, привилегій и фундушей на имѣнія и десятины и затѣмъ взять въ свое завѣдованіе и охраненіе

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2069, л. № 99.

впредь до прибытія новаго владыки, которому протопопъ и вся капитула должны будутъ вручить опись. Родственники Феодосія могутъ свободно выѣхать изъ церковныхъ имѣній, съ тѣмъ, однако, чтобы гумна, стада и оборы церковныхъ имѣній владычества были оставлены и сохранены „*на насъ—господара* (говоритъ король), либо тому, кому тое владычество отъ насъ дано будетъ“ [1]).

Въ 1589 г. подобное постановленіе, но въ обобщенномъ видѣ, дано тѣмъ же Сигизмундомъ III (отъ 23 апрѣля), а именно король постановляетъ, что по смерти митрополита или епископовъ, церковныя имущества должны поступать во власть и управленіе соборнаго духовенства до назначенія новаго владыки. Такимъ образомъ участіе собора распространено на всѣ епархіи, въ томъ числѣ Кіевскую митрополію.

При упомянутомъ сейчасъ еп. Владимірскомъ Феодосіи Лазовскомъ мы видимъ не одно приведенное проявленіе правъ соборнаго духовенства на участіе въ дѣлахъ управленія церковными имуществами; соборяне предъявляли ихъ неоднократно, хотя не всегда достигали цѣли. Такъ въ 1589 г. соборное Владимірское духовенство заявило жалобу о расхищеніи церковныхъ имѣній зятемъ владыки Феодосія Дубницкимъ; но владыка запретилъ начать искъ объ этомъ [2]). Для насъ интересно въ этой жалобѣ указаніе на то, что называлось здѣсь соборнымъ духовенствомъ: духовенство ли одной соборной церкви, или соборъ духовенства городскихъ церквей, жалоба занесена отъ имени; „всей капитулы церкви соборное Володимірское—св. Пречистое“ слѣдующими лицами: Епимахомъ протопопомъ Владимірскимъ, настоятелемъ соборной церкви, Дмитріемъ—священникомъ цер. св. Прокофія; Максимомъ—церкви св. апостоловъ, Іосифомъ—церкви св. Николая, Мануиломъ—церкви св. Іоанна, Симеономъ—церкви Федоровской. Жалоба заявлена въ грод. книги уже послѣ смерти епископа Феодосія. При жизни епископа Фео-

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 13.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I. № 57.

досія видимъ участіе соборянъ въ дѣлѣ весьма полезномъ для церкви, а именно: 1588 г. августа 15 въ гродскомъ Владимірскомъ судѣ заявлено было слѣдующее рѣшеніе владыки Феодосія и всей капитулы церкви соборной Владимірской, за подписью владыки, протопопа и нѣкоторыхъ священниковъ (церквей св. Іоанна, св. Прокопія, Апостоловъ, св. Феодора); въ данномъ постановленіи участвовали и представители городской общины: рѣшено было, для возстановленія запущенной соборной церкви, отдѣлить въ пользу этой церкви изъ епископскихъ имѣній на три года села Бискупичи, Божанку, Купечовъ, Салотвинъ, Сушильно, мѣстечко Озеряны и село Бѣлашовъ, не оставляя для епископа ничего изъ доходовъ этихъ селъ; всѣ доходы, должны идти на поправку церкви; а на содержаніе вновь установленныхъ для нея двухъ дьяконовъ, двухъ или трехъ дьяковъ, хлопятъ и нѣсколькихъ спѣваковъ (пѣвчихъ) назначаются села Грошовая и Полупанщина. На содержаніе двухъ проповѣдниковъ назначаются доходы селъ: Городокъ и Сушибаба. Сверхъ того учреждается школа изъ двухъ бакаляровъ, одного для ученія греческаго, а другаго—славянскаго; для школы опредѣляются два дома въ епископскомъ замкѣ—каменный и деревянный; на содержаніе школы назначается доходъ со всѣхъ епископскихъ людей (живущихъ) въ городѣ Владимірѣ. Наконецъ учреждается богадѣльня для больныхъ и увѣчныхъ въ домѣ, въ которомъ раньше была школа; на содержаніе богадѣльни назначается село Петикоровъ. Всѣми исчисленными имуществами и вообще хозяйствомъ церковнымъ и отчетностію завѣдуютъ назначенные справцы и шафары въ теченіе 3-хъ лѣтъ, не оставляя епископу никакихъ доходовъ со всѣхъ этихъ имуществъ. По прошествіи означеннаго срока имѣнія возвращаются епископу [1]).

Участіе крылоса въ судебной дѣятельности епископа засвидѣтельствовано бракоразводнымъ дѣломъ Вас. Загоровскаго 1583 г., когда недовольные приговоромъ владыки Фео-

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I. № 55.

досія, поставили вопросъ: согласны-ли съ мнѣніемъ владыки и крылошане? Другой владыка, именно Холмскій, участвовавшій въ томъ-же засѣданіи, не согласился съ рѣшеніемъ владыки Владимірскаго „вмѣстѣ съ крылошанами своими“ [1]).

Обсуждая въ совокупности представленные факты объ участіи крылоса, или собора въ управленіи церковными епархіальными имуществами и дѣлами, мы можемъ съ нѣкоторою вѣроятностію рѣшить вопросъ: насколько въ нихъ проявляется древнее соборное устройство управленія православной церкви, и на сколько здѣсь надо видѣть вліяніе католическихъ порядковъ (которыми начали тогда увлекаться православные епископы). По сличенію съ приведенными выше фактами сѣверо-западной Россіи, слѣдуетъ думать, что древнее соборное начало православной церкви никогда не умирало по крайней мѣрѣ въ сознаніи и убѣжденіяхъ бѣлаго духовенства и лишь временно (въ XVI в.) было затемнено деспотическими пріемами нѣсколькихъ іерарховъ западной Россіи.

Такова была организація епархіальной власти, составляющей субъектъ правъ на имущества епископій. Въ сущности власть епископа была очень велика; значеніе крылоса выступало или post factum, т. е. когда церковныя имущества, по смерти владыки, оказывались расхищенными или подвергались опасности расхищенія его родственниками, или тогда, когда владыка самъ призывалъ крылосъ къ участію въ какой-либо имущественной сдѣлкѣ, или, наконецъ, тогда, когда возникалъ вопросъ о принадлежности тѣхъ или другихъ имуществъ крылосу въ отдѣльности. При обыкновенномъ же теченіи дѣлъ *право управленія* имуществами всецѣло принадлежало владыкѣ и осуществлялось чрезъ „урядниковъ“ (управляющихъ), которыхъ избиралъ владыка единолично. Весьма нерѣдко владыки замѣняли урядниковъ своими сыновьями и другими родственниками; ни какому контролю или отчетности управленіе ихъ не подлежало. Доходы имѣ-

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, стр. 179.

ній составляли личный доходъ епископа, изъ котораго онъ могъ удѣлять часть, по своему усмотрѣнію, на нужды соборной церкви и можетъ быть другія обще-епархіальныя потребности. Можемъ, однако, полагать, что удѣляемая владыками доля на эти нужды, была весьма не щедра (судя по жалобамъ о разореніи кафедръ владыками). Тѣмъ болѣе мы должны цѣнить изложенный выше поступокъ епископа Феодосія.

Что касается прочихъ правъ, именно права распоряженія, владѣнія и нѣкоторыхъ правъ пользованія, то власть епископа находится подъ ограниченіемъ со стороны власти великаго князя, верховнаго „подавцы и оборонцы" церковныхъ и въ частности епископскихъ имѣній. Для обозначенія характера этихъ ограниченій, приведемъ выраженіе одной королевской грамоты, которая хотя относится къ монастырскимъ, а не епископскимъ имѣніямъ, но имѣетъ общее значеніе, ибо монастыри, состоящіе въ непосредственномъ поданьѣ вел. князя, находились совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и епископіи (а потому о такихъ монастыряхъ, какъ субъектахъ имущественныхъ правъ, мы отдѣльно говорить не будемъ, предупреждая, что все, что говорится здѣсь о епископскихъ имѣніяхъ, относится и къ нимъ): король Стефанъ Баторій, передавая Жидичинскій монастырь епископу Феофану Меглинскому въ 1582 г., ставитъ слѣдующее условіе: „безъ воли нашое никому имѣней, селъ и якихъ же колвекъ пожитковъ отъ того монастыря отдаляти, давать и уменшивать жаднымъ способомъ и обычаемъ не масть и не будетъ мети" [1]).

Мы уже видѣли выше, что изъ всѣхъ церковныхъ учрежденій епископіи именно выдѣлялись какъ предметъ исключительнаго права вел. князя на поданье ихъ и что старыя претензіи удѣльныхъ князей, бывшихъ владѣтельныхъ, отстранены рѣшительно вел. княземъ въ XVI в. Важнѣйшая изъ епископій—митрополія Кіевская, конечно, никогда не могла подпадать патронатству какихъ-либо частныхъ лицъ,

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 31.

даже и при удѣльныхъ Кіевскихъ князьяхъ (Оленьковичахъ), ибо она была не только епархіею, но и представительницею всей западно-русской церкви. Однако случались притязанія и на патронатство надъ митрополіею со стороны частныхъ лицъ и обществъ. Именно столичная городская община, т. е. община гор. Вильны, быть можетъ по древнимъ воспоминаніямъ о государственныхъ правахъ вѣчевыхъ городовъ, заявила въ довольно позднее время попытку распоряжаться дѣлами митрополіи; въ 1569 г. митрополитъ Іона жаловался вел. князю, что „городской урядъ столичнаго гор. Вильны, еще при жизни митрополита Сильвестра, забралъ къ себѣ всѣ привилегіи и листы на все наданье и уфундуванье того (Кіевскаго) архіепископства, не имѣя на то никакого дѣйствительнаго права“. Документы не были возвращены долгое время и при митрополитѣ Іонѣ, не смотря на неоднократное его настояніе; городскія власти „распоряжались (имуществами?) по своему произволу“. Только по особому приказанію вел. князя и только теперь—въ 1569 г. привилегіи были возвращены митрополиту, но далеко не всѣ. Въ слѣдствіе новой жалобы митрополита, король велѣлъ записать его явку въ свои господарскія книги, имѣя въ виду, что, то архіепископство „есть надане и вфудоване предковъ его (короля) и состоитъ въ оборонѣ и въ подаваньи его господарскомъ“, а между тѣмъ сокрытіе привилегій можетъ сопровождаться какимъ-либо вредомъ и умаленіемъ правъ митрополіи [1]).

Итакъ единственною силою, ограничивающею права владыкъ, была власть вел. князя. Разсмотримъ соотношеніе этихъ властей по отдѣльнымъ видамъ правъ на имущества епископій.

Право распоряженія ими, при господствѣ принципа неотчуждаемости, не должно бы принадлежать никому; но мы уже знаемъ, что нѣкоторые способы распоряженія не только владѣніемъ и пользованіемъ, но и правомъ собственности

[1]) Археогр. Сбор. т. VI, № 26.

допускаемы были и въ западно-русской церкви. Хотя всѣ такіе способы находятся въ распоряженіи мѣстнаго владыки, но болѣе значительные изъ нихъ могли быть примѣняемы не иначе, какъ съ разрѣшенія великаго князя. Такъ:

Мѣна церковнымъ имуществомъ на имѣнія стороннихъ лицъ могла быть совершена не иначе, какъ чрезъ испрошеніе формальнаго (письменнаго) соизволенія государя, которое онъ выражаетъ въ особомъ привилеѣ на имя владыки. Въ 1592 г. заключена какая то (не дошедшая до насъ) сдѣлка о мѣнѣ имѣніями Шистовомъ и Ольшаницею между владыкою Владимірскимъ Мелетіемъ Хребтовичемъ и п. Абрамомъ Дубницкимъ; но сдѣлка эта была отмѣнена декретомъ ассенорскаго суда, какъ касающаяся церковнаго имѣнія, а потому незаконная („тую замеку, яко *неправную з добръ церковныхъ* през декретъ ихъ мил. пановъ асесоровъ знесено“)[1]). Очевидно, что на заключеніе сдѣлки не было испрошено разрѣшеніе короля, ибо подъ этимъ условіемъ мѣна всегда допускалась: въ 1523 г. кн. Фед. Мих. Чорторыйскій мѣнялся съ владыкою Луцкимъ Кириломъ своимъ дворищемъ Коршовцемъ на церковное дворище Демяново; владыка заключилъ эту сдѣлку „зъ раскозаня господарского“[2]). Въ 1574 г. владыка Луцкій Іона промѣнялъ имѣніе церковное—Хорлупъ на имѣніе кн. Радзиловъ—Фалимичи „зъ волею, вѣдомостью и позволеньемъ его корол. милости короля Гендрыка“. Король далъ позволеніе, находя просьбу владыки согласною, какъ съ верходнымъ правомъ господаря, такъ и съ правомъ поданія, принадлежащимъ ему[3]). Подобнымъ же образомъ было испрашиваемо и дано позволеніе тогоже короля на обмѣнъ церковнаго имѣнія Луцкой епископіи Пальче на имѣнія Красное и Омелениюъ князей Радзиловъ („которую замену мы, господарь, за слушную мети

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 947, л. 210 на об.

[2]) См. этого тома стр. № 356.

[3]) „Бачачи быти въ томъ жедане владыки Луцкого слушное, такъ з вирхности нашое господарьское, яко и з стороны подаваня нашого, на тую замену позволили“. Кіев. Центр. Арх. кн. № 2048, л. 311 на об.

хочемъ и вечне ее держати")[1]). При подобныхъ же условіяхъ произведенъ обмѣнъ церковной земли въ Луцкѣ на фольварокъ Лучинскій вдовы Федора Янушевича - Фенны[2]).

Правда, иногда мѣна обходилась безъ спеціальнаго разрѣшенія вел. князя, но это только въ такомъ случаѣ, когда она касалась неглавныхъ принадлежностей церковнаго имѣнія; такъ въ 1547 г. владыка Владимірскій Геннадій промѣнялъ Алексѣю Яким. Волчку „плецъ церковный, што въ селѣ“ на два дворища, сподручныя имѣнію церковному, безъ разрѣшенія вел. князя[3]).

Мѣна, какъ извѣстно, легко можетъ сдѣлаться актомъ полнаго отчужденія части имущества и потому требовала внимательнаго контроля со стороны верховнаго патрона вел. князя. Такъ это случилось въ дѣйствительности въ приведенномъ выше случаѣ промѣна Хорлупа на Фалимичи Луцкимъ епископомъ: когда владыка Іона умеръ, то соборное духовенство заявило, что покойный владыка, безъ вѣдома и позволенія всей капитулы, посредствомъ своего сына Василія отдалъ Радивиламъ Хорлупъ, промѣнявъ его на Фалимичи и с. Иванчичи, получивши 1500 зл. польск. *придачку* или *барышу*, который и забралъ себѣ Василій Красенскій, а между тѣмъ Фалимичи съ сельцами не стоятъ и половины замка и мѣстечка Хорлупъ и селъ Хорлупскихъ[4]). Такимъ образомъ посредствомъ мѣны по крайней мѣрѣ половина одного изъ лучшихъ имѣній епископіи подверглась отчужденію безъ эквивалента для церкви. Впослѣдствіи оказалось, что къ довершенію всего самое право Радивиловъ на Фалимичи было спорнымъ и по распоряженію секретаря королевскаго королевскимъ коморникомъ (конечно, не безъ воли вел. князя) было отобрано у церкви; объ этомъ въ 1590 г. епископъ Кириллъ Терлецкій и капитула соборной церкви подали въ гродскій Владимірскій судъ жалобу (Фалимичи были въ Луцкомъ повѣтѣ)[5]).

---

[1]) Кіев Центр. Арх. № 2048, л. 315.
[2]) См. этого тома стр. № 247.
[3]) См. этого тома стр. 151—152.
[4]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I. т. I. стр. 209.
[5]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, стр. 275 и слѣд.

Размежеванiе, подобно мѣнѣ неглавными принадлежностями имѣнiя, могло быть произведено по волѣ владыки, безъ особаго разрѣшенiя вел. князя. Такъ въ 1511 еп. Владимiрскiй Пафнутiй произвелъ размежеванiе церковной земли отъ имѣнiя князя Ф. М. Чорторыйскаго, съ предоставленiемъ этому послѣднему права примкнуть греблю (плотину) къ церковной землѣ [1]); такимъ образомъ при размеживанiи безъ воли вел. князя совершилась сдѣлка, соединенная съ нѣкоторою уступкою правъ собственности.

На церковной землѣ допускалось установленiе *вѣчнаго чиншеваго владѣнiя*, но требовало спецiальнаго разрѣшенiя вел. князя: въ актѣ 1547 г. разсказывается судьба церковнаго дворища, принадлежащаго Владимiрскому владычеству, въ с. Хмелевѣ среди владѣнiй пана Волчка; это дворище издавна, „при нѣкоторыхъ предкахъ нашихъ (говоритъ еп. Геннадiй), первыхъ епископахъ Владимiрскихъ, запустѣло и пляцъ (усадебная земля) этого дворища въ с. Хмелевѣ лежалъ въ пустѣ, отъ чего церковь долгое время не получала никакого дохода; по этому предшественникъ нашъ еп. Пафнутiй, съ дозволенiя господарскаго [2]), далъ это дворище отцу п. Алекс. Волчка—Якиму, съ полями и сѣнокосами, подъ условiемъ ежегодной платы въ 100 грошей; на такихъ условiяхъ отецъ Волчка держалъ это дворище при покойныхъ епископахъ Пафнутiи и Iонѣ“. Владыка Геннадiй въ свою очередь подтверждаетъ чиншевое право Волчка „на вечные часы“, но не испрашиваетъ уже на то новаго дозволенiя вел. князя [3]), очевидно потому, что дозволенiе необходимо при первоначальномъ установленiи чиншеваго владѣнiя а при переходѣ къ новымъ владѣльцамъ требовалось лишь утвержденiе собственника.

Къ чиншевому владѣнiю относится одинъ актъ 1570 г., не совсѣмъ, впрочемъ, ясный по своему содержанiю, а

---

[1]) См. этого тома стр. 30.

[2]) Кор. Сигизмундъ I въ 1514 г. далъ привилей на дозволенiе этой сдѣлки „вечно, ведлугъ злюбу и воли своее“. См. этого тома V XXV, 8.

[3]) См. этого тома стр. 150—151.

именно: Янъ Андреевичъ Монтовтъ внесъ въ актовыя книги заявленіе, что владыка Владимірскій Феодосій выбилъ урядника его изъ имѣнія Десятины; потомъ стороны вошли въ сдѣлку между собою, изъ которой оказывается, что Монтовтъ держалъ (несомнѣнно) въ чиншевомъ владѣніи церковное имѣніе Десятину съ давнихъ временъ, какъ держали и предки его—каштелянъ Луцкій Михаилъ Козинскій и мать Монтовта, уплачивая ежегодно по 8 копъ грошей владыкѣ. Очевидно, владыка Феодосій почему-то хотѣлъ прекратить это чиншевое право Монтовта и насильственно удалилъ изъ имѣнія его урядника. По установленной же новой сдѣлкѣ Монтовтъ удерживаетъ за собою и впредь владѣніе Десятиною, до того времени, пока Монтовтъ не выхлопочетъ у короля какого-либо другаго имѣнія въ пользу Владимірской епископіи въ замѣнъ Десятины, или пока не замѣнитъ ея самъ какимъ-либо своимъ имѣніемъ [1]). Ясно, что Монтовтъ, упослѣдовавшій владѣніе церковнымъ имѣніемъ Десятиною, не желалъ уступать его собственнику, тоесть церкви (быть можетъ прекратилъ взносъ чинша) и рѣшилъ освоить его на правѣ собственности, или даромъ, при помощи пожалованія отъ вел. князя новаго имѣнія церкви, или путемъ мѣны.

Возможность установленія вѣчнаго чиншеваго владѣнія на церковныхъ имуществахъ подавала поводъ къ злоупотребленіямъ, которыя приводили къ отчужденію церковныхъ имуществъ; на пр. по смерти владыки Луцкаго Іоны Красенскаго соборное духовенство заявило, что за́мокъ Жабче, издавна принадлежащій Луцкой епископіи, и хорошо снабженный обороною, тоесть оружіемъ, Іона, безъ вѣдомости и позволенія соборнаго духовенства и конечно безъ разрѣшенія вел. князя, отдалъ за своею дочкою въ приданое Александру Жоравницкому, бывшему Луцкому старостѣ; сынъ владыки Василій Борзобогатый забралъ изъ за́мка двѣ литыхъ пушки и отдалъ одну Гавр. Бокію, а другую Алекс. Жоравницкому, а три пушки забралъ въ свои имѣнія; са-

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 966, л. 220 на об.

мый же за́мокъ (постройки) Жабча тотъ же зять владыки перевезъ въ свое Блудово [1]). Очевидно, мы здѣсь должны предполагать не отчужденіе права церковной собственности (такая сдѣлка все равно не удержалась бы), а установленіе вѣчнаго владѣнія, нарушающее, однако, права собственности.

Нѣкоторое сходство съ чиншевымъ владѣніемъ имѣетъ *установленіе войтовства* въ церковныхъ имѣніяхъ властію епископа. Извѣстно, что съ войтовствомъ соединялось наслѣдственное пользованіе участкомъ, присвоеннымъ этой должности. Вся разница войтовства отъ чиншеваго владѣнія заключалось лишь въ томъ, что собственникъ, вмѣсто денегъ, получалъ услуги по отправленію должности войта (колонизаціонныя и административныя). Владыкѣ принадлежитъ и право отмѣны войтовства, если, согласно условію, войтъ получаетъ, въ замѣнъ войтовства, денежное удовлетвоереніе въ опредѣленной суммѣ. Безъ такого условія право войта и его наслѣдниковъ неотъемлемо [2]).

Пожалованіе церковныхъ имѣній служилымъ церковнымъ людямъ подъ условіемъ службы имѣетъ большое значеніе для судьбы церковныхъ имуществъ. Оно исходитъ отъ церковной власти, именно епископской. Имущества даваемы были или „вѣчно“ или „до воли и ласки“. Въ сферѣ церковной это различіе имѣло такое же значеніе, какъ въ сферѣ государственной пожалованіе имѣній великимъ княземъ; какъ въ послѣднемъ случаѣ жалованыя имущества („выслуги“) переходили потомъ въ потомственныя, такъ и церковныя земли, данныя „до воли и ласки“, обыкновенно, становились предметомъ потомственнаго (наслѣдственнаго) права въ рукахъ церковныхъ бояръ. Однако въ дальнѣйшей судьбѣ ихъ была и значительная разница: церковный бояринъ никогда не могъ обратиться въ независимаго собственника пожалованныхъ ему (не только временно, но и на вѣчность) имуществъ, въ силу принципа неотчуждаемости; прекращая службу церкви, онъ долженъ былъ возвратить ихъ. Во всякомъ случаѣ уста-

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. т. I, ч. I, стр. 209—210.

[2]) См. Кіев. Центр. Арх. кн. 941, л. 453—483 на обор.

новленіе „вѣчнаго“ (то есть наслѣдственнаго) владѣнія, какъ сдѣлка весьма важная для судьбы церковныхъ имуществъ, требовала предварительнаго соизволенія великаго князя, а пожалованіе „до воли и ласки“, лишь послѣдующаго подтвержденія; при этомъ привлеченіе воли вел. князя иногда наступало не при первоначальномъ пожалованіи, а при наступленіи на кафедру новаго владыки; напримѣръ владыка Брянскій и Черниговскій Нектарій далъ боярину своему Григорію Иванову церковное сельцо св. Спаса съ принадлежностями, съ обязательствомъ служить послѣдующимъ владыкамъ Брянскимъ. Когда на кафедру вступилъ новый (нареченный) владыка (Іона), то бояринъ Григорій обратился съ просьбою къ вел. князю подтвердить ему пожалованіе Нектарія, что вел. князь и исполнилъ[1]). Здѣсь вмѣшательство вел. князя вызвано не интересами церкви (охраною ея имуществъ), а интересами получившаго пожалованіе, такъ какъ очевидно пожалованіе дано не на „вѣчность“; временный владѣлецъ опасался, что послѣдующій владыка не уважитъ воли своего предшественника.

Возможность перехода временнаго пожалованія въ „вѣчное“ владѣніе можно видѣть между прочимъ изъ слѣд. факта: въ 1577 г. Кіевскій митрополитъ Илья (Куча) обратилъ вниманіе на то, что Василій Панковичъ получилъ отъ митрополита церковныя селища Филимоновщику и Багриновъ на службѣ коиной боярской „до воли и ласки“, но потомъ сынъ его Максимъ Панковичъ, безъ вѣдома и позволенія митрополита, заставилъ Филимоновщику земянину Кіевскому Бенедикту Шкаревскому въ 70 копахъ грошей, а селище Багриновъ, по какому-то взысканію (съ Панковича), судомъ воеводы присуждено нѣкоему Федору Черевчею и наконецъ поступило во владѣніе намѣстника Кіевскаго воеводства—Василія Рая въ 40 копахъ грошей. Митрополитъ находитъ, что такое распоряженіе церковными имѣніями совершенно несогласно съ каноническимъ правомъ. Однако что же предстояло сдѣлать митрополиту для возвращенія имѣнія

---

[1]) Ак. зап. Рос. I. № 168.

въ руки церкви? Митрополитъ предоставилъ право Богушу Гулькевичу Глѣбовскому выкупить упомянутыя селища и затѣмъ владѣть ими безсрочно подъ обезпеченіемъ уплаченой имъ выкупной суммы, но и послѣ выкупа ихъ у него церковію, Гулькевичъ и его преемники (жена, дѣти и потомки) будутъ владѣть и пользоваться обоими селищами вѣчно и митрополиты не имѣютъ права чинить ему въ томъ какое-либо препятствіе, ибо онъ хорошо заслужилъ церкви Божіей и продолжаетъ служить. По полученіи выкупа за упомянутыя селища Гулькевичъ будетъ обязанъ служить съ нихъ службу земскую военную, наравнѣ съ другими шляхтичами—обывателями Кіевск. воеводства, т. е. ставить одного коня [1]). Такимъ образомъ, одна сдѣлка, т. е. установленіе служебнаго владѣнія перешла въ другую—заставную. Почему митрополитъ нашелъ дѣйствія Максима Панковича незаконными? Конечно не потому, что онъ овладѣлъ послѣ отца имуществами, пожалованными только „до воли и ласки“. Несомнѣнно сынъ имѣлъ право такого наслѣдованія, если „ласка“ собственника не прекратилась и пожалованіе не отнято. Незаконность не состояла и въ томъ, что владѣлецъ заложилъ церковное имѣніе; единственно въ чемъ онъ виноватъ, это то, что совершалъ сдѣлки „безъ вѣдома и позволенія“ митрополита. Итакъ, владѣлецъ церковнаго имѣнія не только потомственный, но и временный, могъ совершать всѣ тѣ сдѣлки, какія доступны и для самой церковной власти, подъ условіемъ неотчуждаемости и при соблюденіи условія т. е. службы церкви. Даже взысканія по долгамъ владѣльца могли пасть на церковную землю. Наконецъ временное служебное владѣніе переходитъ въ вѣчное. Въ изложенномъ сейчасъ фактѣ не видно ни въ чемъ участія воли вел. князя, конечно потому, что первоначально пожалованіе было дано лишь „до воли и ласки“ владыки.

Иначе стоитъ дѣло съ пожалованіями на вѣчность: такъ напримѣръ владыка Владимірскій Феодосій далъ боярину владычества Владимірскаго—Тимофею Васильевичу на вѣч-

---

[1]) Ак. зап. Рос. III. № 83.

ность сельцо церковное Федоровецъ, въ которомъ было людей осѣдлыхъ 5, а пустовщинъ 3, и далъ ему на то грамоту. Бояринъ представилъ эту грамоту для утвержденія королю. Король, хотя и подтвердилъ пожалованіе владыки, но выразилъ слѣд. „владыка не имѣлъ и не имѣетъ права раздавать на вѣчность никому церковныхъ имѣній нашего (т. е. велико-княжескаго) подаванья безъ вѣдома и воли нашей“ [1]). Выраженіе: „подаванья нашего“ не означаетъ, что были другія епископскія имущества, не состоявшія въ великокняжескомъ подаваньѣ, которыми владыка могъ бы распоряжаться безъ воли вел. князя; великокняжескому патронатству подлежали всѣ владычнія имѣнія. Итакъ, пожалованіе на вѣчность требовало не послѣдующаго *подтвержденія*, а предворительнаго *дозволенія* вел. князя, въ чемъ, конечно, есть большая разница.

Пожалованіе имуществъ церковнымъ слугамъ и боярамъ вызывалось необходимостію, именно обязанностію владыкъ служить государству съ церковныхъ имуществъ. Во всякомъ владычествѣ, вслѣдствіе этого, существовало нѣсколько отдѣльныхъ владѣній бояръ на пѣшей или конной службѣ. Въ инвентаряхъ они и значатся, обыкновенно, какъ имѣнія боярскія, не переставая быть церковными. Въ такомъ пожалованіи нѣтъ никакого личнаго (экономическаго) интереса владыкъ.

Переходимъ къ такимъ сдѣлкамъ, въ которыхъ проявляется личный интересъ этихъ послѣднихъ.

Отвѣтственность церковныхъ имуществъ по обязательствамъ правящихъ епископовъ и заставное право. Изъ одного примѣра, приведеннаго выше, видно, что, по рѣшенію вел. князя 1571 года, церковныя имущества не отвѣчаютъ по обязательствамъ епископовъ. Однако, цѣлый рядъ актовъ, относящихся ко времени, какъ предшествующему, такъ и послѣдующему за этимъ рѣшеніемъ, содержитъ въ себѣ доказательства противнаго; по обязательствамъ владыкъ идутъ въ удовлетвореніе кредиторовъ доходы имуществъ епископій,

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 54.

для чего самыя имущества поступають во временное владѣніе кредиторовъ, или тѣхъ органовъ судебной власти, которымъ поручено взысканіе. Такъ въ 1570 г. маршалокъ господарскій Михаилъ Малинскій предъявилъ гродскому Луцкому суду жалобу на владыку Луцкаго и архимандрита Жидичинскаго Іону Борзобогатаго по слѣдующему поводу: 9 мая 1570 г. изъ стада лошадей, принадлежащихъ Малинскому, пропало 11 „валаховъ ѣздныхъ", на которыхъ онъ Малинскій отправлялъ службу земскую военную; объ этой пропажѣ всюду по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ было заявлено („волано") и заповѣдано. Оказалось, что урядникъ имѣнія Рожищъ (владычества Луцкаго), съ слугами и людьми Рожищскими, захватилъ коней въ дубравѣ воровскимъ способомъ, скрывалъ во дворѣ Рожищскомъ, ѣздилъ на нихъ, бороны волочилъ и коней испортилъ. Судъ приговорилъ владыку къ уплатѣ въ пользу Малинскаго 169 коп гр. Такъ какъ владыка въ срокъ не заплатилъ этого штрафа, то судъ предписалъ возному войти во владѣніе („увязатися") частію имѣній Луцкаго владычества, изъять ихъ изъ власти владыки и взять въ свою власть, списать на реестръ всякіе доходы и пожитки и выплачивать Малинскому до полнаго погашенія присужденной суммы и затѣмъ возвратить взятую часть имѣній владычеству Луцкому. Во исполненіе этого рѣшенія суда, возный вступилъ во владѣніе селами Пѣвчемъ и Бущею [1]).—Доходы церковныхъ имѣній должны бы исключительно идти (кромѣ личнаго содержанія владыки) на „умноженіе хвалы Божіей", т. е. на ритуальныя нужды церкви, а отнюдь не на уголовные штрафы за преступленія лицъ, управляющихъ ими; но это послѣднее вызвано особенностями уголовнаго Литовскаго права, по которому преступленія большею частью оплачивались денежными штрафами; а при отсутствіи наличныхъ денегъ обыкновенно доходами имѣній виновныхъ лицъ, или тѣхъ, кому они служатъ. Въ разсматриваемомъ случаѣ владыка подвергся штрафу потому, что урядникъ его дѣйствовалъ якобы „з волею и ведомостію

---

[1]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 2045, № 80.

пана своего“, т. е. владыки. Очевидно, что церковныя имущества епископій разсматривались, какъ личное, хотя и временное имущество правящаго владыки.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ въ особенности слѣдующій фактъ: въ 1571 г. тотъ же владыка Луцкій Іона Борзобогатый-Красенскій велъ въ корол. судѣ дѣло съ подканцлеромъ Литовскимъ Ост. Воловичемъ и былъ присужденъ въ пользу Воловича къ уплатѣ долга въ огромной суммѣ 29,628 зол. Король предписалъ взыскать этотъ долгъ съ собственныхъ (личныхъ) имѣній владыки, а также съ имѣній и *доходовъ церковныхъ Луцкаго владычества и архимандритства Жидичинскаго.* Владыка вступилъ въ сдѣлку съ лицами, назначенными для взысканія и, отдавая въ ихъ распоряженіе свое родовое имѣніе Красное, добавилъ, что остальная сумма (недостающая) имѣетъ быть выплачена съ готовыхъ пожитковъ церковныхъ имѣній, а именно: съ гуменъ, ставовъ, млиновъ, корчемъ, мытъ, скота и всякаго другого имущества. Впредь до утвержденія этой сдѣлки Воловичемъ, владыка обязывается ничего въ имѣніяхъ церковныхъ не уменьшать и не опустошать, и ни какихъ доходовъ въ свою пользу не брать. А за тѣмъ, когда сдѣлка состоится, не сопротивляться вводу во владѣніе кредитора [1]).—Мы не знаемъ обстоятельствъ дѣла и основаній долга, но очевидно, что дѣло шло о личныхъ обязательствахъ владыки Іоны, а не о какой-либо отвѣтственности, падающей на него, какъ епископа, ибо взысканіе прежде всего падаетъ на его собственныя родовыя имѣнія.

Въ предыдущемъ примѣрѣ, однако, не совсѣмъ ясны основанія обязательства, по которому слѣдовали взысканія; но вотъ примѣръ, не оставляющій сомнѣнія въ томъ, что церковныя имущества отвѣчаютъ за долги личные владыки и *членовъ его семьи:* въ 1574 г. тотъ же владыка Іона Красносельскій подвергся взысканію въ 2 т. коп. гр. за долгъ свой и сына своего Василія. По рѣшенію суда взысканіе обращено на собственныя родовыя имѣнія Красносельскихъ, именно Омельникъ и селище Красносельское, но также и на

[1]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 2045, л. 345 на об.

церковное имѣніе епископіи Луцкой—Водирады и монастыря Жидичинскаго—дворецъ Боголюбовскій; въ тѣ и другія имѣнія безразлично введены во владѣніе слуги кредитора (княгини Чорторыйской). При этомъ достойно примѣчанія, что когда возный, пріѣхавши въ имѣніе Водирады для описи, предлагаетъ уряднику имѣнія обычный вопросъ: отъ кого онъ держитъ имѣніе, то урядникъ отвѣтилъ: „держу тѣ всѣ имѣнія (село и приселки) отъ его милости отца владыки Луцкаго *и отъ сына его п. Василія*“ [1]). Такимъ образомъ, церковными имѣніями пользовались не только самъ владыка, но и члены его семьи.

Несомнѣнно, что пользованіе и распоряженіе доходами церковныхъ имѣній принадлежало исключительно епископу, что изъ этого истекаетъ отвѣтственность церковныхъ имѣній за долги его. Но вопросъ о правѣ владѣнія этимъ отнюдь не разрѣшается. Можетъ ли правящій епископъ по собственной волѣ передать владѣніе церковными имѣніями другому стороннему лицу? Уже представленные выше примѣры показываютъ, что и при взысканіи долговъ съ владыки установляется (сообразно съ особенностями литовско-русскаго гражданскаго права) для кредитора временное владѣніе имѣніями должника; само собою понятно, что это не есть владѣніе, соединенное съ animus domini, а особый видъ заставного владѣнія; однако съ заставнымъ владѣніемъ, какъ и съ тогдашнимъ чиншевымъ правомъ, соединялись права, болѣе приближающія ихъ къ вещному праву, чѣмъ къ обязательственному.

Уже мы видѣли, что право владѣнія весьма близко соприкасается съ правомъ распоряженія; владыки, установляя чиншевое право церковными имѣніями въ пользу стороннихъ лицъ, тѣмъ самымъ отчасти предрасполагаютъ будущую правовую судьбу имѣній навсегда. Обратимся къ заставному владѣнію въ точномъ смыслѣ.

Условія заставнаго владѣнія церковными имѣніями (и ихъ ограниченія) всего яснѣе видны изъ слѣд. факта: Иванъ Борзобогатый-Красенскій, будущій Луцкій владыка Іона,

[1]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 2048, л. 130.

былъ сначала нареченнымъ владыкою Владимірскимъ (не имѣя сана епископа); въ этомъ званіи онъ задолжалъ П. Т. Киселю Низкиницкому сто копъ грошей и въ обезпеченье долга отдалъ ему въ заставу имѣніе Пятикоровъ, принадлежащее Владимірской епископіи. Пока Иванъ Борзобогатый продолжалъ быть нареченнымъ Владимірскимъ епископомъ, кредиторъ владѣлъ означеннымъ имѣніемъ безпрепятственно. Но затѣмъ Борзобогатый перешелъ на епископію Луцкую и, принявъ епископскій санъ, сдѣлался владыкою Іоною. Согласно съ условіями сдѣлки, въ случаѣ если должникъ оставитъ владычество Владимірское, кредиторъ имѣлъ право взять въ свое владѣніе 10 службъ какого-либо другого имѣнія Борзобогатаго („которое бы въ себѣ и въ держаню и вживаню своемъ мелъ") [1]). Такъ какъ при переходѣ на Луцкую каѳедру владыка не отдалъ Киселю долга, то Кисель, взявши отъ уряда вижа и вознаго, самъ вошелъ во владѣніе 9½ службами имѣнія Боголюбовскаго, принадлежащаго Жидичинскому монастырю (въ Луцкой епархіи). Сколько времени продолжалось это владѣніе Киселя церковнымъ имѣніемъ Луцкой епархіи, не знаемъ. Но затѣмъ, отправляясь на службу въ Витебскъ и ликвидируя свои дѣла на Волыни, Кисель перезаложилъ это имѣніе Михаилу Малинскому въ тойже суммѣ [2]). Заставная сдѣлка между Киселемъ и Малин-

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. 2044, л. 407.

[2]) Однако, по неизвѣстной намъ причинѣ заставное владѣніе Киселя имѣніемъ Пятикоровъ продолжалось и при владыкѣ Феодосіи до 1581 г., когда нареченный владыка Мелетій Хребтовичъ вступилъ въ управленіе епископіею (по уступочной записи отъ Феодосія), получилъ вводъ во владѣніе и этимъ имѣніемъ, объявивши войту и крестьянамъ, чтобы они впредь ни въ чемъ не слушались п. Петра (Киселя) и его урядника, и поставилъ тамъ собственныхъ слугъ. Затѣмъ родственникъ и опекунъ имѣній Киселя Григорій Кисель Низкиницкій подалъ жалобу въ судъ о томъ, что Хребтовичъ, съ вѣдома и воли владыки Феодосія, „наѣхавши силою и гвалтомъ, со многими слугами и помощниками", на имѣніе Пятикоровъ, находившееся съ давняго времени въ спокойномъ владѣніи Киселя, выбилъ его изъ этого имѣнія. Судъ, по обычаю, послалъ вознаго для освидѣтельствованія факта; при этомъ войтъ съ „мужами Пятикоровскими" заявилъ: „теперь мы имѣемъ уже другого пана; а панъ Кисель уже довольно нами распоряжался, и впередъ распоряжаться не будетъ". Подобнымъ же образомъ заявили и

скимъ обошлась безъ всякаго участія владыки, какъ обычная цессія отъ кредитора.

Изъ этого акта позволительно сдѣлать нѣсколько выводовъ о правѣ владыкъ на епископскія имѣнія: а) владыка имѣетъ право отдать церковное имѣніе въ заставу за свой долгъ. Застава весьма отличается отъ взятія имѣнія для взысканія впредь до уплаты долга; въ послѣднемъ случаѣ имѣніе освобождается, по крайней мѣрѣ, въ опредѣленный срокъ; при заставномъ же владѣніи отъ должника зависитъ неплатить долга въ теченіи неопредѣленнаго количества времени и во все это время церковное имѣніе должно было служить интересамъ кредитора безъ всякой пользы для церкви. Иногда заставное владѣніе продолжалось болѣе столѣтія; а потому застава можетъ быть причислена къ сдѣлкамъ отчужденія [1]).

Но б) въ анализируемомъ актѣ есть указаніе, что заставное владѣніе за долгъ епископа должно прекратиться, когда на кафедру вступаетъ новый епископъ; составляетъ ли это общій порядокъ, неизвѣстно: Что же касается до даннаго случая, то спеціальная оговорка въ актѣ на счетъ случая отчисленія Борзобогатаго отъ Владимірской кафедры вызвана можетъ быть тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ еще не былъ епископомъ и еслибы духовная власть почему-либо не удо-

---

слуги Мелетія Хребтовича, поставленные имъ въ этомъ имѣніи, а именно, что этотъ послѣдній взялъ имѣніе, какъ свое собственное—церковное; а потому „ты, панъ урядникъ (Кисель) поѣзжай прочь и больше не распоряжайся крестьянами; иначе мы силою будемъ оборонятся противъ тебя“. Григорій Кисель, всетаки не вѣря, чтобы отецъ Мелетій Богуринскій учинилъ такой гвалтъ противъ спокойнаго владѣнія, рѣшилъ отправить своего слугу къ нему самому съ вознымъ и свидѣтелями. Хребтовичъ ограничился краткимъ заявленіемъ, что онъ „не безъ причины въѣхалъ, але яко во властнее церковное, владычеству Володимерскому належачое“. Намъ неизвѣстны основанія, по которымъ Мелетій Хребтовичъ фактически изъялъ имѣніе Пятикоровъ изъ заставного владѣнія; но съ тѣхъ поръ это имѣніе оставалось въ непосредственномъ владѣніи епископіи (Кіев. Центр. Арх. кн. № 942, л. 121, 132.

[1]) О заставномъ владѣніи въ Литовскомъ государствѣ надѣемся представить отдѣльный этюдъ.

стоила его этого сана, то едва ли совершенныя имъ сдѣлки оставались бы въ силѣ. Провѣрить этого мы не можемъ, потому что случая невозведенія въ епископскій санъ нареченнаго владыки мы не знаемъ. Безсрочность заставной сдѣлки косвенно подтверждается самымъ этимъ актомъ заставы им. Пятикоровъ, именно въ слѣд. выраженіи: „при жизни своей онъ самъ (Борзобогатый), а (послѣ) сыновья, близніе и родственники его въ томъ владѣніи и пользованіи моемъ... не должны дѣлать никакихъ препятствій“. Правда, здѣсь рѣчь не о преемникахъ епископской каѳедры, а о наслѣдникахъ родовыхъ, однако, смыслъ безсрочности заставы остается тотъ-же.

в) Въ разсматриваемомъ актѣ содержится указаніе, что при переходѣ епископа на другую епархію, долгъ, обезпеченный на церковныхъ имѣніяхъ первой, можетъ быть перенесенъ на имѣнія церковныя другой епархіи въ силу простого условія, допущеннаго владыкою. Въ данномъ случаѣ кредиторъ могъ, по произволу, установить заставное владѣніе на любомъ изъ собственныхъ имѣній Борзобогатаго, но онъ предпочелъ церковное имѣніе (монастыря Жидичинскаго) и владѣлъ имъ безпрепятственно; ни епархіальныя, ни монастырскія власти Луцкой епархіи не протестовали, признавая безусловныя права владыки на церковныя имущества; очевидно епархіальное духовенство и братія епископскаго монастыря не участвовали въ распоряженіи имѣніями.

г) Наконецъ застава церковнаго имѣнія (какъ всякая другая застава) могла быть передана кредиторомъ третьему лицу безъ участія духовной власти.

Такимъ образомъ, права владыки на церковныя имущества епископіи не только состоятъ въ неограниченныхъ полномочіяхъ по управленію и пользованію ими и употребленію ихъ доходовъ на личныя надобности, но и близко соприкасаются съ правами распоряженія, конечно съ тѣмъ ограниченіемъ, какое установлено для церковныхъ имуществъ началомъ неотчуждаемости.

Право отдачи церковныхъ имѣній въ пожизненное владѣніе. Не менѣе важное значеніе имѣетъ отдача имѣній въ пожизненное владѣніе стороннихъ лицъ; оно давалось или до смерти владыки, или контрагента его: въ 1580 г. Мелетій Хребтовичъ, нареченный епископъ Владимірскій, передалъ, по условію, Станиславу Жолковскому церковное имѣніе Владимірской епископіи Квасовъ въ пожизненное владѣніе за то, что Жолковскій уступилъ Хребтовичу свои права на владычество Владимірское, пожалованныя ему королемъ. При этомъ Жолковскій обязывается не отчуждать имѣніе отъ церкви и возвратить его или въ случаѣ полученія денежной суммы отъ Хребтовича, или въ случаѣ смерти своей или Хребтовича (хотя бы наличный правящій владыка Феодосій былъ бы еще живъ). Но пожизненный владѣлецъ имѣетъ право отдать имѣніе въ аренду [1]).

Особый видъ пожизненнаго владѣнія составляетъ установленіе пожизненнаго пользованія для одного или двухъ лицъ преемственно (мужа и жены, отца и сына) за деньги; такъ какъ здѣсь уплата арендной суммы производится ежегодно, то такая сдѣлка не должна бы ничѣмъ отличаться отъ обыкновенной аренды, кромѣ нѣкоторой неопредѣленности срока исполненія, а потому слѣдовало ожидать, что власть епископа заключать такую сдѣлку, принадлежала ему безусловно и сдѣлка не требовала бы участія со стороны верховной власти. Однако, мы имѣемъ одинъ примѣръ, когда именно такая сдѣлка была представлена на утвержденіе государя: въ 1578 г. владыка Владимірскій Феодосій отдалъ въ пожизненное владѣніе Якубу Хруслинскому и его женѣ церковное имѣніе соборной церкви Пречистой Богоматери— Бискупичи Малые. Мотивомъ отдачи владыка въ своей грамотѣ объявляетъ бездоходность имѣнія въ рукахъ церкви; однако, прибавляетъ и другой: Якубъ Хруслинскій есть „добрый и цнотливый пріятель его во всѣхъ службахъ и потребностяхъ церкви Божіей“. Это уже даетъ тонъ пожалованія, а не простой экономической сдѣлки. Да и самое опре-

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. № 921, л. 165 об.

дѣленіе срока жизнію обоихъ супруговъ указываетъ на тоже, т. е. на услугу или уступку въ пользу будущаго владѣльца. Бискупичи отдаются съ людьми тяглыми, съ огородниками и съ ихъ грунтами и всѣми повинностями и со всѣми доходами (пожитками), слѣдующими съ того имѣнія, какъ установлено издавна, безъ всякаго уменьшенія ихъ. Ежегодная плата—20 зол. польскихъ, уплачивается въ новый годъ на мѣстѣ обычномъ въ замкѣ владычнемъ Владимірскомъ. Преемники владыки не имѣютъ права дѣлать никакихъ препятствій владѣльцамъ въ ихъ владѣніи („держаніи"). Актъ подписанъ однимъ владыкою (безъ участія соборнаго духовенства) и свидѣтелями подписались лица стороннія. Не смотря на выраженную оговорку на счетъ преемниковъ владыки, слѣдующій за нимъ епископъ Владимірскій Мелетій Хребтовичъ даетъ свое подтвержденіе той-же записи въ 1585 г. Но черезъ 3 года послѣ того Якубъ Хруслинскій обратился къ королю Сигизмунду III съ просьбой утвердить означенную сдѣлку. Исполняя это, король въ своей грамотѣ говоритъ, что онъ соизволилъ на утвержденіе ея „по своей королевской милости и по просьбѣ пановъ радныхъ во вниманіе къ услугамъ Хруслинскаго на службѣ Рѣчи Посполитой при кор. Сигизмундѣ-Августѣ и Стефанѣ во время войны съ Москвою"; вотъ по этимъ причинамъ король и соглашается утвердить грамоту владыки Владимірскаго. Это уже совсѣмъ форма пожалованія; владѣніе церковнымъ имѣніемъ укрѣпляется королевскою властію не вслѣдствіе исполненія контрагентомъ обыкновенныхъ арендныхъ условій. Этимъ думаемъ мы, и объясняется обращеніе Хруслинскаго къ королю за утвержденіемъ, котораго не требовали обыкновенные акты аренды. Король и здѣсь остается патрономъ церковныхъ имуществъ, разрѣшая переходъ ихъ во владѣніе стороннихъ лицъ; власть владыки считалась для того недостаточною.

Заключеніе простой арендной сдѣлки, какъ осуществленіе права пользованія, принадлежавшаго владыкѣ, не требовало дозволенія высшаго патрона, т. е. вел. князя. Аренда могла

быть установлена на какой угодно срокъ, но обыкновенно ее заключаютъ до смерти епископа, напримѣръ Василій Загоровскій въ своемъ завѣщаніи говоритъ: „село Влад. владычества—Бискупичи о. владыка Феодосій отдалъ мнѣ въ аренду до своей смерти“ [1]).

Въ особыхъ случаяхъ, когда аренда была установляема на очень долгіе сроки, съ полученіемъ денегъ впередъ за все условленное время, и аренда требовала дозволенія вел. князя. Для образца возмемъ контрактъ, заключенный еп. Кирилломъ Терлецкимъ въ 1594 г., предъ отправленіемъ въ Римъ къ папѣ по дѣлу объ уніи, съ Станиславомъ Кандыбою на имѣніе Водирады. Сдѣлка заключена съ предварительнаго дозволенія вел. князя-короля. Контрактъ написанъ отъ имени владыки и капитулы на 40 лѣтъ, по 50 зл. польскихъ въ годъ, всего-же за все время аренды—за 20 т. зл. польск., полученныхъ отъ Кандыбы впередъ. Частичныя условія аренды были слѣд.: арендаторъ можетъ передать аренду другому; ежегодные налоги, слѣдующіе съ имѣнія, уплачиваетъ арендаторъ. Имѣніе отдается разореннымъ; въ немъ нѣтъ ни одной постройки; постройки, которыя возведетъ арендаторъ, могутъ быть, по окончаніи аренды, взяты себѣ церковію, по оцѣнкѣ; въ противномъ случаѣ онъ можетъ снять и забрать ихъ. Опустошенія, произведенныя непріятелемъ или случайнымъ пожаромъ, не ставятся въ вину арендатору [2]).

Изъ представленныхъ фактовъ и соображеній, видно, что хотя имущества епископій находятся подъ опекою верховной государственной власти, но субъектъ правъ на эти имущества есть мѣстный епископъ и епархіальное (соборное) духовенство (по идеѣ). Владыкѣ принадлежитъ безконтрольное право такихъ сдѣлокъ относительно церковныхъ имуществъ, съ которыми не связано отчужденіе ихъ и такихъ владѣльческихъ актовъ, которые не угрожаютъ правамъ собственности церкви. Впрочемъ на практикѣ сдѣлки

---

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 91.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. I, № 101.

послѣдняго рода не рѣдко совершались помимо вел. князя, безъ всякаго вниманія къ интересамъ церкви (напр. застава). Власть государя есть власть очень отдаленная и слишкомъ высокая, чтобы участвовать во всѣхъ дѣйствіяхъ владыкъ въ отношеніи къ церковнымъ имуществамъ и стѣснять ихъ.

Злоупотребленія епископскою властію, особенно такихъ владыкъ, какъ Іона Борзобогатый, раздававшій церковныя имущества своимъ родственникамъ, иногда встрѣчали отпоръ со стороны земск. чиновъ на сеймахъ; такъ на влад. Іону жаловались на сеймѣ 1555 г. королю, который, хотя и обѣщалъ, по разсмотрѣніи дѣла, возвратить церковныя имущества владычеству, но прибавилъ, что родичи Борзобогатаго утверждаютъ, что они держали церковныя имѣнія въ арендѣ, а, по словамъ короля, нельзя воспретить владыкѣ отдавать земли въ аренду, пока онъ состоитъ владыкою[1]).

Поэтому изъ всѣхъ специальныхъ субъектовъ права на церковныя имущества, епископская власть самая независимая и полная (иногда къ большому вреду церкви). Совсѣмъ не то увидимъ мы относительно монастырей и церквей, права которыхъ на ихъ имущества въ значительной степени стушевывались предъ правами подавцевъ (патроновъ).

Монастыри.

Вторымъ, по своей важности, субъектомъ правъ на церковныя имущества были монастыри; но это учрежденіе далеко не однородное: общимъ именемъ монастыря назывались учрежденія очень разнообразныя. Намъ нѣтъ надобности входить въ описаніе устройства тогдашнихъ монастырей во всѣмъ его разнообразіи; достаточно замѣтить, что было три главныхъ типа ихъ: а) монастыри-общины (общежительные), б) монастыри необщежительные и в) монастыри, замѣняющіе приходскую церковь и отличающіеся отъ обыкновенной приходской церкви только тѣмъ, что клиръ состоялъ изъ

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 14 (стр. 66).

чернаго духовенства. Женскіе монастыри подходятъ подъ второй изъ этихъ трехъ типовъ.—По отношенію къ имущественнымъ правамъ на земли, принадлежащія монастырю, указанные типы весьма различествовали: въ монастыряхъ общежительныхъ владѣніе, пользованіе и управленіе имуществами принадлежали совокупности братіи (старшей) подъ главнымъ начальствомъ настоятеля (архимандрита или игумена); въ большихъ монастыряхъ (напр. Печерскомъ) было кромѣ того, нѣсколько выборныхъ должностныхъ лицъ по различнымъ спеціальностямъ экономическаго управленія, согласно съ уставомъ общины. Въ монастыряхъ необщежительныхъ управленіе имуществами (въ томъ числѣ землею) принадлежало настоятелю, которому и вручалась вся власть въ жалованныхъ грамотахъ вел. князя (если монастырь былъ не частновладѣльческій). Монастыри, такъ сказать, приходскіе совершенно уравнивались съ приходскими церквами, а потому здѣсь мы не будемъ имѣть ихъ въ виду; о приходскихъ церквахъ будетъ сказано ниже.

Указанное различіе монастырей имѣетъ лишь то значеніе, что имъ опредѣляется кругъ лицъ, непосредственно распоряжающихся имуществомъ; для историко-юридическаго значенія, надо имѣть въ виду другую разницу между ними, опредѣляемую не характеромъ внутренняго устройства монастырей, а характеромъ ихъ отношеній къ патронамъ. Въ этомъ отношеніи важно различіе монастырей великокняжескихъ и монастырей частновладѣльческихъ.

Монастыри, состоящіе въ непосредственномъ поданьѣ вел. князя, совершенно уравниваются относительно правъ на земельныя имущества съ епископіями, т. е. владѣютъ, пользуются и управляютъ имѣніями самостоятельно, совершая лишь важнѣйшія сдѣлки съ дозволенія вел. князя-патрона, или его замѣстителя (воеводы, старосты).

Что касается до *частновладѣльческихъ монастырей*, то они состояли или въ пожизненномъ, или въ потомственномъ владѣніи патроновъ; имущественныя права тѣхъ и другихъ были не одинаковы. Сущность права поданья при пожиз-

ненномъ владѣніи видна наиболѣе изъ слѣдующаго акта: Въ 1511 г. кор. Сигизмундъ I жалуетъ князю Кон. Ив. Острожскому монастырь Жидичинъ въ Луцкомъ повѣтѣ пожизненно и говоритъ, что тотъ монастырь „издавна былъ въ нашемъ господарскомъ поданьѣ". Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе, въ чемъ состоитъ жалуемое право, а именно: „позволили ему (князю Острожскому) въ томъ монастырѣ св. Николы въ Жидичинѣ установить общину и устроить монастырскій порядокъ по ихъ греческому закону; и тотъ монастырь даемъ ему во *власть* („моцъ") и *опеку* до его смерти; а по смерти его тотъ монастырь долженъ быть возвращенъ въ наши руки и поданье. Что касается до выбора игумена, то князья, паны и земяне Волынской земли, вмѣстѣ съ старцами того монастыря, выбравши человѣка добраго и годнаго къ тому, должны прислать его къ намъ (королю); тому человѣку мы и дадимъ монастырь Жидичинъ, а игуменъ долженъ отъ того монастыря дать намъ челобитья 60 золотыхъ. Община и порядокъ, который установитъ кн. Константинъ, должны оставаться во вѣки вѣчные нерушимо" [1]). — Вотъ и всѣ права, предоставляемыя получившему пожалованіе: онъ можетъ установить порядокъ въ монастырѣ; но и въ этомъ отношеніи право утвержденія игумена принадлежало непосредственно королю, и король прямо отъ себя передаетъ монастырь игумену (помимо князя-патрона). Въ чемъ же заключается интересъ пожалованія? Изъ за чего хлопоталъ Острожскій о такой *милости*, данной ему „за его вѣрную службу?" Повидимому, нѣтъ никакихъ основаній такое право относить къ правамъ частнымъ. Но, принимая во вниманіе другія пожалованія монастырей (между прочимъ приведенныя выше), которыя даже наводятъ на мысль о правѣ собственности на монастыри, слѣдуетъ признать, что и въ данномъ случаѣ подразумѣваются экономическія выгоды, т. е. участіе въ доходахъ съ монастырскихъ имѣній. — Вообще можемъ принять за окончательное принципіальное указаніе терминъ, употребленный въ этомъ актѣ, —

---

[1]) См. этого тома стр. 289—290.

именно *опека*,—терминъ, который можетъ вполнѣ уяснить намъ права и экономическія выгоды патрона.

Обращаемся къ потомственному патронатству, наиболѣе интенсивному по своимъ правамъ и постараемся уяснить его на отдѣльныхъ примѣрахъ. Въ подтвердительной грамотѣ Сигизмунда I, данной въ 1526 г. князю Ф. М. Чорторыйскому на монастырь Пересопницу, права владѣльца (патрона) исчисляются такъ: „тотъ монастырь далъ его милость (кор. Александръ) князю Федору въ его подаванье со въсими селы и з людми всими того монастыря и з земълями пашными и бортными и съ сеножатьми и со всимъ съ тымъ, што звеку къ тому монастыру прислухало". При поверхностномъ вниманіи къ выраженіямъ грамоты можетъ показаться, что такое пожалованіе ничѣмъ не отличается отъ пожалованія имѣній. Но мы должны отмѣтить, что право жалуемое именуется здѣсь не собственностію (власностію), а *подаваньемъ*, земли называются монастырскими, „з веку къ тому монастыру прислухаючими". Въ томъ же актѣ король Сигизмундъ подтверждаетъ тому же князю и право на два имѣнія (Суско и Колнятинъ), пріобрѣтенныя Чорторыйскимъ отъ частныхъ лицъ; а это даетъ намъ возможность сличить, какія права разумѣются подъ подаваньемъ монастыря и какія подъ правомъ собственности на имѣнія: сказавъ, что онъ подтверждаетъ своимъ листомъ, согласно съ привилегіею брата своего (короля Александра), князю Федору Чорторыйскому монастырь Пересопницу „въ подаванье его и потомковъ его", вел. князь заключаетъ грамоту такими словами: „кн. Федоръ и его потомки будутъ имѣть тотъ монастырь въ подаваньѣ и власти („моцы") своей; старосты Луцкіе не должны ничѣмъ вступаться въ тотъ монастырь... А что касается до имѣній (Суска и Колнятина), то они (князья Чорторыйскіе) имѣютъ право прибавлять, разширять и обращать ихъ къ своей выгодѣ, какъ сами найдутъ лучшимъ" [1]. Послѣднее выраженіе есть обычная формула укрѣпленія частной собственности на земельныя имущества; она имен-

[1]) См. этого тома X, 8.

но обозначаетъ безусловныя права распоряженія, принадлежащія собственнику. Но къ праву владѣнія монастыремъ такая формула въ грамотѣ не примѣнена.

Дальнѣйшая исторія Пересопницкаго монастыря, однако, можетъ вновь поселить мысль, что кн. Чорторыйскимъ принадлежало право собственности какъ на самый монастырь, такъ и на его земельныя имущества; а именно: монастырю на содержаніе было дано село Пересопница; неизвѣстно, перешло ли это имущество по жалованной грамотѣ отъ короля, или впослѣдствіи выдѣлено монастырю патронами. Но этотъ фундушъ не былъ укрѣпленъ за нимъ никакими формальными записями ни въ какомъ судѣ. Монастырь, видимо не пользуясь этимъ имуществомъ, пришелъ въ запустѣніе, не стало въ немъ ни игумена, ни монаховъ; наконецъ кн. Юрій Ивановичъ Чорторыйскій въ концѣ XVI в. заставилъ (заложилъ) монастырь и село Пересопницу сестрѣ своей Катеринѣ Загоровской. Но затѣмъ, въ 1595 г. тотъ же кн. Юрій Чорторыйскій и его жена кн. Вишневецкая, рѣшились возвратить заложенное имущество церкви, хотя путемъ косвеннымъ; именно они согласились на предложеніе другой сестры своей Елены Горностаевой выкупить монастырь и село Пересопницу у Загоровской и передать ей монастырь и село *въ держаніе*, но обратить тотъ и другое на хвалу Божію на вѣчныя времена и укрѣпить за монастыремъ фундушъ. Супруги Чорторыйскіе руководились, по ихъ словамъ, тѣмъ соображеніемъ, что имущество дано монастырю ихъ предками исключительно на хвалу Божію. Позволеніе обратнаго выкупа дано ими въ такой формѣ: „даемъ, даруемъ и на вѣчныя времена записываемъ п. Горностаевой, какъ нашу собственность (яко *властность* нашу) *постройки* того монастыря, съ фольваркомъ, полями, сѣнокосами и т. д., съ людьми подворищными, огородниками, съ ихъ грунтами, платами, чиншами, работами и повинностями“. Затѣмъ въ актѣ обозначены границы монастырскихъ владѣній [1]). Елена Горностаева въ слѣдующемъ 1596 г. исполнила условіе и выдала

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 115.

фундушевую запись на вѣчность, именно записала самый монастырь (съ церковію Пречистой, съ сосудами и пр.), съ грунтами, съ млинами и с. Пересопницу съ людьми и пр. *на монастырское братство*, не оставляя *ничего для себя* и своихъ потомковъ [1]).

Изъ этого примѣра видно, что хотя монастырь пересталъ существовать (б. м. по винѣ патрона) и патронъ считаетъ себя въ правѣ заложить его имущество, однако въ актѣ говоритъ не просто о селѣ Пересопницѣ, но о монастырѣ (фактически несуществующемъ). Здѣсь мы наталкиваемся на важный вопросъ—имѣетъ ли право патронъ возвратить себѣ имѣніе, если церковное учрежденіе (монастырь) прекратило свое существованіе? Изъ настоящаго акта убѣждаемся, что патронъ не приписывалъ себѣ такого права и считалъ монастырь учрежденіемъ вѣчнымъ, а имущество его неотъемлемымъ. Въ данномъ случаѣ дѣло осложняется еще тѣмъ, что имущество (фундушъ) не было укрѣплено за монастыремъ; по этому патронъ м. б. позволилъ себѣ бóльшую свободу въ распоряженіи имъ. Когда же укрѣпленіе состоялось, то новая патронесса передаетъ монастырскому братству въ полное распоряженіе имущество монастыря, „не оставляя ничего для себя", т. е. пользуется лишь чистымъ правомъ поданья.

Приведемъ еще примѣръ, который можетъ навести на мысль, что по самымъ жалованнымъ грамотамъ монастыри составляли „имѣнія" или часть имѣній и что они вмѣстѣ съ прочими частями имѣнія, повидимому, поступали въ собственность владѣльца. Однако, мы увидимъ, что и въ этомъ случаѣ право на монастырь именовалось правомъ „поданья" и отнюдь не равняется праву собственности. Въ 1452 г. кор. Казимиръ пожаловалъ Немирѣ Резановичу имѣніе Литовнжъ съ его принадлежностями, а именно сельцомъ Торговищемъ, Червищемъ, Стволовичами, Земномъ, Бубновомъ, Чеснымъ Хрестомъ, Серномъ и Литошиномъ. Все это были несомнѣнно населенные пункты, имѣющіе экономическую цѣнность; въ каждомъ изъ нихъ были обрабатываемыя земли и

[1]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 118.

крестьяне. Но оказывается, что изъ числа поименованныхъ *частей имънія* Земно и Чесный Хрестъ были *монастыри*. Сынъ Немиры Яковъ Война, составляя свое духовное завѣщаніе, писалъ между прочимъ, что завѣщаетъ село Марковъ Ставъ Пресвятой Матери Божіей Земенскаго села, самое-же Земно (т. е. монастырь) оставляетъ въ „поданьи и опеканьи" своей матери, какъ это было и прежде, а Чесной Хрестъ и другія имѣнія завѣщаетъ женѣ своей Маріи въ пожизненное владѣніе [1]).

Судя по королевской грамотѣ, можно было подумать, что монастыри пожалованы на одинаковыхъ условіяхъ съ селами и какъ сами они, такъ и ихъ земли подлежатъ безусловному праву собственности владѣльцевъ. Но духовное завѣщаніе Якова Войны исправляетъ такую ошибку: монастырь Земенскій получаетъ по завѣщанію имѣніе и стало быть самъ есть владѣющее юридическое лицо, а не предметъ владѣнія, и что хотя тотъ-же монастырь служитъ предметомъ завѣщанія, однако, получившая его по завѣщанію мать завѣщателя сохраняетъ лишь право „поданья и опеканья".

Въ этомъ-же смыслѣ надо понимать и показанія послѣдующихъ актовъ о тѣхъ-же монастыряхъ, когда они перешли во владѣніе кн. Чорторыйскихъ. Въ 1547 г. два брата князья Чорторыйскіе Иванъ и Александръ подѣлили между собою всѣ свои имѣнія; между прочимъ въ актѣ раздѣла читаемъ: „А што ся тежъ дотычетъ монастыря Пресвятой Богородицы Земенскаго, тотъ *маемъ обадва* весполокъ зъ княземъ Александромъ его м. *будовати и въ поданю нашомъ мети и отъ кривдъ посполите боронити*" [2]). Вотъ всѣ права, которыя приписываютъ себѣ патроны надъ монастыремъ, т. е. заботливую опеку надъ нимъ. Въ 1555 г. кн. Александръ Федоровичъ Чорторыйскій пишетъ вѣновную запись своей женѣ Магдалинѣ Деспотовнѣ и между прочимъ даетъ ей замокъ Литовижъ съ войтовствомъ его и монастырь св. Ни-

---

[1]) См. этого тома стр. 26—27.

[2]) См. этого тома, стр. 39.

колы съ селами монастырскими—Лѣшнею и пр., монастырь Чесного Хреста, дворецъ Бубновъ и села боярскія, тянущія къ тому замку... со всѣми платами и дяклами,.. млинами, ставами, рѣками, озерами, данями,.. съ ловами и всякими доходами, которые только могутъ быть наименованы [1]). Казалось-бы, что монастыри суть только доходныя статьи и части имѣнія и наравнѣ съ прочими частями подлежатъ всѣмъ правамъ распоряженія владѣльца, напр. передачѣ по вѣновной записи. Однако, въ томъ-же актѣ отдѣльно именуются села *монастырскія;* на нихъ тотъ же самый монастырь имѣетъ свои права, которыя какимъ-то образомъ согласуются съ правами владѣльца. Въ 1567 г. тотъ-же князь той же женѣ своей даетъ новую запись, обезпеченную 10 т. злот. польскихъ на дворѣ Сельцѣ, монастырѣ Чесного Хреста и на поданьѣ монастыря Земенскаго; „княгиня жена моя (говоритъ князь) послѣ моей смерти можетъ взять къ своимъ рукамъ всѣ выше упомянутыя *имънія* со всѣми селами и приселками и пользоваться доходами со всѣхъ тѣхъ имѣній". Княгиня можетъ передать обязательство (въ 10 т. зол. п.), лежащее на этихъ имѣніяхъ, третьимъ лицамъ, кому захочетъ, а слѣд. передать и право владѣнія имѣніями и моностырями [2]). Еще болѣе: въ духовномъ завѣщаніи того же кн. Александра Федоровича Чорторыйскаго, онъ завѣщаетъ похоронить себя „въ *отчизнъ моей*—-монастырѣ Земенскомъ"; далѣе князь подтверждаетъ свои прежнія записи женѣ на дворъ Сельце съ фольваркомъ и селами, монастырь Чесного Хреста... и на половину *монастыря отъчизны моее Земенского* съ фольварки и селы монастырскими" [3]). Въ 1571 г. княгиня Магдалена Деспотовна завѣщала сыну своему князю Михаилу всѣ свои права на имѣнія, данныя ей мужемъ; „а особливо *владане и справоване* половицы монастыра Земенского" [4]). Такимъ образомъ, право на монастырь не только передается по

[1]) См. этого тома, стр. 30—32.

[2]) См. этого тома, стр. 32—33.

[3]) Ibid 34—35.

[4]) Ibid стр. 48.

завѣщанію, но и дробится пополамъ между наслѣдниками.— Всѣ приведенныя въ изложенныхъ актахъ выраженія, могущія навести на мысль о правахъ собственности на монастыри, однако, должны быть истолковываемы въ иномъ смыслѣ по требованію указаній тѣхъ же актовъ, а именно: половинное право княгини Магдалины Деспотовны именуется въ актѣ „владаніемъ“ и „*справованіемъ*“ т. е. управленіемъ,—терминъ вовсе не соотвѣтствующій праву собственности или пожизненнаго владѣнія. Половинное „владаніе“ означаетъ здѣсь тоже, что общее право двухъ братьевъ князей Чорторыйскихъ на тотъ же Земенскій монастырь въ актѣ, приведенномъ уже нами, а именно: обоюдныя заботы двухъ братьевъ-патроновъ о благосостояніи монастыря.

Болѣе рѣшительное обозначеніе правъ подавцевъ и экономическаго значенія поданья монастырей (и церквей) въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ можно найти въ слѣд. актѣ, относящемся къ тѣмъ же кн. Чорторыйскимъ и ихъ отношенію къ тому же Земенскому монастырю. Въ 1570 г. января 28 занесена жалоба княгини Анны Чорторыйской, вдовы кн. Ивана Федоровича отъ себя и отъ имени ея дѣтей на деверя кн. Александра Федоровича Чорторыйскаго. Вдова—княгиня заявляетъ, что Земенскій монастырь состоялъ въ общемъ („посполитомъ и нероздѣльномъ“) владѣніи двухъ братьевъ, т. е. ея покойнаго мужа—кн. Ивана и кн. Александра; но когда мужъ ея умеръ, то братъ его кн. Александръ завладѣлъ одинъ правами на этотъ монастырь, не удѣляя половины ихъ вдовѣ и дѣтямъ ея; права эти въ жалобѣ обозначаются такъ: „подавать“ архимандритовъ, владѣть церковными имѣніями того монастыря, а именно: селомъ Земно, с. Брыневъ съ корчмою, ставомъ и млиномъ, с. Горычовъ съ фольваркомъ и пашнею, и при этомъ селѣ двумя спустными ставами, селомъ Тишковичи съ фольваркомъ и пашнею, селомъ Менчичи, селомъ Марковъ-Ставъ съ фольварками, пашнями, млинами и ставами; въ означенныхъ селахъ кн. Александръ одинъ (не дѣлясь съ невѣсткою и племянниками) *беретъ себѣ доходы („пожитки“) всякіе съ имѣ-*

ній, фольварковъ, ставовъ и крестьянъ, отягощаетъ крестьянъ названныхъ селъ подводами, непомѣрными работами и отправкою на р. Бугъ „попеловъ", хлѣба и барокъ (комягъ). Вдова—княгиня, желая возстановить владѣніе своею частію монастыря и устроить надлежащій порядокъ въ томъ монастырѣ, посылала къ кн. Александру своихъ довѣренныхъ („пріятелей") лицъ, но тщетно; князь не уступаетъ въ ея власть („моцъ и шафунокъ") половины монастыря, а также фольварковъ, пашенъ, млиновъ, ставовъ, селъ и крестьянъ, принадлежащихъ („прислухаючихъ") къ тому монастырю [1]). Князь, очевидно распоряжается имѣніями монастыря, какъ своими и извлекаетъ изъ нихъ доходы въ свою пользу. Но послѣднее выраженіе акта отстраняетъ мысль о томъ, что села и крестьяне принадлежатъ не монастырю, а князю Чорторыйскому; напротивъ по буквѣ акта всѣ, исчисленныя выше части имуществъ, суть имущества церковныя, именно принадлежащія Земенскому монастырю; но хозяйственное управленіе ими принадлежитъ патрону—владѣльцу, монастырь несомнѣнно получалъ отъ него готовое содержаніе изъ части тѣхъ же доходовъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что владѣльцу—патрону принадлежали права распоряженія монастыремъ (и его имѣніями): въ 1580 г. кн. Чорторыйскій и жена его Софья Ходкевичевна заложили мон. Чесной Хрестъ Иваницкому за 400 копъ гр. [2]). Кромѣ этого случая *залога* монастыря, есть факты и другихъ формъ распоряженія: въ 1533 г. кн. Василій Михайловичъ Сангушко совершилъ *мѣновую сдѣлку* съ Фед. Сангушко, по которой монастырь Милецкій (Мелецкій) съ его селами, принадлежавшій кн. Василію, пошелъ въ обмѣнъ на с. Мостище, принадлежавшее кн. Өедору [3]). Въ 1577 г. Янъ Ходкевичъ передалъ въ *пожизненное владѣніе* Философу Сасину Калечицкому Марецинскій монастырь (въ Волынскомъ воев.) съ его отчинами и доходами [4]). Въ 1604 г. Яросл. Солтанъ, передавая свои

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. № 966, л. 30 об.

[2]) Акт. Южн. и Зап. Рос. I, № 97.

[3]) Пам. Кіев. Арх. Ком. I, ч. II, № VIII.

[4]) Ак. зап. Рос. III, № 79.

имѣнія сыну Іерониму, между прочимъ означаетъ и монастырь церкви св. Симеона и село Муровецъ, пріобрѣтенныя имъ на вѣчность отъ брата Давида Солтана[1]).

Итакъ, владѣльцы—патроны (за исключеніемъ тѣхъ, которымъ принадлежало только чистое право поданья) несомнѣнно обладали правомъ пользованія доходами монастырскихъ имѣній и правами распоряженія на самый монастырь вмѣстѣ съ его имуществами, именно правомъ залога, мѣны, передачи пожизненнаго владѣнія, записи въ вѣно. Между нѣсколькими лицами—патронами пользованіе могло быть и общее и раздѣльное. Нѣтъ только ни одного факта, по которому патронъ могъ бы отчуждать свое право стороннимъ лицамъ по сдѣлкамъ купли продажи и мы въ правѣ заключить, что такія сдѣлки и не допускались въ отношеніи къ монастырямъ (но не въ отношеніи къ церквамъ, какъ увидимъ ниже).

Во всѣхъ упомянутыхъ формахъ распоряженія, однако, не мыслится *право собственности* патрона на монастырь и его имущества; посредствомъ всѣхъ этихъ сдѣлокъ отчуждается лишь право поданья, а не собственности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно рѣшить для себя вопросъ: могъ ли патронъ продавать отдѣльныя имѣнія монастыря, какъ собственныя? У насъ нѣтъ такихъ фактовъ и полагаемъ, что право патрона не простиралось на отчужденіе отдѣльныхъ монастырскихъ имѣній въ интересахъ владѣльца, ибо иначе утрачивалось бы всякое понятіе о *церковныхъ* имуществахъ и нарушалось бы вполнѣ воля лицъ, даровавшихъ эти имущества монастырямъ для религіозныхъ цѣлей; путемъ имущественныхъ сдѣлокъ отчуждались права общественнаго характера, подобно тому, какъ это было тогда при отчужденіи войтовства, или при залогѣ староства, или какъ было при куплѣ, залогѣ и завѣщательныхъ распоряженіяхъ на цѣлыя княжества въ сѣверной Россіи.

Уяснивъ такимъ образомъ право патрона распоряжаться монастыремъ съ его имуществами, мы можемъ получить яс-

---

[1]) Ак. Вил. Ком. т. II, № 10.

ное представленіе о томъ, кто изъ двухъ лицъ патронъ, или монастырь долженъ быть признанъ субъектомъ права на самыя имущества? Для окончательнаго рѣшенія вопроса приведемъ нижеслѣдующіе акты (частію относящіеся прямо къ юго-западной Руси, частію къ одной изъ юго-западныхъ епархій).

Въ 1517 г. жена Волынскаго каштеляна Агафія Пясечинская основала въ своемъ имѣніи Тороканскій монастырь и дала фундушевую запись слѣдующаго содержанія: „Видя, что въ имѣніи моемъ Тороканахъ, Чикинѣ, Лосинцахъ, Телковичахъ и Рѣчицѣ нѣтъ храма („хвалы Божой"), объявила я о. Іосифу Солтану, митрополиту Кіевскому и намѣстнику (его) о. Паисію, архимандриту Жидичинскому и просила ихъ, чтобы они въ имѣніи моемъ создали храмъ Божій св. Живон. Троицы и монастырь для чернцовъ. На это я дала митрополиту 100 копъ грош. Лит.; а на содержаніе монаховъ имѣніе мое Тороканы, Чикинъ, Лосинцы, Телковичи и Рѣчицу *отдаю совсѣмъ монастырю*. Митрополитъ не имѣетъ права присоединять этотъ монастырь къ своимъ имѣніямъ, а равно и архимандритъ Жидичинскій соединять съ своею архимандріею, подъ угрозою страшнаго суда Господа Бога. Монастырь въ моемъ имѣніи долженъ быть общежительный („общытельный"), игумена будутъ выбирать сами чернцы того монастыря, кто имъ будетъ милъ и любъ; мнѣ и моимъ преемникамъ въ то не вступаться, чтобы только хвала Божія не прекращалась. Для большей твердости я Агафія Пясечинская привѣсила печать мою къ этому листу" [1]).

---

[1]) Археогр. Сборн. т. VI, № 142. Однако, подобныя записи и укрѣпленіе ихъ въ судахъ были достаточны для огражденія правъ монастырей отъ вмѣшательства въ нихъ будущихъ патроновъ, но отнюдь не отъ произвола духовныхъ властей. Это показываетъ дальнѣйшая исторія той же записи на Тороканскій монастырь: митр. Іосифъ Солтанъ деньги присвоилъ себѣ, а монастыря не построилъ; недвижимыя же имущества архим. Жидичинскій присоединилъ къ своей архимандріи. Затѣмъ владыка Луцкій Іона Борзобогатый-Красенскій, выхлопатывая себѣ Жидичинскую архимандрію, упомянутыя имѣнія подарилъ подканцлеру Евстафію Воловичу, который переуступилъ ихъ Овруцкому старостѣ Мышкѣ. Но, какъ видно, имѣнія не удержа-

Такая запись, внесенная въ гродскія книги (въ данномъ случаѣ—Пинскія) имѣла значеніе вѣчнаго укрѣпленія, а потому пожертвованныя имущества навсегда оставались собственностью монастыря, а не ктитора.

Послѣднее съ очевидностію выступаетъ въ актѣ 1514 г., относящемся къ Супрасльскому монастырю, именно въ грамотѣ митрополита Іосифа, дающей уставъ этому монастырю, основанному въ имѣніи Александ. Ив. Ходкевича; по этому уставу *завѣдованіе имѣніями* и судъ надъ монашествующими и управленіе ими *принадлежатъ исключительно игумену;* а игумена избираетъ братія [1]).

Въ частности права́ распоряженія имѣніями принадлежатъ и въ частновладѣльческихъ монастыряхъ игуменамъ (съ участіемъ собора братіи): въ 1516 г. состоялась мѣновая сдѣлка между игуменомъ Супрасльскаго монастыря Іоною и Степаномъ Чапличемъ (бояриномъ Ходкевича), по которой стороны обмѣнялись частями своихъ земель. Мѣстный владыка, епископъ Владимірскій и Берестейскій, былъ только свидѣтелемъ этой сдѣлки, а митрополитъ потомъ былъ приглашенъ приложить свою печать; участія же ктитора (Ходкевича) вовсе нѣтъ [2]).

лись въ рукахъ свѣтскихъ лицъ: епископъ Львовскій Гедеонъ Балабанъ, будучи архимандритомъ Жидичинскимъ, началъ искъ о возвращеніи ихъ во владѣніе этого монастыря, чего, вѣроятно, и достигъ, ибо потомъ Ипатій Потѣй выхлопоталъ у короля Сигизмунда III позволеніе передать ихъ Берестейскому монастырю. Затѣмъ митр. Іосифъ Вельяминъ Рутскій получилъ отъ короля привилегію перевести эти имѣнія на Виленскій монастырь (св. Троицы), а митроп. Рафаилъ Корсакъ, исхлопотавши себѣ жалов. грамоту на Торокань, передалъ его новиціату. Въ 1671 г. генеральный викарій Литовскихъ базиліанскихъ монастырей Пахомій Огилевичъ заявилъ въ Новгородскомъ гродскомъ судѣ протестъ противъ такихъ распоряженій имуществами, пожертвованными на Тороканскій монастырь, и началъ искъ противъ митрополита Гавріила Коленды о возвращеніи ихъ по первоначальному ихъ назначенію, говоря между прочимъ, что митрополиты, получившіе королевскія привилегіи, поступали незаконно, ибо дѣло касалось „земскихъ“ имѣній, „которыя никогда не принадлежали и не принадлежатъ къ колят торству королей“ (Акты Вилен. ком. т. XI, № 73).

[1]) Акты Вилен. ком. т. I, № X.

[2]) Ibid № XII.

Правильную форму отношеній между патрономъ и настоятелемъ монастыря можно опредѣлить по слѣд. акту: было уже упомянуто, что князь Богушъ Фед. Корецкій основалъ между прочимъ Маренинскій монастырь. По смерти Корецкаго опекуномъ его имуществъ и сына былъ Янъ Ходкевичъ, къ которому между прочими правами перешло и право патронатства надъ монастырями. Въ 1577 г., по смерти архимандрита Маренинскаго монастыря Григорія, Ходкевичъ назначаетъ новаго настоятеля „пана Философа Сасина Калечицкаго, получивъ отъ разныхъ особъ свидѣтельство о благочестивой его жизни и хорошемъ знаніи вѣры закона греческаго". Новоизбранному опекунъ-патронъ вручаетъ грамоту, въ которой прописываетъ, что даетъ настоятелю *монастырь со всѣми его имуществами* („властностями") *и принадлежностями по реестру*, въ которомъ описаны всѣ доходы и пожитки монастыря; онъ долженъ тѣмъ монастыремъ владѣть и управлять хорошо и благопристойно, беря всѣ доходы („пожитки") себѣ и пользуязь ими до смерти [1]). Итакъ, патронъ избираетъ настоятеля, охраняетъ монастырское имущество, сдавая его новому настоятелю по инвентарю, самъ не пользуется иногда никакими доходами, которые предоставляются всѣ настоятелю.

Подобное же представленіе о патронатствѣ и отношеніе его къ правамъ настоятеля и монастыря можно получить изъ исторіи основанія Черейскаго монастыря св. Троицы въ Смоленской землѣ. Владыка Смоленскій Мисаилъ при вел. кн. Казимирѣ основалъ этотъ монастырь на своей наслѣдственной землѣ. Затѣмъ, кромѣ матери владыки, стороннія лица— князья Друцкіе Бабичи и князья Лукомскіе пожертвовали этому монастырю значительныя земельныя имущества (въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XV в.). Король Казимиръ, по просьбѣ владыки, утвердилъ владѣнія монастыря и прибавилъ въ своей грамотѣ слѣд.: „*маетъ держати ихъ* (зѐмли) къ св. Троицы владыка Смоленьскій Мисайло..., а по его животѣ— *игуменъ съ братьею*, который коли будетъ у св. Троицы мо-

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 79.

настыря Черейского, маетъ тые люди и земли держати со всимъ къ св. Троицы, вѣчно". Между тѣмъ владыка Мисаилъ завѣщалъ, чтобы „тотъ храмъ Божій и монастырь по моемъ животѣ у кого въ оборонѣ былъ съ кровныхъ моихъ, приказалъ есми и далъ тотъ храмъ Божій, по своемъ животѣ, въ оборону и поданье братаннѣ своей княгини Марьи и зятю нашому п. Богдану Сопѣзѣ и женѣ его, и дѣтемъ, и наслѣдникомъ ихъ со всими людми и селы..." т. е. назначилъ наслѣдственнаго патрона. Таковыми и были: Богданъ и сынъ его Иванъ Сопѣги. Сынъ послѣдняго Иванъ Ивановичъ обратился къ королю Стеф. Баторію въ 1578 г. съ просьбою подтвердить его патрональныя правá. Король подтвердилъ „тотъ монастырь Черейскій со всимъ наданьемъ въ оборонѣ, спокойномъ держанью и въ подаванью своемъ мети вѣчными часы" [1]).

Въ фундушѣ Ходкевича Супрасльскому монастырю (1533 г.), между прочимъ читаемъ слѣдующее: „Я Александръ, съ женою своею Василисою и дѣтьми моими обозначенныя (обширныя) имущества, *со всѣмъ правомъ и панствомъ* (т. е. правами собственности), ничего не оставляя для себя, жены, дѣтей и потомковъ-наслѣдниковъ, даемъ и дали церкви Божіей—Благовѣщенію и св. Ив. Богослову на монастырь Супрасльскій *вѣчно и на вѣки нерушимо*, нынѣшнему *архимандриту* (Сергѣю Кимбару) *и всей братіи* и имѣющимъ быть послѣ нихъ. *Онъ самъ* (фундаторъ), жена, и дѣти *и потомки его* въ это наданіе церкви Божіей *не могутъ вступаться* и чинить какія-либо кривды. Архимандрита избираютъ братія и избраннаго представляютъ (объявляютъ) ктитору, который за это не получаетъ никакого *поклона;* монахи не имѣютъ права выходить („выламываться") изъ „опеканья" Ходкевича, его дѣтей и потомковъ; а равно не имѣютъ права продавать или мѣнять это наданье.—Далѣе владѣлецъ обязуетъ своихъ наслѣдниковъ, въ случаѣ раздѣла между ними, монастыремъ и его имуществами не дѣлиться; а онъ самъ и его наслѣдники обязываются—церковь Божію и наданье свое

[1]) Ак. зап. Рос. III, № 101.

отъ всякихъ кривдъ оборонять, за нихъ стоять и очищать своимъ трудомъ и издержками“ [1]).

Итакъ, частновладѣльческіе монастыри (въ лицѣ настоятелей и братіи) могутъ быть признаны правоспособными субъектами правъ на имущества, но правоспособными въ томъ смыслѣ, въ какомъ признаются таковыми лица, состоящія подъ опекою: имущество принадлежитъ имъ, но управленіе и пользованіе имъ находится подъ надзоромъ патрона, который можетъ пользоваться и не пользоваться частію доходовъ съ нихъ. Патронъ въ правѣ отчуждать свои монастыри съ ихъ имуществами по всякимъ сдѣлкамъ (вѣроятно—за исключеніемъ купли-продажи); но при этомъ въ рукахъ новаго пріобрѣтателя имущества остаются церковными, а самые монастыри уничтожаемы быть не могутъ. Патронъ, въ силу жалованныхъ грамотъ и фундушевыхъ записей, не можетъ отнять имущество у монастыря.

Церкви.

Для разрѣшенія вопроса, можно ли признать въ западной Россіи XVI в. церковь субъектомъ правъ на землю, приписанную къ ней, и что́ именно разумѣется здѣсь подъ церковію, различимъ: а) церкви въ городахъ и селахъ коронныхъ и б) церкви въ имѣніяхъ частновладѣльческихъ.

а) Что касается до *городскихъ церквей*, то мы имѣли уже предъ собою факты наслоенія права патронатства великаго князя, епархіальной власти и городскихъ и приходскихъ общинъ, а равно притязанія приходского духовенства на распоряженія имуществами церквей. Здѣсь всего труднѣе установить субъектъ правъ на эти имущества; такъ мы видѣли, что представители городской общины, въ спорахъ съ митрополитомъ о правѣ поданья городскихъ церквей, обращаются къ великому князю; къ нему же обращается и мѣстное приходское духовенство, считая себя обиженнымъ

---

[1]) Акты Вил. ком. I, № XIII.

обѣими сторонами. Великій князь разрѣшаетъ споры въ качествѣ высшаго патрона. До конца XVI в. коллизія правъ названныхъ лицъ не была еще столь рѣзкою, какъ послѣ введенія уніи. Тогда король—католикъ, взявши подъ свою защиту уніатство, началъ предъявлять свое право поданья на городскія церкви со всею рѣшительностію, въ интересахъ уніи (какъ напр. въ Могилевѣ при Іосафатѣ Кунцевичѣ). Въ свою очередь городскія общины выставили свое древнее участіе въ правѣ поданья съ полною ясностію и исключительностію, желая воспользоваться этимъ правомъ для защиты православія. Но и тогда этотъ вопросъ не достигъ надлежащаго общаго разрѣшенія, т. е. три конкурирующихъ субъекта права поданья не размежевались между собою.—Остается несомнѣннымъ, что одному изъ этихъ трехъ патроновъ, именно вел. князю принадлежитъ безспорное и непосредственное право лишь на *замковыя церкви*, въ коронныхъ городахъ; здѣсь представители великаго князя, т. е. намѣстники, воеводы и старосты осуществляли это право подобно частнымъ владѣльцамъ въ ихъ имѣніяхъ; имъ принадлежитъ право назначенія настоятелей и прочихъ членовъ клира и передача избраннымъ земельныхъ имуществъ церкви; приведемъ такой примѣръ: замковый попъ въ гор. Владимірѣ, защищая на судѣ права своей церкви на назначенный ей грунтъ, говоритъ: „я того кгрунту гвалтомъ подъ себе къ церкви замковой не забиралъ; мне его за уряду замкового... подсторостій Володимерски, при подаваню церкви замковое, подалъ“ [1]).

Что касается до городскихъ общинъ, то право ихъ на городскія церкви, несомнѣнно было ближе и интенсивнѣе; мы уже знаемъ, какъ они хозяйничали въ имуществахъ всѣхъ городскихъ церквей. Но какія бы лица и общества ни участвовали въ правахъ на церковныя имущества, всѣ они и всегда считаютъ и именуютъ эти имущества *церковными*, а не своими, слѣд. всегда предполагается церковь, какъ настоящій собственникъ.

[1]) См. этого тома № LXXIII.

Кромѣ указанныхъ, въ городахъ были возможны и частновладѣльческія формы патронатства. Въ одномъ изъ приведенныхъ выше актовъ уже мы видѣли напр., что въ гор. Владимірѣ церковь св. Василія была подъ патронатствомъ католиковъ—Радивиловъ, а затѣмъ вслѣдствіе мѣны это право перешло къ Луцкому православному епископу (церковь эта первоначально была пожалована кор. Сигизмундомъ I кн. Вас. Сангушкѣ и уже отъ этого послѣдняго право на нее перешло къ Радивиламъ)[1]. Такъ какъ въ городахъ были „подворья“, т. е. частновладѣльческіе участки разныхъ лицъ и учрежденій, то владѣлецъ, основывая церковь на своемъ подворьѣ, пріобрѣталъ чрезъ то исключительное право на церковь.

За исключеніемъ владѣльцевъ домовыхъ церквей,—всѣ исчисленныя лица суть патроны, но только патроны, а не собственники церковныхъ имуществъ. Дѣйствительные собственники этихъ имуществъ суть церкви. Но что такое церковь? Храмъ ли въ которомъ совершается богослуженіе? Или лица, совершающія богослуженіе, или тѣ, для которыхъ совершается богослуженіе?

Отвѣтимъ на эти вопросы въ порядкѣ обратномъ тому, какъ они поставлены сейчасъ. Сообразно съ вѣроисповѣдными особенностями каждаго народа, эти вопросы разрѣшаются различно: владѣющимъ лицомъ признается то храмъ, то клиръ, то приходская община. По характеру православной церкви, признающей мірянъ такими же своими членами, какъ и іерархію, казалось бы, что для этой церкви правильнымъ отвѣтомъ будетъ то, что для приходскихъ церквей хозяиномъ имуществъ ихъ будетъ приходская община—эта наименьшая единица въ составѣ церкви вообще. Факты, повидимому, какъ разъ подтверждаютъ это положеніе: мы видѣли уже, что представители приходской общины (общая сходка прихожанъ, старосты или старшіе братія) отчуждаютъ церковныя имущества (продаютъ и отдаютъ въ аренду) и управляютъ всѣми имуществами церкви чрезъ особыхъ вы-

[1]) Ак. зап. Рос. II, № 124.

борныхъ экономовъ (шафаровъ); если прибавить къ этому, что та же приходская община избираетъ и смѣщаетъ священниковъ и прочихъ членовъ клира, то неизбѣжно приходишь къ мысли, что здѣсь мы имѣемъ настоящаго (дѣйствительнаго) собственника имуществъ церкви. Однако, изъ тѣхъ же фактовъ убѣждаемся, что прихожане распоряжаются этими имуществами не какъ своими, а какъ церковными, дѣйствуя такъ сказать по уполномоченію церкви въ ея интересахъ. Кромѣ того мы видѣли, что сдѣлки, совершенныя безъ участія духовенства, подвергаются протесту, какъ незаконныя. Наконецъ, рядомъ съ церквами, состоящими въ распоряженіи прихожанъ, стоятъ другія, находящіяся въ пожизненномъ или потомственномъ владѣніи настоятелей или клира. Сами приходскія общины пытались (какъ мы видѣли) распредѣлить права на церкви и ихъ имущества по землѣ, на которой онѣ стоятъ, между государствомъ, клиромъ и общинами.

Посмотримъ, на сколько можно принять мысль о принадлежности церковныхъ имуществъ духовенству (настоятелямъ и клиру). Изъ множества актовъ оказывается, что полномочнымъ владѣльцемъ имуществъ церкви и самой церкви является *настоятель* ея. Нѣкоторые изъ настоятелей пріобрѣтали право „собственности“ (властности) на церковь отъ государственной или церковной власти, „одѣдичивали“ себѣ ее, и въ такомъ случаѣ распоряжались ею какъ бы своею вещію, что̀ увидимъ сейчасъ. Но и тѣ изъ нихъ, которые не были снабжены особыми привилегіями, совершаютъ многія сдѣлки по имуществамъ церкви отъ своего лица, ведутъ отъ себя иски по церковнымъ имуществамъ, пользуются этими имуществами въ своемъ исключительномъ интересѣ. Такъ въ 1560 году Луцкій протопопъ Демьянъ, настоятель Дмитровской церкви ведетъ тяжбу съ Полонскимъ священникомъ— Федоромъ о землѣ, принадлежавшей Дмитровской церкви, но захваченной Полонскимъ священникомъ; фактъ этотъ болѣе подробно изложенъ нами выше (когда рѣчь шла о дав-

ности въ примѣненіи къ церковнымъ имуществамъ)[1]. Теперь для насъ интересно отмѣтить лишь нѣкоторыя черты, относящіяся къ вопросу о носителѣ правъ на церковныя имущества. Церковь св. Димитрія долго пустовала (т. е. въ ней не отправлялось богослуженія) и земли ея были разобраны всѣми, кто хотѣлъ. Между прочимъ „тотъ попъ (Полонскій) *подъ себѣ* забралъ" спорный участокъ. Разумѣется онъ забралъ эту землю не въ личную собственность, а на имя своей церкви; между тѣмъ истецъ выражается, что отвѣтчикъ присвоилъ ее *себѣ*. Затѣмъ истецъ продолжаетъ, что владыка Луцкій Феодосій „ту церковь (св. Димитрія) поправилъ и мне *зо всѣмъ*, посветивши, далъ", т. е. хозяиномъ становится протопопъ; онъ (а не епископъ) и ведетъ искъ отъ своего лица предъ духовною властію и даже предъ вел. княземъ. Духовная власть является только судьею и, наконецъ, рѣшаетъ тяжбу въ пользу протопопа. Ни о какомъ участіи прихожанъ Дмитровской церкви нѣтъ упоминанія.

Владѣніе церковію священника предполагается пожизненнымъ, а потому, при такомъ владѣніи, нельзя еще говорить о правѣ собственности. Но многіе священники (повидимому, большинство ихъ) запасались привилегіями на полное—потомственное право, которое и изображается въ актахъ чертами, свойственными праву собственности.

Самыя рѣшительныя указанія на этотъ счетъ даетъ актъ 1585 г. слѣд. содержанія: священникъ церкви св. Пятницы во Владимірѣ Малафей Ивановичъ составилъ завѣщаніе, въ которомъ онъ прежде всего отказываетъ „сыну своему Ивану Малафеевичу церковь заложенія св. Пятницы *собственную свою отчизну и дѣдизну*, утвержденную за нимъ на вѣчность привилегіею короля св. памяти Сигизмунда-Августа съ людьми и землями церковными, которыя находятся подлѣ церкви, а также съ тѣмъ грунтомъ церковнымъ, который данъ при размежеваніи въ замѣнъ прежняго на Турьемъ полѣ между грунтами городскими и которымъ завѣщатель спокойно владѣлъ нѣсколько десятковъ лѣтъ,—вообще со всѣми дохо-

---

[1]) См. этого тома стр. 359.

дами и пожитками, какіе издавна соединяются съ означенною церковію"; завѣщатель назначаетъ въ наслѣдство эту церковь „*сыну Ивану, дѣтямъ и потомкамъ его на вѣчность*". Далѣе въ духовной слѣдуетъ отказъ собственныхъ недвижимыхъ имуществъ наслѣдователя, пожалованныхъ предкамъ его вел. кн. Свидригайломъ, а также движимости тому же сыну Ивану, а прочихъ частей имущества другимъ родственникамъ [1]).—Въ этомъ актѣ передается по завѣщанію какъ право на званіе настоятеля церкви, такъ вмѣстѣ право владѣнія и пользованія имуществами (землями и крестьянами) этой церкви. Права священника истекаютъ изъ пожалованія великаго князя на вѣчность. Съ современной точки зрѣнія трудно установить въ подобномъ случаѣ иной субъектъ правъ на церковныя имущества кромѣ настоятеля; нельзя признать здѣсь ни церковь, ни приходъ юридическимъ владѣющимъ лицомъ, а священника лишь представителемъ его.—Но при внимательномъ анализѣ нельзя признать и за настоятелемъ право частной собственности. Право завѣщанія отнюдь не есть одно изъ безусловныхъ правъ владѣльца; оно истекаетъ изъ пожалованія королемъ церкви на вѣчность. Самая церковь (храмъ) несомнѣнно не составляетъ частной собственности настоятеля, т. е. не можетъ быть имъ уничтожена. Недвижимыя имущества церкви не могутъ быть проданы или вообще отчуждены независимо отъ церкви, по частному интересу настоятеля. Самъ настоятель отчетливо различаетъ свои собственныя имущества, пожалованныя вел. кн. Свидригайломъ, отъ имуществъ церковныхъ.—Такимъ образомъ, мы должны заключить, что въ такихъ случаяхъ разумѣется потомственное усвоеніе *должности,* соединяемой съ имущественными правами, т. е. *владѣніе бенефиціальное,* но не право собственности. Въ рукахъ такого владѣльца церковныя имущества остаются *церковными.*

Для дальнѣйшаго опредѣленія способовъ пріобрѣтенія и свойствъ правъ настоятеля церкви, у насъ есть въ распоряженіи слѣдующій весьма содержательный фактъ. Въ 1578

[1]) Кіев. Центр. Арх. № 943, л. 32.

г. владыка Владимірскій Феодосій занесъ жалобу такого содержанія: въ гор. Владимірѣ была церковь св. Иліи, которая издревне подлежала съ грунтами и людьми церковными подаванью и власти („моцы и владности и подаваню") владыкъ Владимірскихъ и никого другого. Эту церковь „держалъ" покойный священникъ Иванъ за поданьемъ владыки Геннадія; затѣмъ онъ, Иванъ, съ дозволенія нареченнаго владыки Ивана Борзобогатаго, уступилъ („спустилъ") церковь зятю своему Тишку Конаховичу, который обязался сдѣлаться попомъ и, исполняя всѣ обязанности духовнаго сана, „держать" церковь Иліи въ зависимости отъ соборной церкви Владимірской пр. Богоматери и отъ владыки. Не принявши, однако, посвященія, онъ явился въ королевскую канцелярію и тамъ назвалъ себя (ложно) попомъ и выпросилъ себѣ подтвержденіе короля на право пожизненнаго владѣнія означенною церковію; но затѣмъ, не желая быть самъ попомъ, просилъ владыку Феодосія, что бы онъ дозволилъ ему вмѣсто себя имѣть викарія. Владыка дозволилъ и обѣщалъ дать на то свой листъ (грамоту); когда грамота была написана, то владыка подписалъ ее, не читавши; но послѣ прочитавши и увидѣвши, что она написана неправильно („неслушнымъ обычаемъ"), печати своей къ грамотѣ не приложилъ, а велѣлъ переписать. Но Конаховичъ задержалъ ее у себя, не переписывая; сверхъ того въ его рукахъ очутилась почему то и грамота владыки Владимірскаго Іосифа о томъ, что церковь св. Ильи подлежитъ подаванью владыки („на ведомость подаванья владычнего"), и эту грамоту онъ долженъ былъ отдать владыкѣ, но не отдалъ. Когда потомъ епископъ Феодосій выѣхалъ по дѣламъ своей епархіи въ Берестье, то Конаховичъ поспѣшилъ воспользоваться документами, бывшими у него въ рукахъ и продалъ п. Василію Загоровскому, городничему Владимірскому, церковь св. Иліи съ грунтами землеными, полями, сѣнокосами, съ садомъ, съ людьми и со всѣмъ, что принадлежитъ этой церкви издавна, за извѣстную сумму, заявивъ, что онъ имѣетъ на то дозволеніе отъ владыки въ его грамотѣ съ печатью, чего

владыка отнюдь ему не давалъ.—Продавъ церковь Загоровскому, Конаховичъ забралъ къ себѣ въ свой домъ на Залужье, дерево, приготовленное тестемъ его попомъ Иваномъ на постройку новой церкви св. Иліи. По просьбѣ владыки, урядъ Владимірскій далъ вижа для осмотра этого дерева, которое еще находилось при домѣ Конаховича. Вижъ нашелъ на гумнѣ его бревна, которыя, по словамъ жены Кохановича, дѣйствительно, составляютъ матеріалъ, приготовленный для церкви, но потомъ взятый ея мужемъ на собственныя надобности [1]).

Приведенный актъ содержитъ нѣсколько указаній по нашему вопросу. Въ качествѣ лицъ, обладающихъ правомъ поданья выступаютъ: вел. князь, который утверждаетъ распоряженіе мѣстнаго епископа, и мѣстный владыка. Владѣющимъ же субъектомъ оказывается частное лицо, которому владыка далъ право на церковь, а вел. князь подтвердилъ это право. Права настоятельства могли быть пріобрѣтены свѣтскимъ лицомъ, которое могло управлять церковію посредствомъ викарія и, въ качествѣ настоятеля, отчуждаетъ церковь посредствомъ продажи стороннему, также свѣтскому, лицу. Въ данномъ случаѣ продажа совершена при помощи обмана, и не могла быть признана законною; для этого требовалось согласіе владыки. Намъ неизвѣстенъ конецъ этой исторіи и мы не можемъ съ точностію сказать, что пріобрѣлъ чрезъ такую сдѣлку п. Загоровскій. Можемъ, однако, предположить, что покупатель получилъ не право настоятельства, что для пана-ключника было не интересно, да и невозможно, безъ согласія епархіальной власти. Полагаемъ, что чрезъ такую сдѣлку право, принадлежавшее настоятелю (владѣльческое), превратилось въ рукахъ покупщика въ право поданья. Въ самомъ дѣлѣ какой интересъ могъ имѣть Загоровскій, платя деньги за церковь? Конечно, его привлекали имущества этой церкви; однако, по купчей передаются не только имущества, но и самая церковь. Почему это? Ра зумѣется потому, что безъ церкви нельзя было воспользо-

[1]) Кіевск. Центр. Арх. кн. 935, л. 96.

ваться ея имѣніями; они остаются церковными, неотдѣлимыми отъ церкви и неотчуждаемыми. Только при помощи права на церковь получается право и на ея имущества, т. е. право патроната [1]).

Другія сдѣлки, кромѣ купли-продажи, безспорно могли быть совершаемы настоятелями, которые чрезъ нихъ распоряжались церковными имуществами независимо отъ церкви: въ завѣщаніи того же Вас. Загоровскаго между прочимъ содержится слѣд.: „уже въ давнее время священникъ церкви св. Апостоловъ во Владимірѣ, о. Василій, теперь уже умершій, съ письменнаго позволенія владыки Владимірскаго и Берестейскаго, о. Ѳеодосія, отдалъ мнѣ въ аренду грунтъ этой церкви, издавна ей принадлежащій, именно: поля, сѣнокосы и заросли подъ гор. Владиміромъ, подлѣ предмѣстья Завальскаго и Запятницкаго надъ рѣкою Лугомъ... Эту аренду, т. е. листъ владыки и священника господарь король его мил., Сигизмундъ-Августъ, какъ фундаторъ и подавца не только этой церкви, во и владычества Владимірскаго, своимъ господарскимъ листомъ утвердилъ (и отдалъ) мнѣ и потомству моему *на вѣчность* упомянутый грунтъ, согласно съ листами владыки и священника“ [2]).—Подтвержденіе на вѣч-

---

[1]) Относительно права настоятелей городскихъ церквей распоряжаться имуществами церквей, приведемъ примѣръ изъ актовъ сѣверо-западной Россіи: въ концѣ пятидесятыхъ, или въ 60-хъ годахъ XVI в. Виленскіе мѣщане жаловались митрополиту Сильвестру на трехъ Виленскихъ поповъ (Михайловскаго, Воскресенскаго и Никольскаго), что они заложили церковные дома безъ вѣдома начальства городской общины (т. е. бурмистровъ и радцевъ). Митрополитъ отвѣчалъ, что онъ тутъ не причемъ, „ибо вы выбираете поповъ, а не я, а мы только благословляемъ ихъ къ той церкви, которую вы имъ дадите“. Митрополитъ прибавляетъ, что онъ тѣмъ не менѣе писалъ уже раньше упомянутымъ попамъ, чтобы они освободили домà отъ залога, однако они не обратили на то вниманія, а ему нечѣмъ ихъ карать, кромѣ неблагословенія (Арх. Сборн. VI, № 22).—Въ 1546 г. свящ. Покровской церкви г. Вильны, Іоаннъ въ своей уступочной записи въ пользу этой церкви, пишетъ, что онъ при поступленіи нашелъ церковный домъ, въ которомъ жили попы, *проданнымъ на вѣчность* Андрею Мацкевичу. О. Іоаннъ выкупилъ его на свои средства и затѣмъ выстроилъ новый каменный, и уходя изъ Покровскаго прихода, утвердилъ его за церковію (Ibid № 25).

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. I, т. 1, № 16.

ность не означаетъ передачу королемъ церковнаго имущества въ собственность стороннему лицу (вопреки признанному принципу неотчуждаемости); король лишь утверждаетъ то, что совершено священникомъ-настоятелемъ („согласно листу владыки и священника“) а священникъ отдалъ Загоровскому грунтъ *въ аренду;* очевидно, и король подтвердилъ арендный контрактъ.

Выраженіе „на вѣчность“, обозначаетъ вѣчную аренду, т. е. *чиншевое право.* Итакъ, настоятелю принадлежитъ право установленія чиншеваго владѣнія на имѣніяхъ церкви, но съ согласія мѣстнаго владыки и утвержденія короля.

Таковы весьма важныя права бенефиціальнаго владѣнія настоятелей церквей. Несомнѣнно, что имъ принадлежали и всѣ прочія менѣе существенныя права на церковь и ея имущества. Такъ въ 1532 г. настоятель-священникъ сельской Вечинской церкви (состоящей въ великокняжескомъ поданьѣ), принявъ выкупъ за землю, находившуюся въ заставѣ у церкви, передаетъ ее лицу, выкупившему ее (п. Михаилу Семашку), или какъ онъ выражается въ своемъ актѣ, „поступилъ зо всѣмъ на все“. Актъ надписанъ такъ: „Я смеренный Макарии Семеновичъ, за поданьемъ господарскимъ настоятель церкви Вечинское“ [1]). Эта весьма важная сдѣлка обошлась безъ участія какихъ-либо властей.

Но настоятель не всегда бываетъ единственнымъ полномочнымъ субъектомъ правъ на церковь; иногда эти права дѣлятся между всѣми членами клира, чѣмъ фактически ограничивается полнота бенефиціальныхъ правъ.

Иногда имущества, при дарованіи ихъ церкви, назначаются отдѣльно каждому члену причта; напр. въ самомъ началѣ XVI в. княгиня Анна Сангушковна записываетъ по душѣ брата Яцка въ Деречинѣ на церковь св. Спаса слѣдующіе участки: попу—землю Романовскую и четырехъ „человѣкъ“: Буневича, Триду, Киселя и Жука; дьякону—землю Дашеву и трехъ „человѣкъ“: Раца, Юца и Пилипа („человѣки“, именуемые здѣсь, суть крестьяне, владѣющіе своими

[1]) См. этого тома стр. 369–370.

наслѣдственными участками и обязанные повинностями панамъ, или церкви). Сверхъ недвижимыхъ имуществъ попу и дьякону дано по копѣ грошей[1]). По смыслу акта недвижимыя имущества, данныя церкви, предназначаются въ вѣчное владѣніе конечно, не лицамъ, а должностямъ. Это есть ни что иное, какъ распредѣленіе доходовъ между членами причта, сдѣланное самимъ „фундаторомъ"; субъектомъ имуществъ остается, несомнѣнно, церковь, въ правахъ которой участвуютъ фундаторы по общему правилу, а потому защита владѣнія и другія дѣйствія собственника очевидно, должны были исходить отъ всего причта и того, кому принадлежитъ „право поданья"[2]).

Въ 1567 г. Григ. Александр. Ходкевичъ далъ слѣдующую фундушевую запись Заблудовской Успенской церкви: „до которое церкви обрали есмо и встановили священникомъ на имя Остафея Григоріевича и деакона на имя Ивана—брата его,—придали есмо имъ на пашню земли—свещеннику две волоки, а діакону волоку третюю". Въ замѣнъ этого прежняя выдача десятины съ Заблудовскаго двора Успенской церкви прекращается и десятина идетъ на шпиталь, который вновь основанъ Ходкевичемъ при церкви русской; для надзора за шпиталемъ (богадѣльнею) и управленія имъ городъ ежегодно избираетъ двухъ радцевъ[3]).

При такомъ распредѣленіи доходовъ между членами причта уже невозможно исключительное владѣніе церковію для настоятеля ея и примѣненіе къ ней тѣхъ пріемовъ отчужденія, о которыхъ мы говорили. Каждый членъ клира можетъ допускать сдѣлки (неотчужденія) на своемъ удѣльномъ участкѣ.

Право владѣнія церковными имѣніями, принадлежащее приходскому духовенству, могло быть *общимъ для нѣсколь-*

---

¹) Литов. метрика, изд. 1903 г., стр. 1355.

²) Примѣры эти взяты изъ частновладѣльческихъ актовъ, но само собою разумѣется, что обозначаемыя ими явленія относятся также, и притомъ съ большею рѣшительностію, и къ коронымъ церквамъ.

³) Археогр. Сборн. т. XI, № 114.

кихъ приходскихъ церквей или для всѣхъ церквей извѣстнаго города. Такъ въ 1574 г. искъ о нападеніи Яна Вороны на церковный грунтъ Реванецкій, заявленъ былъ Луцкими священниками церквей Троицкой и Рождественской отъ себя и отъ имени игуменовъ Пречистенскаго, Никольскаго и Афанасьевскаго. Это, по всей вѣроятности, всѣ или почти всѣ Луцкія церкви, кромѣ состоящихъ въ частномъ поданьѣ. Какъ устанавливается это общее совладѣніе церквей; сказать съ увѣренностію трудно. Что то была именно общая собственность церквей (condominium), это видно изъ прямаго выраженія приводимаго акта: „властный а звечистый, спокойный *кгрунтъ церквей Божихъ* Реванецкий, у которыхъ мы на сесчасъ служителями“. Пользованіе общимъ имуществомъ, однако, было раздѣльное: въ томъ же актѣ одинъ жалобщикъ говоритъ: „Я Троицкій (священникъ) послалъ на *свое властное и старовѣчное* поле, спокойное держаніе, орать плугомъ своимъ, а п. Ворона напалъ и „молодца“ моего (работника) избилъ жестоко палкою по головѣ, ранилъ, и плугъ съ поля согналъ“ [1]). Именно этотъ поступокъ п. Вороны и вызвалъ жалобу не одного Троицкаго священника, а всѣхъ поименованныхъ выше: „и тѣмъ *насъ всѣхъ священниковъ* вышеписанныхъ насильственно (гвалтовне) выбилъ изъ спокойнаго владѣнія тѣмъ полемъ“. Явленіе, о которомъ говоритъ намъ приведенный актъ, весьма немаловажно для опредѣленія субъекта правъ на имущества церкви; въ данномъ случаѣ нельзя признать таковымъ ни приходъ, ни клиръ какой-либо церкви. Очевидно уже тогда мыслилось и признавалось право отвлеченнаго субъекта—церкви, какъ учрежденія; земля принадлежитъ „церквамъ Божіимъ“. Особенности древняго (бенефиціальнаго) владѣнія здѣсь выразились лишь въ правѣ пользованія, которое могло быть передаваемо наличными членами клира потомственно (участокъ общей собственности, подвергшійся нападенію, названъ „властнымъ и извѣчнымъ“ для одного изъ совладѣльцевъ). Но права собственника, именно

[1]) Кіевск. Центр. Арх. № 2048, л. 103 об.

судебная защита, осуществляются отъ имени всѣхъ участниковъ.

Итакъ, въ городахъ владѣющимъ лицомъ является церковь, какъ учрежденіе, назначенное для богослуженія; но полномочными (б. ч. наслѣдственными) представителями (бенефиціальными владѣльцами) были или настоятели, или всѣ члены клира, въ раздѣльности. Возможна была и общая собственность нѣсколькихъ церквей. Власть патроновъ (вел. князя, епархіальнаго владыки, городскихъ и приходскихъ общинъ и частныхъ лицъ), не будучи владѣльческою, приводила въ должныя границы права бенефиціальныхъ владѣльцевъ (настоятелей и другихъ членовъ клира), предотвращая переходъ бенефиціальныхъ правъ въ права собственности и сохраняя так. обр. за церковію, какъ учрежденіемъ, дѣйствительное значеніе субъекта права на церковныя имущества.

Такія же права принадлежатъ церквамъ и въ сельскихъ коронныхъ имуществахъ: наданье церкви священнику совершалось посредствомъ выдачи великокняжеской привилегіи, обыкновенно съ пожалованіемъ церкви потомственно, но нерѣдко и пожизненно. Потомственный владѣлецъ—священникъ могъ уступить свое право, по договору, другому священнику; изъ чего иногда возникали споры между новымъ священникомъ и потомками прежняго; тяжбы разрѣшались мѣстнымъ старостою. Такъ въ 1589 г. священникъ церкви св. Михаила въ с. Половцахъ Берестейск. староства—Иванъ Парфиновичъ получилъ церковь по уступочной записи предшественника своего Федора Семеновича и отбившись судомъ отъ притязаній наслѣдниковъ его, просилъ вел. князя утвердить за нимъ права на церковь; король утвердилъ пожизненное право „на ту церковь и земли, ей принадлежащія“ [1]).

Вел. князь лично и непосредственно распоряжался назначеніемъ настоятелей лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; обыкновенно же правомъ поданья сельскихъ церквей на коронныхъ земляхъ завѣдовали старосты; они выдавали „листы“

---

[1]) Ак. Вил. ком. т. II, № 6.

(грамоты) на это право; къ вел. князю за утвержденіемъ обращались заинтересованныя лица уже послѣ,—иногда чрезъ много лѣтъ послѣ полученія церкви. Такъ вел. кн. Сигизмундъ-Августъ утвердилъ за Иваномъ Кунцевичемъ право, данное ему Остаф. Воловичемъ—старостою Берестейскимъ, (по просьбѣ, войта, бурмистровъ, радецъ и всѣхъ мѣщанъ мѣст. Пещатскаго) на церковь св. Пятницы въ этомъ мѣстечкѣ [1]).

Итакъ несомнѣнно, что въ сельскихъ церквахъ на коронныхъ земляхъ преобладало также бенефиціальное право владѣнія настоятеля; но отсюда не слѣдуетъ, что коронныя власти приходская община не имѣли здѣсь никакого значенія; въ противномъ убѣждаетъ насъ аналогія городскихъ общинъ, т. е. ихъ правъ въ отношеніи къ священникамъ, получавшимъ наданье отъ вел. князя. Во всякомъ случаѣ субъектомъ правъ на имущества и здѣсь остается церковь.

Вел. князь иногда жалуетъ право подаванія въ своихъ коронныхъ имуществахъ частнымъ лицамъ, не жалуя никакихъ имуществен. правъ; такъ въ 1555 г. Янъ Никол. Гайко, королевскій писарь просилъ у короля предоставить въ его подаванье церковь въ селѣ Озяцкомъ (въ Берестейскомъ староствѣ). Эта церковь, находившаяся въ королевской волости, принадлежала къ подаванью господарскому. Но въ томъ же селѣ, среди коронныхъ имуществъ былъ и фольварокъ просителя—Гайка; Гайко очевидно принадлежалъ къ приходу этой церкви и прежде снабжалъ ее вещами („никоторыми церковными потребами"). Король въ своей грамотѣ пишетъ: „если эта церковь наше господарское подаванье, то даемъ ему въ подаванье на вѣчность для обороны ея отъ нарушенія ея правъ; имѣетъ право онъ (Гайко), его жена, дѣти и потомки, имѣя церковь въ своемъ подаваньѣ, оборонять ее отъ обидъ, установлять при ней священниковъ годныхъ и образованныхъ, ничѣмъ не нарушая духовныхъ правъ вла-

[1]) Ак. Вил. ком. т. II. № 8. Дата,—1580 г. очевидно испорченная: въ явкѣ стоитъ 1580 г., въ самомъ актѣ—даже 1590. И то и другое, очевидно, невѣрно.

дыкъ. А что касается земли, данной нами этой церкви на вѣчность, то онъ не имѣетъ права причинять въ томъ церкви какой-либо ущербъ, а также дѣти и потомки его, т. е. они не могутъ эту землю отнимать у церкви, или уменьшать ея количество; землею долженъ пользоваться священникъ теперешнiй и тѣ, которые будутъ послѣ него". Мѣстному воеводѣ поручается ввести Гайка во владѣнiе и приказать тамошнему священнику быть во всемъ послушнымъ ему. Если же по смерти священника, въ теченiи 12 недѣль вдова священника, дѣти или потомки его не позаботились найти къ той церкви настоятеля, или если панъ уменьшитъ церковную землю или сдѣлаетъ ей какую-либо обиду, то воевода долженъ защищать церковь и, наконецъ, самую церковь взять обратно въ поданье и управленiе вел. князя [1]). Въ этомъ актѣ сдѣлано совершенно ясное разграниченiе правъ патрона, какъ опекуна (безъ права участiя въ пользованiи имуществомъ), правъ священника, какъ пользователя, и, наконецъ, церкви, какъ собственника.

Церкви въ частно-владѣльческихъ имѣнiяхъ, снабжены наименьшими правами изъ всѣхъ субъектовъ церковныхъ имуществъ. Во многихъ отношенiяхъ онѣ сами служатъ предметомъ обладанiя лицъ, владѣющихъ имѣнiями, какъ по буквѣ жалованныхъ грамотъ, такъ и по фактическому осуществленiю правъ владѣльцевъ, такъ что церковь, повидимому, совсѣмъ нельзя причислять къ владѣющимъ субъектамъ, а напротивъ слѣдуетъ считать предметомъ владѣнiя частныхъ лицъ; здѣсь уже патронатство какъ будто переходитъ въ полное право собственности. Однако, намъ нужно отнестись съ крайнею осторожностiю къ нижеприводимымъ фактамъ. Около 1450 г. в. кн. Свидригайло жалуетъ Петру Кирдѣевичу Мыльскому нѣсколько имѣнiй въ Луцкомъ повѣтѣ; въ одномъ изъ этихъ имѣнiй, именно въ Полгановѣ, такъ перечисляются составныя части владѣнiя: „два дворища служебныхъ и церковь съ дворищемъ церковнымъ и съ ставомъ и съ мытомъ" [2]).

---

[1]) Ак. Вил. ком. т. II, № 3.

[2]) См. этого тома стр. 12.

Затѣмъ, исчисливши по обычаю всѣ предметы владѣнія („приходы, доходы, вольности, уѣзды“), т. е. поля, лѣса, пасѣки и пр., вел. князь продолжаетъ, что Петръ Кирдѣевичъ Мыльскій и его потомки могутъ всѣ эти имѣнія продать, промѣнять, заложить и завѣщать; при этомъ не дѣлается исключенія относительно самой церкви и ея дворища. Надо имѣть въ виду, что въ многочисленныхъ жалованныхъ грамотахъ разнымъ лицамъ весьма часто не упоминается о церквахъ и ихъ имуществахъ, хотя слѣдуетъ предполагать, что въ каждомъ изъ значительныхъ селъ были церкви, так. обр., повидимому, принадлежность церкви имѣнію разумѣлась сама собою. Въ купчихъ записяхъ церкви перечисляются наряду съ полями, сѣнокосами и пр.: въ 1538 г. Угриновскій продалъ М. В. Свинусскому имѣніе Теслуговъ съ дворомъ, съ церковію, полями пахотными и дворными [1]).

Въ *реестрахъ (инвентаряхъ)* имѣній, составляемыхъ по разнымъ поводамъ (вводѣ во владѣніе, установленіи опеки и пр.), церкви съ ихъ имуществами перечисляются наряду со всѣми другими принадлежностями имѣнія. Напр. въ реестрѣ двора Рыканскаго, принадлежавшаго Юрію Тышковскому, послѣ перечисленія построекъ, дворовъ и движимаго имущества въ нихъ, рѣчь продолжается такъ: „ку двору ставъ, гай, сѣножать; къ тому двору церквѣ двое: одна въ селе передъ дворомъ, другая за селомъ; попъ тыхъ церквей дворище съ полми и зъ сѣножатми держитъ“ [2]). Иногда въ инвентаряхъ при переходѣ имѣній перечисляются не только церкви, но и священные предметы, находящіеся въ нихъ; такъ въ инвентарѣ замка Буремля, составленномъ въ 1573 г. при вводѣ во владѣніе княгини Маріи Денисковны Буремской и другихъ сонаслѣдниковъ, содержится между прочимъ слѣд.: „кухня съ коморой, лазня (баня) з сеньми, и посередѣ замку церковь св. Троицы, побитая контами, цвинтеръ; о у ней образъ св. Троицы, а другій св. Пречистое, третій св. Дмитрия, а четвертый св. Флора и Лавра, деисусъ, сосудъ

---

[1]) См. этого тома стр. 229 и 231.

[2]) Кіев. Центр. Арх. кн. № 2045, л. 212.

церковный: келехъ, ложка, звезда и воздухи; рызы китайки жолтое, злотоглавомъ обложоное, стихарь, петрахиль и поручи, и поесъ, и другие ризы полотенѣные; книги: евангелие напрестольное, зеленымъ оксамитомъ крыто; апостолъ Петръ (sic), трефолой, треоди две: одна постная; а другая цветъпая, шостодъневецъ, псалтырь. Стрельбы...“ (далѣе перечисляются пушки и ручницы при замкѣ)[1]). Въ томъ же 1573 г. кн. Мар. Буремская, уступая имѣніе Буремль Хреницкому, въ своемъ инвентарѣ означаетъ: „напродъ (во первыхъ) городище, на которомъ ниякого будованя нетъ, только одна церковь ново-зробленая“[2]). При такихъ указаніяхъ трудно не признать сельскую церковь объектомъ владѣнія мѣстнаго пана, какъ одну изъ составленныхъ частей его имѣнія.

Относительно власти владѣльцевъ на церкви и ихъ имущества есть весьма поучительный фактъ *тяжбы* 1554 г. о правѣ на церковь между княземъ Фрид. Глѣб. Пронскимъ и кн. Яков. Вас. Крокоткою. Дѣло въ томъ, что кн. Пронскій выпросилъ себѣ монастырь въ землѣ Волынской (безъ спеціальнаго наименованія), давши ложную справку, яко-бы онъ лежитъ впустѣ и никто имъ не владѣетъ. („нихто его на себе не держитъ“); но потомъ кн. Крокотка подалъ королю жалобу, что это не безхозяйный монастырь, а его *собственная* („его власная“) *церковь* въ селѣ Чеконѣ съ ставомъ и млиномъ, что эта церковь есть принадлежность его имѣнія, Яловичъ, которое было пожаловано дѣду его князю Ив. Дмитр. Крокоткѣ королемъ Казимиромъ; между приселками этого имѣнія поименованъ тогда и Чеконъ. Кор. Александръ подтвердилъ это пожалованіе. Съ тѣхъ поръ церковь и с. Чеконъ находились все время въ спокойномъ владѣніи Крокотокъ, пока, по грамотѣ Сигизмунда-Августа, кн. Пронскій не овладѣлъ „силою и гвалтомъ“ какъ церковію, такъ и селомъ Чекономъ (т. е. силою привелъ въ исполненіе пожалованіе, данное королемъ, какъ это дѣлалось тогда по-

---

[1]) Кіев. Центр. Арх. кн. № 2092, л. 10 на об.

[2]) Ibid № 2095, л. 614.

стоянно). Такъ какъ кн. Крокотка намѣренъ былъ доказать, что церковь есть его собственность („власность"), то король посылаетъ своего дворянина изъять изъ владѣнія кн. Пронскаго ту церковь и село Чеконъ съ ставомъ и млиномъ и передать кн. Крокоткѣ. Князю Пронскому предоставляется доказать судебнымъ порядкомъ, что спорная церковь лежитъ *не въ границахъ имѣнія кн. Крокотки, а отдѣльно отъ него* [1]).— Въ этомъ интересномъ актѣ уясняется: а) что церковь отличается отъ монастыря тѣмъ, что первая должна быть принадлежностію села и имѣнія, второй можетъ лежать внѣ, отдѣльно; б) что поэтому монастырь можетъ быть и не быть предметомъ отдѣльнаго владѣнія, а приходская церковь должна принадлежать владѣльцу имѣнія; в) что церковь и ея имущества составляетъ, повидимому, собственность владѣльца имѣнія, наравнѣ съ прочими составными частями его.

Послѣдняя мысль иллюстрируется актомъ 1558 г. [2]) тяжбы между кн. Збаражскимъ и Волчкомъ Якимовичемъ Жасковскимъ о принадлежностяхъ имѣнія Жасковскаго и Колоновскаго, во владѣніи которымъ были участниками обѣ стороны. Именно первая жена кн. Збаражскаго княжна Козечанка принесла въ приданое часть упомянутаго имѣнія; между совладѣльцами былъ произведенъ раздѣлъ; но кн. Збаражскій началъ вторгаться въ права совладѣльца, а именно: „церковь св. Николы въ имѣніи Жасковскаго—Жасковичахъ по раздѣлу досталась ему (т. е. Жасковскому), а кн. Збаражскій отнялъ силою и гвалтомъ поля и сѣножати, издавна приписанныя той церкви предками жены Збаражскаго". Интересъ этого показанія заключался въ томъ, что завладѣніе простиралось не на церковь съ ея имуществами, а отдѣльно на имущества, приписанныя церкви; завладѣвшій захватилъ эти имущества, такъ же какъ и другія—не церковныя угодья того же имѣнія (берегъ пруда, дорогу), очевидно не различая значенія тѣхъ и другихъ.

---

[1]) Стр. 108—109 этого тома.

[2]) Ibid, стр. 142—143.

Мысль о принадлежности владѣльцу земель церковныхъ, *независимо отъ самой церкви*, имѣетъ для насъ особое значеніе; если такъ, то мы имѣли бы здѣсь доказательство того, что право владѣльца на церковныя земли не зависитъ отъ права поданья и не опредѣляется имъ. Приведенный выше фактъ, однако, не можетъ дать намъ надлежащихъ выводовъ, ибо это—фактъ безправный, возникшій изъ насильственнаго завладѣнія. Возмемъ другой примѣръ: въ 1539 г. Богд. Март. Хребтовичъ продалъ королевѣ Бонѣ имѣніе Блудово „съ дворомъ тамошнимъ, со всѣми слугами путными и людьми тяглыми, съ огородниками, съ полями пашнями, *дворными и церковными и съ землями людскими* (т. е. крестьянскими), съ сѣножатями, съ гаемъ. Вольна ея милость (королева) и потомки ея, то имѣніе Блудово кому хочетъ отдать, продать, замѣнить, записать.., какъ будетъ угодно ей и ея потомкамъ распорядиться для лучшей выгоды своей“ [1]). Согласно съ буквою акта, церковныя земли, наравнѣ съ дворовыми, принадлежатъ владѣльцу независимо отъ церкви и подлежатъ его безусловному распоряженію, т. е. могутъ быть имъ проданы, замѣнены, подарены кому угодно, хотя бы остальное имѣніе и церковь въ немъ оставались неотчужденными, ибо всякое имѣніе можетъ быть отчуждено какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.

Однако, такой выводъ былъ бы очень поспѣшнымъ. На необходимость осторожности наводитъ то обстоятельство, что въ томъ же актѣ церковныя земли сопоставлены не только съ дворными пашнями, но и съ крестьянскими землями. Любопытно знать къ какому же именно типу онѣ приравниваются. Къ дворовымъ, или крестьянскимъ? Правда въ этомъ актѣ владѣльцу приписывается якобы безусловно право и на крестьянскія земли независимо отъ крестьянъ, между тѣмъ для половины XVI в. такое положеніе было бы вполнѣ ошибочно: земли принадлежали крестьянамъ и не могли быть

---

[1]) Стр. 262, 265. Бона передала то же имѣніе Мих. Вас. Свинусскому съ такими же условіями, т. е. „съ полями пахотными, дворными и *церковными*“; см. стр. 270.

отняты у этихъ послѣднихъ. Имѣніе съ крестьянами могло быть продано, подарено, завѣщано и т. д. въ цѣломъ или въ частяхъ, но не крестьяне безъ земли и не земля (крестьянская) безъ крестьянъ[1]) (разумѣется, злоупотребленія не берутся въ разсчетъ)[2]).

Но не будемъ спѣшить къ общему выводу и отмѣтимъ еще, что на мысль о принадлежности землевладѣльцу какъ самой церкви, такъ и ея имуществъ (движимыхъ и недвижимыхъ) могутъ въ особенности наводить *акты раздѣла* имѣній и церквей въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, пока цѣлая церковь съ ея имуществами принадлежитъ одному лицу, свойства зависимости ея отъ этого лица неясны; власть бываетъ разная: опекунская, административная, патріархальная. Но если нѣсколько лицъ начинаютъ дѣлить между собою части вещи, то кажется нѣтъ уже сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ правомъ собственности. Мы увидимъ, что фундаторы иногда спеціально оговариваютъ, что церковь съ ея имуществами не подлежитъ раздѣлу между наслѣдниками ихъ, что всѣ они должны владѣть ею сообща[3]). Но иногда такого условія не поставлено; тогда возможны явленія въ родѣ раздѣла имѣнія Берестовицъ въ Гродненскомъ повѣтѣ въ 1604 г. между кн. Федор. Масальскимъ съ одн. стор. и Андр. Лещинскимъ и кн. Януш. Жославскимъ—съ другой. Прежде всего они раздѣлили „церковь самую по поламъ въ длину; часть по правую сторону досталась кн. Масальскому, а по лѣвую двумъ остальнымъ соучастникамъ; такъ же подѣленъ и цвин-

---

[1]) См. реестръ крестьянъ Блудовскаго имѣнія на стр. 277—278 этого тома съ прибавленіемъ: „А што ея ткнеть служобъ, и платовъ и доходовъ, што повинни тые люди, и огородники и корчмиты давати, то широко есть на ономъ реестрѣ ихъ описано“—(стр. 278), т. е. отчуждалось право на опредѣленныя повинности крестьянъ съ ихъ земель. Сл. этого тома стр. 326 и 331.

[2]) См. ibid на стр. 335.

[3]) См. приведенную выше фундушевую запись Алекс. Ходкевича Супрасльскому монастырю 1533 г. „Кгды дасть Богъ дѣтемъ нашимъ именьями се делить, ино дети и потомки наши тымъ монастыремъ и наданемъ нашимъ делитися а ни въ делъ становить и въ то уступоватися на вечные часы не мають“. Ак. Вил. Ком. I, № XIII.

таръ (погостъ); при раздѣлѣ зданія церкви досталось на каждую часть образовъ по 14-ти; колоколовъ при церкви было три, а потому Масальскому назначенъ одинъ большой колоколъ, а двумъ другимъ—два меньшихъ, но эти послѣдніе дали придачу 10 коп. гр. Литов., на каковыя деньги должны были купить еще одинъ колоколъ для той же церкви. При церкви находился пляцъ (усадьба), огороды и погнои поповскіе и грунтъ подъ огородникомъ поповскимъ въ 15 моргивъ; эта земля раздѣлена такъ: часть ея съ огородникомъ поповскимъ досталась на часть Лещинскаго и Жославскаго, а Масальскому другая—часть съ домомъ поповскимъ. Кромѣ того были грунты поповскіе тойже церкви подъ мельницами на р. Свислочѣ, гдѣ лежалъ огородъ церковнаго крестьянина, сѣнокосы и лѣсъ поповскій; и это подѣлено между двумя группами владѣльцевъ съ наддачею въ пользу одной лишнихъ 13 морговъ, пот. что земля, доставшаяся этой части была худшаго качества. Затѣмъ церкви принадлежали поля: первое поле поповское, называемое Поповщизна, раздроблено на мелкіе куски для уравненія качества почвы въ каждой части. Подобнымъ же образомъ подѣлены остальныя поповскія поля (поле на Черевковщинѣ, поле на Москалевщинѣ)[1]. — Такимъ образомъ остались нераздѣленными только алтарь со священными сосудами, съ престоломъ и пр.; все остальное — образа, колокола и (повидимому) самое зданіе церкви раздѣлено. Раздѣлъ земель особенно интересенъ при уравненіи за качество количествомъ, что, само собою разумѣется, означаетъ уравненіе доходности. Даже жилище священника пошло въ раздѣлъ. — Однако, что же означаетъ этотъ раздѣлъ? Если на каждую часть досталось по 14 образовъ, то разобрали ли эти иконы владѣльцы себѣ по домамъ? Несомнѣнно, что нѣтъ; образа остались въ той же церкви, ибо на нераздѣльномъ ея престолѣ продолжало совершаться богослуженіе. Это очевидно изъ того, что хотя колокола также подѣлены, но ихъ не только не сняли, а рѣшили докупить къ нимъ еще четвертый. Поповскій домъ пошелъ въ раздѣлъ; однако, если

[1]) Ак. Вил. ком. т. I, № IV.

богослуженіе въ церкви и звонъ продолжается, то надо, чтобы былъ попъ и требуется, чтобы онъ гдѣ нибудь жилъ. На другую часть достался огородникъ поповскій; никакъ не можемъ думать, что съ момента раздѣла этотъ огородникъ выгнанъ изъ своего жилища. Итакъ, раздѣлъ въ этихъ пунктахъ имѣетъ какой то фиктивный характеръ. Полагаемъ, что и остальные его пункты, касающіеся раздѣла полей, имѣютъ такое же значеніе. Если бы предположить, что раздѣлившіеся совладѣльцы обратили церковные участки въ свое исключительное экономическое обладаніе, то имъ пришлось бы подумать вновь объ обезпеченіи церкви и священника, разъ церковь продолжаетъ существовать, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія.

Во всякомъ случаѣ, однако, смыслъ этого дѣлежа не ясенъ. Такой (впрочемъ единственный) актъ раздѣла относится къ XVII в.; въ XVI в. и ранѣе подобныхъ фактовъ не встрѣчаемъ.

Напротивъ въ XVI в. не одинъ разъ встрѣчаются фундуши, прямо (какъ сказано) воспрещающіе раздѣлъ церкви, или предупреждающіе его, въ родѣ слѣдующаго: въ 1592 г. при раздѣлѣ имѣнія въ с. Токаряхъ (въ Берест. повѣтѣ), всѣ владѣльцы этого села, какъ сородичи, такъ и пріобрѣтшія участки стороннія лица, выдѣлили изъ всѣхъ своихъ частей 1 волоку и 5 морговъ на Токаревскую церковь; при этомъ прибавили: „этого церковнаго грунта, хотябы попъ изъ Токарей ушелъ, или умеръ, владѣльцы Токаревскіе не имѣютъ права отбирать себѣ и дѣлить между собою; онъ долженъ вѣчно оставаться въ пользованіи попа“ [1]).

О чемъ свидѣтельствуютъ приведенные факты? Что значитъ *церковь „власная“*? Что означаетъ *пожалованіе и продажа съ землями церковными?* Доказываютъ ли эти факты, что владѣлецъ имѣнія обладаетъ правомъ, какъ собственникъ, распорядиться по произволу церковными имуществами, напр. отнять ихъ у церкви и присоединить къ дворовымъ (экономическимъ), или передать ихъ во владѣніе своему слугѣ, или, наконецъ, продать ихъ (отдѣльно отъ имѣнія и церкви)?

---

[1]) Ак. Вил. Ком. т. II, № 9.

Мы должны предварить отвѣтъ слѣд. общимъ замѣчаніемъ: въ имѣніяхъ всякаго пана могли быть и были различныя владѣнія съ разными б. или м. условными правами; это было своего рода маленькое государство; здѣсь были владѣнія на служебномъ правѣ и боярскія имѣнія; владѣльцы ихъ (иногда носившіе шляхетское званіе) обязаны были въ пользу пана разными повинностями (военной, административной, экономической службы); были участки чиншевыхъ владѣльцевъ, обязанныхъ денежною данью [1]); были земли тяглыхъ людей, обязанныя личною работою, заранѣе обусловленною. Непосредственное право пана простиралось только на земли, составляющія его личную собственность, т. н. дворныя, или фольварочныя; онѣ никому, кромѣ пана, не принадлежали и обрабатывались рабскимъ трудомъ; „паробки и женки невольныя“, хотя и сидѣли на землѣ, но на землѣ чужой—панской. Всѣ прочіе классы жили на своей землѣ. Надъ всѣми ими простирается власть пана; но для изчисленныхъ свободныхъ классовъ это не была власть собственника ни надъ личностію, ни надъ имуществомъ населенія. Въ числѣ прочихъ владѣльцевъ въ имѣніи пана была и церковь со своими землями. Можно съ увѣренностію сказать, что среди прочихъ зависимыхъ владѣльцевъ церковь была наименѣе зависимою, ибо надъ ней не тяготѣло никакихъ спеціальныхъ условій, или повинностей, неисполненіе которыхъ могло повлечь если не отнятіе земли у владѣльца, то разныя невыгодныя для него послѣдствія, при чемъ онъ самъ могъ бросить землю и искать выхода (крестьянинъ „похожій“). Надъ церковію и ея имуществами власть пана была такъ сказать государственною: панъ есть судья, рѣшающій тяжбы по имѣнію между церковію и другими владѣльцами имѣнія; панъ „подаетъ“ (рекомендуетъ) настоятеля; панъ есть необходимый представитель интересовъ церкви въ государственныхъ судахъ. Дворищами, приписанными церкви, владѣетъ и пользуется „попъ“; никакими экономическими выгодами

---

[1]) Всѣмъ этимъ формамъ владѣнія мы надѣемся посвятить особые этюды въ дальнѣйшей исторіи землевладѣнія западной Россіи.

отъ этихъ участковъ (дворищъ) панъ не пользуется. Эти имущества неотъемлемы, не отдѣлимы отъ церкви; монастырскія имѣнія (б. ч. крупныя и цѣнныя) приносили экономическія выгоды патрону; церковные—мелкіе участки, равные крестьянскимъ, не приносили пану ничего. Возмемъ примѣръ изъ вышеприведеннаго факта, когда одинъ совладѣлецъ имѣнія (Жасковскій) жалуется на другаго, что по раздѣлу между ними ему досталась церковь, а между тѣмъ, послѣ раздѣла, другой совладѣлецъ (кн. Збаражскій) захватилъ безправно поля и сѣнокосы, издавна приписанные той церкви. Очевидно, что первый видитъ явное доказательство своей правоты въ томъ, что отъ церкви, оставшейся въ его участкѣ, не могли быть отдѣлены ея имущества, „издавна ей приписанныя“; онъ защищаетъ не свои интересы, а интересы церкви. Какъ рѣшилъ судъ, мы не знаемъ, но не сомнѣваемся, что имущества должны были возвратиться церкви. Жалобщикъ дѣйствуетъ, какъ патронъ церкви, а не какъ собственникъ.

Возмемъ другой изъ приведенныхъ выше фактовъ: двое князей спорятъ о церкви въ Чеконѣ: одинъ (кн. Пронскій) называетъ ее самостоятельнымъ монастыремъ, который владѣетъ селомъ Чекономъ; Пронскому интересно было заполучить въ свое владѣніе этотъ мнимый монастырь съ большимъ владѣніемъ; ибо (какъ сказано) патроны монастырей пользовались экономическими выгодами отъ имѣній монастырей. Другой (кн. Крокотка) доказываетъ, что это не монастырь—владѣлецъ села, а напротивъ церковь, принадлежащая къ селу; селомъ владѣлъ панъ (кн. Крокотка), а церковь м. б. владѣла въ томъ же селѣ какимъ-нибудь однимъ или двумя дворищами. Понятенъ экономическій интересъ тяжбы безъ предположенія о какихъ-либо непосредственныхъ правахъ владѣльца на имущества церкви.

Что же означаютъ приведенныя свидѣтельства актовъ о правахъ отчужденія принадлежащихъ владѣльцу имѣнія на церковь? Они означаютъ отчужденіе тѣхъ правъ, которыя дѣйствительно принадлежали владѣльцу, т. е. правъ патронатства. Въ составѣ имѣнія могли быть отчуждены и бояр-

скіе, и чиншевые, и крестьянскіе участки (такъ же, какъ и церковные), но это не значитъ, что чиншевикъ лишился своихъ правъ на землю, бояринъ потерялъ свои владѣнія, церковь свои имущества; при переходѣ къ новому пану всѣ эти владѣльцы остаются при своихъ правахъ, гарантированныхъ грамотами пановъ, фундушами и инвентарями.

Конечно возможно отчужденіе церкви и ея имуществъ такимъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ они не могутъ сохранить своего прежняго значенія, именно нехристіанамъ. Въ 1485 г. священникъ Берестейской церкви мучен. Сергія и Вакха—Нафанаилъ Фалелеевичъ пишетъ въ завѣщаніи своемъ между прочимъ слѣдующее: „сынове мои повинни будуть доходити церкви св. муч. Сергія и Вакха, которую былъ змуровалъ п. Иванъ Иваницкій, а мене, слугу Божого, до ней затягъ, а теперь не ведле закону нашого греческого и правилъ св. отецъ, мене отгналъ отъ ней, а противникомъ креста святого *запродалъ*" (вѣроятно евреямъ).—Завѣщатель возлагаетъ обязанность уничтожить такую запродажу и на еп. Влад. Феодосія, а если и онъ того не сдѣлаетъ, то зоветъ пастырей своихъ на судъ Божій и проситъ жену и дѣтей вложить вмѣстѣ съ нимъ въ гробъ написанный имъ вызовъ къ такому суду [1]). Здѣсь несовсѣмъ ясно, что означаетъ „запродажа" церкви и кто разумѣется подъ противниками креста. Если здѣсь дѣйствительно разумѣется отчужденіе патрономъ церкви и ея имуществъ евреямъ, то едва ли такая сдѣлка могла быть признана законною, даже съ точки зрѣнія тогдашняго свѣтскаго права. Поэтому завѣщатель имѣлъ полное основаніе возложить на своихъ дѣтей обязанность оспорить ее предъ судомъ. Но если бы гражданскіе суды отказали бы въ искѣ, то завѣщатель вполнѣ увѣренъ, что духовныя власти могутъ достигнуть уничтоженія столь беззаконнаго акта, если только пожелаютъ взяться за дѣло. Только въ виду возможности уклоненія духовной (епархіальной) власти, завѣщатель присоединяетъ угрозу вызова на страшный судъ Божій.

---

[1]) Акты Вил. ком. т. III, № 3.

Кажущаяся безусловною, власть владѣльца надъ церковію въ его имѣніяхъ, встрѣчаетъ ограниченія съ двухъ сторонъ: во первыхъ со стороны приходской общины, вовторыхъ со стороны духовной власти. Изъ нашего разсмотрѣнія мы исключаемъ домашнія и такъ называемыя зàмковыя панскія церкви. Церкви же, основанныя, для народа, т. е. приходскія, могутъ обслуживать не только крестьянъ и вообще жителей одного имѣнія; къ ихъ приходу могли принадлежать жители и другихъ званій и имѣній. А потому ни церковь, ни ея имущества не могутъ находиться въ безусловномъ распоряженіи одного владѣльца. Для уясненія дѣла приведемъ слѣдующій примѣръ: въ 1511 г. король рѣшалъ споръ между п. Щасною Крупскою и бояриномъ Александра Ходкевича—Степаномъ Чаплею о томъ, на чьей землѣ должна быть церковь, стоявшая въ имѣніи Крупской—Пилиповщинѣ. Степанъ Чапля, наѣхавши гвалтомъ (насильственно) снесъ съ ея земли церковь русскую, извѣка стоявшую на этой землѣ и перенесъ на „свою“ (sic) землю; а когда Крупская опять на томъ же мѣстѣ выстроила церковь, то онъ разметалъ ее. Отвѣтчикъ защищался тѣмъ, что онъ совершилъ переносъ церкви съ дозволенія вел. кн. Александра, котораго онъ самъ *съ мужами вел. князя Волковыянами* просили, чтобы эта церковь стояла на землѣ „нашой“ (великаго князя), а не на землѣ Чапли, который, вѣроятно, занималъ коронный участокъ; вел. князь, удовлетворяя этому желанію, выдалъ свою грамоту („листъ“) въ этомъ смыслѣ.—Но при вторичномъ разсмотрѣніи того же дѣла кор. Сигизмундомъ въ 1511 г., когда Крупская доказала, что „та земля, на которой стояла церковь, именно Пилиповщина, есть извѣчная ея собственность, а также и *церковь ея же*“, то этотъ вел. князь посмотрѣлъ на дѣло совсѣмъ иначе, чѣмъ его предшественникъ и далъ такое рѣшеніе: „Ино намъ видѣлося и паномъ радамъ нашимъ: коли онъ (Ст. Чапля) брату нашому украсилъ (sic) заочно, а того не поведалъ, ижъ бы то *церковь и земля ее*, а его милость ему дозволилъ, на его поведанье, тую церковь перенести, и онъ... два кгвалты вчи-

нилъ", за что назначается уголовный штрафъ. „А церъковь пани Крупская зася на той своей земли маеть мети по давному, бо то *земля и церъковь ее звѣчная*" [1]).—Съ точки зрѣнія кор. Сигизмунда дѣло стоитъ очень просто: рѣшеніемъ его ясно и твердо обозначается принципъ принадлежности церкви владѣльцу по землѣ, на которой она стоитъ. Къ церквамъ въ частныхъ имѣніяхъ, очевидно, примѣнены тѣ правила, которыя и нынѣ примѣняются къ домовымъ церквамъ и правамъ на нихъ домовладѣльцевъ. Но съ точки зрѣнія кор. Александра дѣло имѣетъ совершенно иной характеръ. Къ нему обращаются за позволеніемъ снять церковь съ одного мѣста и перенести на другое; онъ даетъ это разрѣшеніе. Ст. Чапля, дѣйствовавшій согласно разрѣшенію короля, не совершалъ никакого самоуправства и насилія и не могъ подлежать никакому наказанію, какъ дѣйствовавшій по уполномочію высшей государственной власти. Какимъ же образомъ два короля, на небольшомъ разстояніи времени, могли такъ рѣзко разойтись въ своихъ рѣшеніяхъ? Конечно ими руководилъ не какой-либо личный капризъ и кор. Александръ имѣлъ также основанія для своего рѣшенія. Любопытно уяснить, что служило мотивомъ для дѣйствій Ст. Чапли, за которыя онъ понесъ наказаніе: въ первый разъ онъ *перевезъ* церковь; можно подумать, что имъ руководилъ корыстный мотивъ воспользоваться чужимъ матеріаломъ для зданія; но онъ перевезъ и поставилъ ее не на свою землю, а на великокняжескую (государственную); во второй же разъ онъ *разметалъ* чужую церковь. Зачѣмъ это ему понадобилось? Вѣдь у него уже была своя церковь (хотя и построенная изъ чужого матеріала); сосѣдка выстроила себѣ опять другую церковь,—чѣмъ она ему мѣшала? Развѣ не могутъ стоять двѣ церкви въ разныхъ мѣстахъ? Для рѣшенія загадки служитъ то обстоятельство, что о перенесеніи церкви просилъ кор. Александра не одинъ Ст. Чапля, а еще „мужи Волковыяне" и церковь поставили на государственной землѣ. Очевидно, церковь была *приходскою* для окрестныхъ жителей разнаго

---

[1]) Литов. Метрика, изд. 1903 г., стр. 755—757.

званія (великокняжескихъ и панскихъ). „Мужи Волковыяне“, самъ Чапля, а равно землянка Щасная Крупская и ея крестьяне составляли *приходъ* этой церкви. Церковь могла стоять на какой угодно землѣ, входящей въ составъ прихода. Нѣтъ сомнѣнія, что та часть прихода, гдѣ стоитъ церковь, пользуется большими удобствами (близость посѣщенія богослуженія, близость священника для исполненія экстренныхъ требъ), а можетъ быть и выгодами отъ собраній народа изъ окрестныхъ мѣстъ во дни большихъ праздниковъ (изъ сборищъ на храмовые праздники образовались торги и ярмарки). Слѣдуетъ полагать, что въ данномъ случаѣ именно указанныя удобства и выгоды и были причиною возникшаго спора двухъ частей прихода о мѣстѣ нахожденія церкви. Кор. Александръ склонился (по неизвѣстнымъ для насъ обстоятельствамъ) на сторону одной изъ нихъ и позволилъ перенести церковь, очевидно не признавая ее частною собственностію владѣлицы земли—Крупской. Кор. Сигизмундъ взглянулъ на дѣло съ другой стороны, не принявъ (ошибочно) соображеній брата своего.—Итакъ, по взгляду болѣе древнему, приходская церковь, какъ учрежденіе общественное, не есть чья-либо частная собственность; она сама можетъ быть субъектомъ правъ имущественныхъ, представителемъ которыхъ является *церковная община—приходъ*; о духовенствѣ въ дѣлѣ совершенно не упоминается; но мы увидимъ сейчасъ, что въ другихъ случаяхъ оно выступаетъ на первый планъ.

Наданье совершается нерѣдко не по личной только инициативѣ владѣльца, но по просьбѣ и желанію прихожанъ; такъ въ 1431 г. фундушъ на Семятичскую церковь св. Троицы (въ Берестейскомъ повѣтѣ) данъ владѣльцемъ Алексѣемъ Кмитою Судимонтовичемъ, „по челобитью, земянъ и подданныхъ его (крестьянъ) въ с. Семятичахъ въ пов. Дорогицкомъ“. При этомъ какъ земяне, такъ и крестьяне участвуютъ въ содержаніи церкви [1]). Очевидно, въ такомъ слу-

[1]) Акты Вил. ком. т II, № 1.

чаѣ патрональныя права владѣльца не могутъ быть правами собственности.

Власть землевладѣльца на церковь въ его имѣніи не можетъ быть признана безусловною не только въ томъ случаѣ, когда приходъ обнимаетъ жителей нѣсколькихъ имѣній, но и тогда, когда весь приходъ лежитъ въ границахъ одного имѣнія. Фундуши, укрѣпленные за церковію, укрѣпляются на вѣчность, все равно—получено-ли имѣніе по пожалованію вел. князя, унаслѣдовано ли оно отъ предковъ-фундаторовъ церкви, или самъ владѣлецъ основалъ церковь. Въ послѣднихъ случаяхъ, конечно, дѣйствовали правила древняго византійскаго права ктиторства; духовная власть несомнѣнно имѣла право защиты церковныхъ интересовъ; ниже приведемъ факты, относящіеся къ сѣверо-западной Россіи, которые, по существу дѣла, не могутъ считаться какою либо особенностію этого края. Сверхъ того надо отмѣтить, что (какъ мы уже говорили) нѣтъ ни одного указанія на то, что владѣльцы имѣли право отчуждать имѣнія, записанныя церкви, или уничтожать самыя приходскія церкви, а имущества ихъ эксплоатировать въ свою пользу; но за то есть факты, указывающіе, съ какимъ уваженіемъ относились патроны владѣльцы къ правамъ церкви, даже въ томъ случаѣ, когда приходъ нарушаетъ эти права.

Если между приходомъ, который въ тоже время есть и сельская община (крестьянская), возникаютъ споры о томъ, кому принадлежитъ земля—церкви, или крестьянской общинѣ, то представителемъ церковныхъ интересовъ является уже *духовенство*, въ частности *настоятель церкви* и его права на потомственное владѣніе церковными имуществами берутъ перевѣсъ. Сложныя права владѣльца, прихожанъ и духовенства на практикѣ приводились къ удовлетворительному соглашенію. Нѣкоторые изъ издаваемыхъ нами актовъ даютъ возможность достигнуть правильнаго представленія о правахъ церкви, какъ учрежденія, и настоятеля ея въ отношеніи къ землевладѣнію въ частныхъ имѣніяхъ: въ 1548 году владѣлецъ—кн. В. М. Сангушко-Ковельскій рѣшалъ судеб-

нымъ порядкомъ споръ о землѣ между церковью и крестьянами въ одномъ и томъ же своемъ имѣніи. Священникъ Хотышевской церкви велъ тяжбу съ крестьянами о „соснахъ“ (бортяхъ)—предъ владѣльцемъ-княземъ, который разобравъ дѣло, рѣшилъ его въ пользу церкви и далъ письменный приговоръ въ такихъ выраженіяхъ [1]): „я, выслушавши священника и крестьянъ, видя невиновность священника, оставилъ его при той „соснѣ“ и не только его самого, *но и дѣтей его и потомковъ его*, которые будутъ служить у того престола—у св. Архангела Михаила; долженъ онъ совершать поминовеніе по нашимъ предкамъ, а за меня Господа Бога просить, а также совершать поминовеніе своихъ дѣтей духовныхъ, а за живыхъ Бога просить... А кто бы вздумалъ это нарушить, *жена моя, дѣти, или потомки мои*, тотъ дастъ отвѣтъ за это предъ страшнымъ судьею“. Такъ гарантируются права церкви, какъ со стороны владѣльцевъ, такъ и со стороны прихожанъ.

Изъ приведенныхъ актовъ убѣждаемся, что сельская церковь въ частномъ имѣніи есть собственникъ участка земли, приписанной ей, что потомственнымъ (бенефиціальнымъ) владѣльцемъ этой земли былъ священникъ—настоятель церкви, что, наконецъ, панъ есть патронъ церкви. Бенефиціальное право настоятеля, конечно, подлежало тѣмъ же ограничительнымъ условіямъ, какъ и въ городскихъ церквахъ. Настоятелю, несомнѣнно, принадлежали такія же права на совершеніе сдѣлокъ, какъ и въ церквахъ на земляхъ коронныхъ. Патронъ гарантируетъ права церкви и настоятеля своими грамотами („листами“), которыя, если и не явлены и не укрѣплены въ государственныхъ судахъ, то во всякомъ случаѣ сохраняютъ силу и въ отношеніи къ самому патрону и въ отношеніи къ его потомкамъ; въ случаѣ нарушенія правъ церкви, они всегда могли быть предъявлены въ судѣ. Поэтому угроза отвѣтственности на страшномъ судѣ Христовомъ, отнюдь не есть только моральная, лишенная юридической силы (впрочемъ для людей XVI в. моральная ос-

---

[1]) См. № LXIX, этого тома.

нова обязательства, конечно, имѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ для людей вѣка XX-го); въ силу грамоты можно было отвѣтить не только на страшномъ, но и на простомъ земскомъ судѣ. Если слуги пана предъявляли иски (и получали удовлетвореніе) на основаніи панскихъ грамотъ (на что у насъ есть факты), то разумѣется того же права не лишена и церковь и духовенство. Повторяемъ, что неотчуждаемость и неотъемлемость церковныхъ имуществъ была въ Литовско-русскомъ государствѣ принципомъ, который никогда не подвергался колебаніямъ.

Владѣльцы имѣній не нарушали фундушей православныхъ церквей даже тогда, когда сами они уже перешли въ другое вѣроисповѣданіе; въ 1612 г. знаменитый наѣздникъ, прославившійся въ смутную эпоху Московскаго государства, Янъ Сапѣга, католикъ по вѣроисповѣданію, составилъ духовное завѣщаніе въ предѣлахъ Московскаго государства; въ немъ, между прочимъ завѣщатель распоряжается похоронить себя около православной церкви въ его имѣніи Лейпунахъ, гдѣ находился тогда и костелъ католическій; Сапѣга увеличиваетъ прежній фундушъ православной церкви, гдѣ погребены его предки, назначивъ для нея еще 10 осѣдлыхъ волокъ (а на костелъ 20) [1]).

Для иллюстраціи нашихъ выводовъ о правахъ частновладѣльческихъ церквей приведемъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ, хотя не прямо относящихся къ юго-западной Россіи, но взятыхъ изъ исторіи церковныхъ учрежденій епархіи Владимірской и Берестейской; въ 1502 г. (янв. 15) Иванъ Гуринъ Здитовецкій далъ фундушевую запись основанной имъ въ своемъ имѣніи церкви св. великом. Никиты, надъ р. Мухавцемъ. Для содержанія священника и церкви ктиторъ назначаетъ двѣ волоки земли; избранный имъ попъ Савва и послѣ него будущіе попы будутъ пользоваться ими; и затѣмъ (говоритъ фундаторъ) „*никто изъ наслѣдниковъ моихъ, т. е. дѣтей, внуковъ и другихъ потомковъ*, кто будетъ владѣть имѣніемъ Здитовецкимъ, этихъ двухъ церковныхъ волокъ *во*

[1]) Ак. Вил. Ком. I, № VI.

вѣкъ вѣки никогда и никакимъ способомъ да не дерзнетъ отбирать, замѣнять, или заявлять права на нихъ („удиратися до нихъ“); для чего я, Иванъ Гуринъ Здитовецкій.., велѣлъ сдѣлать межи, и никто не имѣетъ право нарушать этихъ межъ и предѣловъ. Выборъ и содержаніе просвирницъ, звонарей и дьяковъ предоставляется усмотрѣнію настоятеля. Попу дается право рубить въ лѣсахъ владѣльца деревья на дрова и огорожу, безплатно молоть хлѣбъ на мельницахъ имѣнія и ловить рыбу въ рѣкахъ. Выборъ новаго священника и презентація его епископу Владимірскому и Берестейскому предоставляется владѣльцамъ имѣнія. Охранять дарованное церкви имущество ктиторъ приказываетъ съ заклятіемъ сыновьямъ, внукамъ и наслѣдникамъ своимъ, подъ угрозою суда Божьяго и утраты спасенія вѣчнаго, въ чемъ во всемъ *епископъ Берестейскій долженъ имѣть опеку, стараніе и досмотръ.* „А кто бы сему листови фундушови моему въ чемъ крывду чинилъ, оного ломалъ, грунты отбиралъ, и что въ немъ описаное не зважалъ, поповъ Здитовецкихъ вредилъ, таковыхъ и таковогo на страшный судъ Божій и второе пришествіе позываю, на семъ свѣтѣ будетъ проклятъ великою клятвою св. отцовъ триста осмнадесятъ, иже въ Никеи собраныхъ. И къ тому, кто бы дерзнулъ противно сего фундата моего поступовать, тую церковь подвижать и поповъ вредить,—епископъ Берестейскій того маетъ постерегать, *до суду позывать* и всего хоронить. А се я, Иванъ Гурынъ Здитовецкій всякого суду смиренно молю, абы ни въ чемъ сесь мой листъ повреденія не моглъ мѣти“. Каждый будущій владѣлецъ, который рѣшился бы нарушить права той церкви и поповъ, долженъ напередъ заплатить заруки 4 тыс. копъ лит., половину на замокъ Берестейскій, а половину—на владыку и попа, а затѣмъ фундатъ остается тѣмъ не менѣе въ своей силѣ.—Эта запись дана и написана при владыкѣ Берестейскомъ, явлена суду земскому Берестейскому; на ней фундаторъ *присягалъ въ замкѣ Берестейскомъ* передъ судьями. Судъ приложилъ къ ней свою печать судовную [1]).

[1]) Арх. Сборн. VI, № 128.

Въ 1585 г. Ив. Ив. Хребтовичъ заявилъ въ Гродненскомъ земскомъ судѣ для записи въ актовыя книги свою фундушевую запись въ пользу Липской церкви, въ дополненіе къ фундушу своей бабки, жены Юрія Хребтовича, ур. княжны Толочинской, которая назначила для той церкви двѣ волоки земли. Ив. Хребтовичъ, находя, что этого недостаточно для содержанія священника, присоединяетъ еще дворецъ свой Липскій, по имени Тимошковскій, въ которомъ три волоки земли, съ постройками и со всѣми другими угодьями. Но такъ какъ прежнія двѣ волоки, данныя бабкою его, лежатъ вдали отъ названнаго дворца, то владѣлецъ присоединяетъ ихъ къ своимъ дворовымъ имуществамъ, а взамѣнъ выдѣляетъ другія двѣ волоки, населенныя крестьянами со всѣми старовѣчными повинностями и службами этихъ крестьянъ, которыя они обязаны были исполнять при предкахъ его и исполняютъ при немъ. Весь, взятый вмѣстѣ, этотъ фундушъ, состоящій изъ 5 волокъ, владѣлецъ отмежевалъ, „отъ имѣнія своего Липскаго, отъ своей родовой собственности отдѣлилъ, *отсудилъ отъ себя самого, отъ жены и потомства своего*, отъ всѣхъ братьевъ, сестеръ, родныхъ отдѣлилъ и отписалъ“. Избравъ священникомъ о. Василія Мартиновича, фундаторъ вручилъ ему Липскую церковь со всѣмъ наданьемъ на пожизненномъ правѣ, а по его смерти церковь и пользованіе имуществами церкви предоставилъ женѣ его также пожизненно, при чемъ она обязана на свой счетъ содержать годнаго священника. По смерти обоихъ супруговъ, владѣлецъ имѣнія (ктиторъ) и его наслѣдники могутъ назначить другого священника, по собственному выбору. Священники не имѣютъ права отчуждать церковной земли и сами лично не могутъ выступать изъ власти и присуда самого владѣльца и его потомковъ, „такъ какъ эта Липская церковь и поповское послушаніе должно вѣчно принадлежать власти, подаванью и присуду его и его преемниковъ“. Въ случаѣ нарушенія этой записи владѣльцемъ, его наслѣдниками или сторонними лицами, нарушитель, *будучи позванъ въ судъ, прежде всего обязанъ будетъ уплатить заруки королю 200 копъ*

грошей, а священнику 50. А затѣмъ настоящій фундушъ и по минованіи доживотья упомянутаго священника и его жены, сохраняетъ свою полную силу *во всякомъ судѣ на вѣчное время*[1]).

Среди Гродненскихъ актовъ находимъ одинъ, въ которомъ описывается случай закрытія церкви владѣльцемъ и отобранія ея имущества; актъ этотъ есть судебный протоколъ тяжбы 1677 г. между уніатскимъ митрополитомъ Кипріаномъ Жоховскимъ и Воловичами, мать которыхъ, „не памятуя о фундушѣ и завѣщаніяхъ предковъ ея мужа", закрыла церковь въ своемъ имѣніи Балѣ, забрала документы (о фундушѣ), образъ Пречистой Богородицы и много другихъ образовъ, аппараты и сосуды церковные, плебанію (усадьбу церковную) съ постройками и шпиталь, такъ что немалое время прошло, что служба въ церкви не совершается и нѣтъ поминовенія о душахъ предковъ Воловичей; доходы же и десятину Воловичи обратили въ свою пользу. Не смотря на обычныя хитрости адвокатовъ, судъ (земскій) рѣшилъ, что Воловичи обязаны возстановить церковь со всѣми ея имуществами[2]). Дѣло, повидимому, возникло на почвѣ тогдашней борьбы православія съ уніатствомъ; во всякомъ случаѣ судъ призналъ подобный поступокъ владѣльца правонарушеніемъ.

Хотя въ нѣкоторыхъ фундушевыхъ записяхъ прямо отрицается право патрона на замѣну имущества церкви, но въ одномъ изъ приведенныхъ сейчасъ актовъ мы видѣли, что владѣлецъ—патронъ или фундаторъ считалъ себя въ правѣ замѣнить части церковныхъ имуществъ другими въ томъ же или большемъ объемѣ, въ случаѣ явныхъ неудобствъ владѣнія для самой церкви. Вотъ другой фактъ такого же рода: въ 1609 г. Агафія Богдановна Пацъ, ур. Сапѣжанка, утверждая древній фундушъ на Збирожскую церковь св. Параскевы (въ Берестейскомъ повѣтѣ), говоритъ, что церковь должна оставаться вѣчно и нерушимо при тѣхъ имуществахъ, кото-

---

[1]) Ак. Вилен. ком. т. I, № 1.

[2]) Ак. Вил. ком. I. Отд. I, № XXXVI.

рыми владѣли прежніе попы; но видя, что домъ священника стоитъ подъ самымъ дворомъ сына ея—Гайка, что угрожаетъ опасностію отъ огня, она—патронесса переселила попа съ этого церковнаго грунту, причемъ и садъ былъ вырубленъ; въ вознагражденіе за это вмѣсто прежнихъ 4 морговъ и 15 прутовъ, попъ получилъ на новомъ мѣстѣ 10 морговъ и 10 прутовъ. Сверхъ того она же даетъ вновь на діакона цѣлую волоку и на усадьбу два морга и на пономаря волоку [1]). Владыкѣ Владимірскому и Берестейскому дается право защиты данныхъ церковныхъ имуществъ противъ всѣхъ потомковъ фундаторши, если они захотѣли бы нарушить наданье; но подавцею церкви и ея имуществъ долженъ быть не владыка, а сынъ патронессы Янъ Гайко, его жена, дѣти, потомки и преемники [2]).

Приведенными фактами вполнѣ ясно разрѣшаются вопросы, поставленные нами выше, а именно: 1, патронъ и его наслѣдники не имѣютъ права отбирать назадъ имущество у церкви; 2, право на это имущество состоитъ подъ охраною государственныхъ судовъ; 3, защита этого права принадлежитъ епархіальной власти; 4, замѣна имущества другимъ, по указанію необходимости, въ томъ же или большемъ количествѣ (но не меньшемъ), допускается по волѣ патрона; 5, въ случаѣ закрытія церкви патрономъ и присвоеніи имъ имущества, свѣтскіе суды признаютъ такое дѣйствіе противозаконнымъ.

Въ заключеніе, для окончательнаго утвержденія мысли о незыблемости правъ церкви на имущества, приведемъ нѣсколько формулъ частныхъ наданій церквамъ, монастырямъ и епископіямъ: въ 1515 г. Пинскій князь Федоръ Ярославичъ, утверждая фундушъ церкви св. Феодора, говоритъ: „надали есмо тыи дворыща верхуписаныи на тотъ храмъ вечно и непорушно на веки вечныи. А если бы хто мелъ нашо надане отъ того храму порушыти, тотъ розсудится з

---

[1]) Ак. Вил. ком. т. II, № 12.
[2]) Ibid. № 13.

нашыми душами предъ мердымъ Богомъ на страшномъ суде" [1]). Подтверждая имущества, дарованныя Пинской епископіи в. кн. Витовтомъ и Казиміромъ, въ 1518 г., тотъ же князь выражается: „прырекаемъ сами за себе, за всихъ потомковъ щадковъ нашихъ, же въ тые надане ни во што не маем увступоватисе, и то Господу Богу, во Тройцы Одыному, шлубуемъ и хто бы то з насъ, або по насъ будучый дерзнули на церковъ Божую и столецъ тои светый епископии крывдыти, нехай будеть клятый и проклятый отъ св. Апостолъ Петра и Павъла и отъ св. богоносныхъ отецъ седми вселенъскыхъ соборовъ, и Боже его забий на душе и на теле, и да мучытсе душа его во аде со демоны на веки вечные" [2]).

Кн. Андрей Семен. Соколинскій, вопреки волѣ (записи) своего умершаго брата, началъ отнимать отъ Кіев. Печерскаго монастыря людей, записанныхъ этому послѣднему покойнымъ Соколинскимъ. По жалобѣ архим. Вассіана, кор. Сигизмундъ—Августъ въ 1544 г. предписалъ Андрею Соколинскому возвратить монастырю отнятое, съ прибавленіемъ: „если же ты, не обращая вниманія на наше приказаніе, и впредь будешь отнимать отъ церкви Божіей тѣхъ людей, то будь увѣренъ, что пошлемъ нашего дворянина, прикажемъ возвратить ихъ церкви, а съ тебя взыщемъ нашу заруку" [3]).

Въ концѣ XV з. [4]) жена князя Ивана Семеновича Кобринскаго—Феодора, согласно съ завѣщаніемъ мужа, даетъ фундушъ монастырю св. Спаса въ Кобринѣ, именно даетъ ему с. Корчичи и прибавляетъ: „А не вступатисе въ тые

[1]) Описаніе рукоп. отдѣленія Виленской публичной библіотеки. Вып. IV, 1903 г. Прилож. № 62.

[2]) Ibid. № 24.

[3]) Ак. зап. Рос. III. № 1.

[4]) Вил. Ком. (Акты т. III, № 1) отнесла ошибочно этотъ актъ къ 1401 году, потому что въ немъ стоитъ 6909 годъ; но затѣмъ подъ № 2 тутъ же напечатанъ болѣе ранній фундушъ княгини Ульяны Кобринской—матери князя Ивана Семеновича, датированный не цифрою, а словами: „лето шесть тысячъ и девятьсотъ семдесятъ третего" (1465). Сверхъ того подъ фундушемъ кн. Федоры Кобринской въ числѣ свидѣтелей подписался Левъ Боговитиновичъ, жившій въ концѣ XV в.

дѣла иншому никому, штожъ есмо записали по души князя небощика мужа своего, къ монастыру св. Спасу у Кобрини; а хотя бы есть (sic) мелъ иншій вступати въ тые дѣла и той рушити нашъ записъ, тотъ ся розсудитъ на ономъ страшномъ судѣ предъ милостивымъ Богомъ. Богу нашому слава во вѣки вѣковъ. Аминь".

Послѣднее замѣчаніе о непреложности правъ церкви на имущества (въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ) мы можемъ выставить, какъ заключительное для всего нашего этюда о церковныхъ имуществахъ въ юго-западной Россіи XVI в. Сила правъ гражданскихъ для всѣхъ (свободныхъ) лицъ столь крѣпкая въ Литовскомъ государствѣ и дѣлающая ему великую честь, въ особенности ясна въ примѣненіи къ церковнымъ имуществамъ. Въ благовѣрной Москвѣ великіе князья и цари мало стѣснялись древнимъ началомъ неотчуждаемости имуществъ церкви; но ни великіе князья Литовскіе—католики, которыхъ такъ часто выставляютъ гонителями православія, ни шляхетскій польскій сеймъ, ни могущественное католическое духовенство никогда не слѣдовали Московскому примѣру, конечно, не по уваженію чуждыхъ для нихъ византійскихъ традицій, а по уваженію къ незыблемости гражданскихъ правъ вообще.

Кромѣ этого общаго вывода мы получаемъ слѣдующіе частные:

1, Большое количество церковныхъ имѣній юго-западной Россіи (игравшее такую видную роль въ исторіи защиты русской національности церковію), обязано своимъ происхожденіемъ щедрости какъ древнихъ русскихъ князей съ первыхъ временъ христіанства въ Кіевѣ и вел. князей Литовскихъ, такъ и частныхъ жертвователей, увѣренныхъ, что ихъ даръ сохранится за церковію на вѣчность; а потому государство и не могло имѣть притязаній на распоряженіе ими по своему усмотрѣнію.

2, Принципъ неотчуждаемости проводился во всѣхъ его послѣдствіяхъ и соблюдался въ XVI в. довольно строго какъ въ вопросѣ о наслѣдованіи государствомъ выморочныхъ, т. е. оставшихся по закрытіи церковнаго учрежденія, его имуществъ, такъ и въ вопросѣ о manus mortua и секуляризаціи.

3, Право поданья, совершенно отличающееся отъ ктиторства, не противорѣчитъ выраженному сейчасъ принципу: какъ государство (главный патронъ и первоисточникъ права поданья), такъ и общественные союзы и частные владѣльцы не признавали за собою правъ собственности на церковныя имущества, хотя право поданья давало широкія полномочія патронамъ и возбуждало возможность злоупотребленій имъ. Это право постоянно держало въ тѣсной связи церковь съ государствомъ и обществомъ.

4, Дѣйствительными собственниками церковныхъ имуществъ были не патроны, а церковныя учрежденія, именно епископіи, монастыри и церкви. Патроны—только опекуны церковныхъ учрежденій и имуществъ.

М. Владимірскій-Будановъ.

1907 г. Февр. 1.

